

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

На правах рукописи

ТЕРТЕШНИКОВА Наталья Демьяновна

**ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ
КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ**

Специальность 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Бернюкевич Татьяна Владимировна

Чита – 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Вопросы становления личности в предметном поле философского анализа региональной культуры.....	14
1.1. Идея личности в западных философских теориях становления региональной культуры	14
1.2. Формирование представлений о становлении личности в пространстве региональной культуры в русской философии	37
1.3. Проблема определения факторов формирования личности в региональном культурном пространстве	58
Глава 2. Особенности становления личности в региональном культурном пространстве.....	76
2.1. Факторы формирования личности в российском культурном пространстве.....	76
2.2. Становления личности в процессе формирования забайкальского культурного пространства.....	98
2.3. Формирование личности в условиях трансформации культурного пространства Забайкалья в XX-XXI вв.. ..	120
Заключение.....	140
Библиографический список.....	143

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Динамичные изменения, происходящие в мире в связи с распространением глобализации, актуализировали интегративные процессы, влияющие на трансформацию культурного пространства. Одновременно культурное пространство испытывает влияние тенденции к возрождению самобытной культуры, что связано с противоположным глобализации стремлением к сохранению своих традиций, своеобразия этнической культуры, языка, религии. Большую значимость приобретают локальные ценности, генерирующие неповторимую картину мира и регулирующие процесс становления личности на территории регионов. Противодействие между разнонаправленными тенденциями к глобализации и локализации культур стало основанием развертывания дискуссии о роли региональных культурных пространств в формировании личности.

Усиление исследовательского внимания к данной проблеме стало основой определения факторов становления личности в пространстве российской культуры на уровне ее региональных пространств, одним из которых является Забайкалье, обладающее уникальным культурным потенциалом, обеспеченным географическим положением и историко-культурным развитием региона. Формирование личности в условиях Забайкалья, под которым понимаются территории, располагающиеся в зоне контакта природно-ландшафтных областей Северной и Центральной внетропической Азии, граничащие с Монголией, Китаем, Якутией и Амурской областью, происходит под влиянием ряда факторов. Среди них выделяются географические, связанные с отдаленностью российских культурных центров и богатством полезных ископаемых: геополитические, обусловленные приграничным положением; экономические, во многом детерминированные неразвитостью инфраструктуры; историко-культурные, отражающие разнообразие типов этнической и религиозной культуры.

Поликультурность является отличительной характеристикой пространства данного региона, в рамках которой создаются условия для интеграции различных

групп. Однако значимость исследований забайкальского культурного пространства актуализируется в связи с оттоком населения, перестающего воспринимать себя как забайкальцы, и попытками определить факторы становления региональной личности, испытывающей влияние глобализирующейся, общероссийской культуры и культуры, порожденной своеобразием забайкальского культурного пространства.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблема исследования факторов становления личности в рамках регионального культурного пространства относится к междисциплинарным исследованиям и ведется с позиций различных направлений, таких как философия, история, социология, психология, антропология, педагогика и др. Аспекты влияния культуры на личность можно проследить в трудах Дж. Вико, И. Г. Гердера, Ш. Монтескье, Г. Гегеля, М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. А. Сорокина, К. Гирца, Р. Арона, Д. Белла и др.

Закономерности становления личности обоснованы в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Х. Дж. Макиндера, Л. Фробениуса и др. Влияние окружающей человека культуры на его личность отражено в трудах М. Шелера, И. Хейзинги, А. Кребера, К. Клакхона, М. Салинса, Дж. Стюарта, К. Леви-Стросса и др. Концепция «неравенства культур» представлена М. Херсковицем, Ф. Бэгби, В. фон Гумбольдтом.

Необходимость изучения пространственных структур культуры обоснована Л. Лефевром, Э. Сойа, Ф. Броделем, К. Гинзбургом и др. Анализ воздействия регионального культурного пространства на становление личности в рамках методологии мультикультурализма представил У. Кимлика. Синтезируя принципы мультикультурализма и веберовского наследия, идеи о двойственном характере влияния региональной культуры развивали П. Рикер, Д. Дж. Александер, Р. Инглхарт, Р. Линтон, Л. Харрисон, С. Хантингтон и др.

Среди российских исследователей культуры влияние российской культуры, способной обеспечить особый уровень развития личности, отражено в философии П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова и др. Вопрос о

влиянии различных культурно-исторических типов культуры на личность обсуждался такими авторами, как Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров и др.. Идеи об особом месте России в пространстве мировой культуры развиты Н. С. Трубецким, Г. В. Флоровским, Г. В. Вернадским, Л. Н. Гумилевым и др. Проблема личностного становления под влиянием культуры обсуждалась М. П. Погодиным, Г. Гачевым. В. Анучиным, Н. И. Костомаровым, Н. К. Пиксановым, М. Покровским, Г. Н. Потаниным, А. П. Щаповым и др. В советский период обоснованию единства культурного пространства отразилось в трудах М. С. Кагана, Э. В. Ильенкова, Э. С. Маркаряна, Л. Н. Когана, А. И. Арнольдова, Э. А. Баллер и др. После 1991 г В. М. Межуевым была обоснована концепция множественности культур.

Важную роль в определении этно-социальных аспектов идентичности сыграли работы В. А. Тишкова, Л. М. Дробижевой. Актуальными являются современные исследования философов и культурологов, направленные на изучение особенностей культурной идентичности и российского цивилизационного типа: В. С. Глаголева, А. В. Смирнова, И. В. Кондакова, В. Н. Шевченко, М. В. Силантьевой, С. Б. Токаревой, Е. А. Тюгашева, Ю. В. Попкова, А. А. Лисенковой и др.

Методология исследований региональной культуры стала базироваться на трудах М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, В. С. Библиера, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского. В исследованиях А. Я. Гуревича, Г. С. Кнаббе, С. Ю. Неклюдова, В. Н. Топорова использовалась идея диалога, который разные культуры ведут между собой.

Региональное пространство культуры как текст рассмотрено в работах Н. П. Анциферова, А. Я. Гуревича, Н. Л. Жуковской, Л. В. Милова, М. И. Пыляева, Н. А. Синдаловского, П. Н. Столпянского, А. К. Байбурина и др.

Региональная культура как «культурное наследие», «культурная среда», «локальная культурная система» исследовалась А. И. Арнольдовым, О. Н. Астафьевой, Н. С. Злобиным, С. Н. Иконниковой, О. Н. Андреевой, Л. Е.

Фетисовой, А. А. Пелипенко и др. Понятие о системной организации культурного пространства, разрабатывали В. С. Степин, В. Н. Шевченко, А. Я. Флиер, П. С. Гуревич, Д. С. Лихачев, И. В. Кондаков, М. И. Билалов, Леонтьева Е.Ю., Т. В. Бернюкевич, Л. М. Мосолова, И. Я. Мурзина, А. А. Лисенкова, Храпова В.А. и др. Исторические аспекты складывания культурного пространства Забайкалья изучается рядом исследователей, среди которых выделяются А. Г. Букин, М. И. Гомбоева, Л. В. Камедина, М. В. Константинов, С. А. Мельницкая, А. В. Спиридонова, Н. В. Солодовникова, Н. П. Филиппова, М. Н. Фомина и др.

Анализ региональных практик социального развития, социокультурных особенностей российско-китайского приграничья, определение особенностей трансграничного регионального пространства в контексте глобализации представлен в работах В.А. Абрамова, Н.А. Абрамовой, Т.Н. Кучинской, В.С. Морозовой, И.И. Арсентьевой и др.

Тенденции формирования и трансформации культурного пространства Забайкалья в XX-XXI вв. рассмотрены в трудах А. М. Бянкиной, Е. Петровой, Д. А. Крылова, Н. С. Зиминной, Е. Ю. Путинцевой и др. Тем не менее, на сегодняшний день в философии еще не сложилась четкая концепция пространства региональной культуры Забайкалья как целостного феномена общероссийской культуры, оказывающего значительное влияние на становление личности. Это определяет необходимость проведения исследования факторов становления личности в региональном культурном пространстве Забайкалья.

Объект исследования – личность в условиях регионального культурного пространства.

Предмет исследования – влияние факторов региональной культуры Забайкалья на становление личности.

Цель исследования: – выявить специфику влияния региональной культуры Забайкалья на становление личности как носителя данной культуры.

Реализация поставленной цели определила решение следующих **задач:**

1) представить становление региональной проблематики в философских описаниях факторов культуры, влияющих на становление личности;

- 2) определить представления о факторах становления личности в пространстве региональной культуры в русской философии;
- 3) представить анализ проблемы определения факторов формирования личности в региональном культурном пространстве.;
- 4) выявить факторы и тенденции формирования российского культурного пространства;
- 5) раскрыть содержание историко-культурного процесса формирования забайкальского культурного пространства в период кочевых цивилизаций и российской империи;
- 6) доказать влияние региональной культуры Забайкалья на личность в период XX-XXI вв.

Теоретическую базу исследования составили теории культуры зарубежных и отечественных философов культуры, антропологов, социологов и психологов. Это работы, отражающие:

- философско-антропологическую теорию становления личности (Э. Эриксон, Ч. Кули, Л. Колберг, П. С. Гуревич, М. А. Ильин);
- теорию диалога культур (М. Бубер, М. М. Бахтин, В. С. Библер);
- теорию межкультурного взаимодействия (П. П. Гайденко, В. М. Межуев, Л. М. Баткин, М. С. Каган);
- теорию культурно-исторических типов цивилизации (К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер).
- теорию «жизненного мира» (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Шюц).

Методологической основой исследования является:

- системный подход к организации культурного пространства, отражающий понимание культуры как подсистемы бытия (В. С. Степин, П. С. Гуревич, И. Я. Мурзина, В. Н. Шевченко, В. А. Тишков);
- историко-культурный подход, предполагающий анализ становления регионального культурного пространства и его динамики (Л. Лефевр, Э. Сойа, Ф. Бродель, К. Гинзбург);

- семиотический подход, согласно которому культура воспринимается сознанием как информация, сохраняемая и распространяемая обществом при помощи культурных кодов и иных знаковых средств (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, А. Я. Гуревич, Г. С. Кнаббе, С. Ю. Неклюдов, В. Н. Топоров);

- герменевтический подход, позволяющий постигать смыслы и контексты регионального пространства культуры (А. Я. Гуревич, Н. Л. Жуковская, Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, В. Каганский).

Методы исследования.

Анализ влияния факторов региональной культуры на становление личности потребовал привлечения структурно-функционального, философско-культурологического, историко-культурологического, сравнительно-исторического методов. Кроме этого, привлечена общенаучная методология, включающая феноменологическое описание, а также анализ, синтез, идеализация, экстраполяция, моделирование.

Научная новизна исследования:

1. Обосновано, что осмысление влияния культуры на человека в западных исследованиях зависело от влияния универсалистских либо регионалистских концепций культуры, по-разному оценивавших сущность объективных и субъективных процессов формирования личности.

2. Выявлено, что определение влияния российского культурного пространства на личность связано с распространением просветительских идей, которые актуализировали дискурс о факторах становления личности русского человека.

3. На основе анализа проблемы факторов формирования личности в региональном культурном пространстве определено, что на развитие личности в культуре значительное влияние оказывают субъективные ценности, которые актуализируют культурные нормы, являющиеся ядром аксиосферы региональной культуры, эти ценности становятся фактором устойчивости в условиях социокультурных трансформаций.

4. Выявлено, что процесс развития российского культурного пространства содержит противоположные тенденции, включающие как процессы общекультурной интеграции, так и культурной регионализации, а развитие личности обусловлено способами взаимодействия этих процессов.

5. Раскрыто, что важным фактором становления региональной специфики забайкальского культурного пространства является влияние российско-монгольско-китайского приграничья.

6. Доказано, что в условиях современной культурной политики региональные культуры способны сохранить свой культуротворческий потенциал и влияние на личность в рамках аксиосферы культуры.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В западноевропейских концепциях, определяющих факторы и закономерности становления личности, можно выделить два направления, которые соответствуют тенденциям определения доминирующих процессов в культуре: универсализма и регионализма. В рамках первого направления наибольшее значение имели идеи о приоритетности влияния на личность факторов культуры, имеющей универсальный характер. Во втором направлении утверждалось, что на личность оказывают влияние факторы культуры, сформированной в рамках отдельных регионов, характеризующихся специфическими историческими, ментальными, языковыми, художественными, образовательными, политическими, административными особенностями. Результатом взаимодействия этих концепций стало понимание того, что процесс становления личности носит семантически двойственный характер, который предполагает совместное влияние универсальных и региональных параметров культуры, формирующих аксиологические, этические, психологические свойства личности.

2. На осмысление роли российского культурного пространства в формировании личности оказало влияние на русскую философию идей, связанных с просветительскими идеалами, которые переосмысливались в контексте традиционных российских представлений об общинности и

государственности. При этом, с одной стороны, утверждалась приоритетность влияния на личность национальной культуры, с другой – регионального разнообразия культурного пространства. В постсоветское время оформляется направление философской мысли, в рамках которого становление личности понимается как итог влияния объективных ценностей, характеризующих пространство российской культуры, на субъективное мировосприятие человека. Ведущей тенденцией становится разработка концептуальных идей о системной организации регионального культурного пространства, предполагающего сочетание глобальных и региональных параметров, в котором региональная культура характеризуется общероссийскими и локальными свойствами, влияющими на личность.

3. Анализ проблемы определения факторов формирования личности в региональном культурном пространстве позволил сделать следующие выводы. Становление личности в культуре в той или иной мере связано с аксиосферой региональной культуры, структура которой объединяет ценности, на формирование которых оказали воздействие исторические, природно-географические условия, что нашло выражение в своеобразии многогранности региональной культуры. В то же время формирование и изменение личности в условиях регионального культурного пространства проходит под влиянием общероссийских, глобализационных, зарубежных воздействий. Аксиосфера региональной культуры, её нормы, освоенные человеком и ставшие частью его субъективных ценностей, могут стать основанием для устойчивого развития личности в условиях современных социокультурных трансформаций.

4. Расположение России в евразийском регионе является фактором, становления российского культурного пространства, где произошла встреча представителей различных культурных типов. Это повлияло на формирование личности, особенности которой зависят от диалектики национального и регионального в культуре в целом. Формирование личности в рамках российского культурного пространства происходит при взаимодействии процессов становления российской культуры, ориентированной на общероссийские

ценности и идеалы, и развития региональных культур, имеющих свои локальные (этнические, религиозные и т.д.) характеристики.

5. История Забайкалья представляет пример формирования и развития региональной культуры, которая в течение XVII-XIX в. стала частью общероссийского культурного пространства, и в рамках которой происходило формирование социокультурных особенностей населения. Специфика регионального культурного пространства в значительной мере связана с его нахождением в рамках российско-китайско-монгольского приграничья. Сочетание этих характеристик сформировало объективные факторы, сделавшие регион привлекательным для проживания населения, ориентированного как на национальные, так и на региональные ценности. Взаимодействие различных региональных групп между собой, их опыт социокультурного сотрудничества порождали условия, в рамках которых произошло формирование особой надэтнической региональной социокультурной общности, определяющей себя как «забайкальцы».

6. Развитие культурного пространства Забайкалья в советский период определялось политикой унификации и модернизации, что приводило к нарушениям в развитии локальных этнических культур, которые подчиняясь давлению культурного центра, сокращали свой потенциал и возможности влияния на личность. В постсоветский период в связи с процессами возрождения этнических культур региона и усилением влияния таких факторов становления аксиосферы культуры региона, как традиции этносов, религий, языка, опыт межкультурного взаимодействия в рамках российско-монгольско-китайского приграничья, был сформирован культурный потенциал, способный противостоять культурной унификации и обеспечить развитие личности в рамках региональных этнических, религиозных, культурных объединений.

В современных условиях становления личности происходит в рамках регионального культурного пространства, которое выступает частью общероссийского культурного пространства, интегрирующего ценности и особенности региональных культур. Своеобразие региональной культуры и

особенности регионального типа личности в данном случае могут стать залогом устойчивого развития личности в процессе социокультурных изменений.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют развить теорию межкультурного взаимодействия П. Гайдено, В. М. Межуева, Л. Баткина, М. С. Кагана за счет разработки идеи о семантически двойственном характере влияния культуры на личность, который предполагает дополнительное влияние универсальных и региональных факторов культурного пространства. Нами дополнена философско-антропологическая теория становления личности Э. Эриксона, Ч. Кули, Л. Колберга, П. С. Гуревича, М. А. Ильина за счет идеи о том, что региональное культурное пространство, являющееся личностнообразующей реальностью для личности, трансформируется под влиянием внешних, глобализационных, общероссийских, зарубежных воздействий, нацеленных на его вовлечение в более крупное культурное пространство. С другой стороны аксиосфера культуры противопоставляет этим воздействиям ценности, придающие региональной культуре единство и системность, за счет обращения к повествованиям, прославляющим региональные традиции прошлого, мифами, легендами о нем, способствующим сохранению регионального культурного пространства как самостоятельной целостности.

Практическая значимость работы определяется ее направленностью на выявление ценностного влияния факторов регионального культурного пространства на личность, что способствует реализации задач прогнозирования культурной политики региона. Анализ влияния региональных факторов на становление личности позволяет осуществлять прогноз общественного развития и разрабатывать методы эффективного регулирования межкультурного взаимодействия. Результаты исследования могут быть применены при разработке спецкурсов философии культуры, региональной истории и культуры Забайкалья, в социальной философии, культурологии и других гуманитарных дисциплин.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждена соответствием теоретическим положениям существующей парадигмы философских

представлений о развитии культуры и личности. Результаты исследования апробированы при обсуждении на кафедре философии Забайкальского государственного университета, а также на конференциях: Международная научно-практическая конференция «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья» (Чита, 2019), Международная научно-практической конференция, посвященная 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Хангил-Гол (Чита, 2019), III Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы образования, науки и технологий» (Москва, 2019), Международная научно-практической конференция «Концепции, теория и методика фундаментальных и прикладных научных исследований» (Уфа, 2019), XIII Международная научно-практическая конференция «Управление экономическими системами: малое предпринимательство в условиях новых вызовов» (Чита, 2019), Международный научный форум «Наука и инновации: современные концепции» (Москва, 2019), Межвузовский научный конгресс «Высшая школа: научные исследования» (Москва, 2019), Международная конференция «Process Management and Scientific Development» (Birmingham, 2020), Международная научно-практической конференция, «Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество» (Чита, 2020). Выводы диссертации нашли отражение в 14 публикациях, в том числе в трех статьях, опубликованных в журналах из перечня, утвержденных ВАК Министерства образования Российской Федерации.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из Введения, двух глав, включающих шесть параграфов, Заключения и Библиографического списка.

Глава 1. Вопросы становления личности в предметном поле философского анализа региональной культуры

1.1. Идея личности в западных философских теориях становления региональной культуры

Личность традиционно является предметом философских исследований, которые, как пишут к Л. Хьелл, Д. Зиглер¹, понимают под этим понятием отображение социальной природы человека, определяемого в качестве носителя индивидуальности, раскрывающейся посредством деятельности и общения. Наиболее дискуссионным моментом исследований человека, как полагает Б. Г. Ананьев, является определение его самосознания, которое характеризуется незавершенностью, текучестью, неопределенностью². В философии признается, что это состояние не может быть достоверно и однозначно определено, однако личность понимается как субъект, с которым возможно наладить диалогическое общение. Подтверждение этого утверждения возможно обнаружить в произведениях Ю. Хабермаса, который обосновал положение о личности, как органичном элементе культуры, складывание которого происходит благодаря воздействию исторических, социальных, этнических, социо-психологических, экономических, политических и иных факторов³. В социальной философии, как правило, уделяется внимание, как влиянию объективных факторов, так и говорится о том, что значительную роль играет субъективный внутренний мир, который проявляется в речи, в индивидуальной и коллективной памяти, символике времени и пространства, идеологии и т.д. При этом, современные концепции определяют становление личности не в качестве результата, а процесса межкультурного взаимовлияния.

Одним из значимых достижений философии культуры, как отмечает Е. Ю. Почтарева, стало выявление и последующий анализ факторов становления

¹Хьелл Л., Зиглер. Д. Теории личности: монография. СПб.: Питер, 2003. С. 73.

² Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания: монография. СПб.: Питер, 2001. С. 17.

³Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35-40.

личности, в состав которых разные авторы включали, различные характеристики культуры¹. В частности, как пишет А. В. Гончаров, долгое время осмысление процесса становления человека проходило в рамках религиозной концепции, ярко выраженной Августином Блаженным, согласно которой и человек и его культура представляются производными продуктами творческой деятельности Бога². В Новое время, как указывает Р. Тарнас, в связи с началом преодоления религиозного мировоззрения началось формирование предметного поля исследований культуры, как явления, связанного с деятельностью и сознанием человека³. Термином «культура» европейцы стали пользоваться в XVII в. для указания на разницу между развитием собственных культурных достижений и уровнем жизни колонизируемых ими территорий⁴. Понятие «культура» в трудах Дж. Вико⁵, И. Г. Гердера⁶, Ш. Монтескье⁷ интерпретировалась в контексте эволюционной концепции, развивающей методологию линейного подхода, в рамках которого развитие культуры представлялось в виде единого и однонаправленного движения от простых культурных форм к сложным, влияющим на формирование более совершенной личности. Линейная концепция не предполагала специализированный анализ влияния на личность региональной культуры, но, в ее рамках шло накопление сведений о культуре различных регионов. В частности, в XVIII в. в исследованиях культуры стали пользоваться термином «провинциальный», который восходил к латинскому пониманию культуры вне италийских территорий, управляемых римскими чиновниками.

В начале XIX в. концепция, согласно которой отдельные проявления локальных культур являются неотъемлемой и непротиворечивой составляющей единого процесса развития мировой культуры была обоснована Г. Гегелем⁸. Г.

1Почтарева Е. Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. 2017. № 4 (32). С. 563-575.

2 Гончарова А.В. Ценностная модель человека в философии Августина Блаженного // ВісникСевНТУ. 2013. № 141 С. 141-144.

3Тарнас Р. История западного мышления: монография. М.: КРОНПРЕСС, 1995. 448 с.

4 Ионин Л. Г. История слова «культура» // Социология культуры. М.: Логос, 1998. С.9-12.

5Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций: монография. М.-К.: REFL-book, ИСА, 1994. 656 с.

6 Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества: монография. М. Наука, 1977. 704 с.

7Монтескье Ш. Л. О духе законов: монография. М.: Изд-во «Мысль». 1999. 674 с.

8Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории: монография. СПб.: Наука, 2000. С. 57-480.

Гегель был уверен в том, что средоточием развития мировой культуры является Западная Европа, где под влиянием научно-технического прогресса формируется свободная и развитая личность, принципиально отличающаяся от того типа человека, который формировался под влиянием культуры Востока, которая признавалась носителем «неполноценных» достижений. Отсюда можно заключить, что Г. Гегель различал региональные проявления культур, однако его концепция доказывала положение о том, что универсальное значение для развития личности имеет только западноевропейский образец культуры¹.

Эти универсалистские представления о культуре и ее влиянии на личность продолжали развивать М. Вебер², Э. Дюркгейм³, П. А. Сорокин⁴, Ф. Теннис⁵ которые доказывали, что культура, представляемая в качестве единого, мирового целого, состоящего из коллективных представлений, задающих параметры общего уровня общественной жизни, формирует личность, как ее элемент. В концепции М. Вебера⁶ господствует идея о том, что основным принципом развития культуры является европейская рациональность. Эти же идеи развивает концепция Э. Трельча, считавшего, что европеизм представляет оплот мировой культуры в борьбе против желтой расы и варварства⁷.

Аналогичные идеи развивали представители эволюционного функционализма Г. Спенсер⁸, Э. Тайлор⁹, Дж. Фрэнклер¹⁰, А. Бастиан¹¹, Л. Г. Морган¹², в произведениях которых становление личности связывалось с влиянием культурных традиций и новаций. Они связывали становление

1 Там же. С. 57-480.

2 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: монография. М.: Ист-Вью, 2002. 656 с.

3 Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение: монография. М.: Канон, 1995. 352 с.

4 Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории: монография. М.: Мысль, 1971. 348 с.

5 Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии: монография. М.: Фонд Университет, СПб.: Владимир Даль, 2002. 450 с.

6 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: монография. М.: Ист-Вью, 2002. 656 с.

7 Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории: монография. М., Республика, 1995. С. 608-647.

8 Спенсер Г. Опыты научные, философские и политические: монография. Мн.: Современный литератор, 1999. 1408 с.

9 Тайлор Э.Б. Первобытная культура: монография. М.: Изд-во полит. культуры, 1989. 574 с.

10 Фрэнклер Дж. Золотая ветвь: монография. М. Политиздат 1983. 703 с.

11 Bastian A. Die Völker des Ostlichen Asien. Bd. 3 Reisen in Siam im Jahre 1863 von Dr. Adolf Bastian: monograph. Jena: Herman Constenoble. 1867. 540 s.

12 Морган Л. Г. Морган Л.Г. Древнее общество: Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации: монография. Л. Народов Севера ЦИК СССР. 1934. 352с.

человеческой личности с общими закономерностями развития культуры. Положения эволюционного функционализма, как пишет Р. К. Мертон¹, позволяют прийти к выводу о том, что становление личности с этой точки зрения связывается с активностью «структур», представляющих модели деятельности и взаимодействия с окружающим социумом и природой. В контексте эволюционизма личность формируется под влиянием таких факторов, как:

- материальный, отражающий возможность культуры к удовлетворению базовых потребностей в пище, жилище, одежде и т.п.;
- социальный, отражающий функционирование в обществе систем, связанных с социальной гармонией, социальным контролем, безопасностью, разделением труда, защитой, законами, религией, искусством и т.п.;
- духовный, отражающий ключевую роль моральных норм, ритуалов, обычаев, представляющих культурные механизмы, посредством которых происходит удовлетворение жизненно важных потребностей².

Сходная оценка закономерностям становления личности в культуре давалась в антропологических трудах Ф. Боаса³, Б. К. Малиновского⁴, Р. Редфилда⁵, А. Р. Рэдклифф-Брауна⁶, Л. Леви-Брюлля⁷, К. Гирца⁸, М. Леви⁹, Б. Хозелитца¹⁰, Э. Шилза¹¹, Ш. Эйзенштадта¹², Г. Элмонда¹³, где также разрабатывались представления о культурной эволюции, как процессе вытеснения традиции современностью, что связывалось с верой в восходящее развитие общества. Согласно положениям этих концепций, формирование

1 Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура: монография. М.: АСТ, 2006. С. 43.

2 Barnard, A. 2000. *History and Theory in Anthropology*: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 256 с.

3 Боас Ф. Ум первобытного человека: монография. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 154 с.

4 Малиновский Б. К. Магия, наука и религия: монография. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.

5 Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. (1936) Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist*, Vol. 38, No. 1, 149-152.

6 Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература РАН, 2001. 304 с.

7 Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет: монография. СПб.: «Европейский Дом», 2002. 400 с.

8 Гирц К. Интерпретация культур: монография. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

9 Levy M.J. *Modernization and the Structure of Societies*: monograph. Princeton, 1966. 880 p.

10 Hoselitz B. *Entrepreneurship and Economic Growth* // *American Journal of Economics and Sociology*, 12, no.1 (October), 1952, Pp. 97-110.

11 Shils E. *The Intellectual Between Tradition and Modernity: The Indian Situation*: monograph. The Hague, 1961. P. 95

12 Эйзенштадт, Ш. Новая парадигма модернизации // *Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 470-479.

13 Almond G. *Capitalism and Democracy* // *Political Science* 24 (September 1991). Pp. 467-74.

личности происходит благодаря влиянию культурных процессов индустриализации, бюрократизации, секуляризации, урбанизации. При этом личности отводилась пассивная роль, предполагающая восприятие влияния внешних условий культуры¹.

Среди трудов, специально посвященных развитию культуры в рамках линейного развития, наиболее значимы разработки Н. Элиаса², который доказывал, что личность развивается под влиянием прогресса цивилизации. По его мнению, процесс совершенствования человека, осуществляется путем воспитания, познания, труда и власти. Эта концепция определяла содержание публикаций Дж. К. Гэлбрейта³ и Т. Веблена⁴, утверждавших, что задачей индустриального общества является достижение эффективности в процессе производства материальных благ, определяющих параметры формирования личности⁵. Картину линейно развивающегося технического прогресса рисовали Д. Нэбитт и П. Эбурдин⁶, считавшие, что высокие технологии в сочетании с принципами социального государства и свободного рынка, ведут к одухотворению личности.

Взаимовлияние личности и культуры с обращением к методологии, признающей единственно верной линейную модель культуры, обосновано в трудах Р. Арона⁷, Д. Белла⁸, З. Бжезинского⁹, А. Кребера¹⁰, Д. Рисмена¹¹, У. Росту¹², Л. Уайта¹³. Развитие ими представляется в качестве закономерного, поступательного процесса трансформации личности, который имеет

¹ Тертешикова Н. Д. Влияние региональной культуры на личность в философских концепциях и литературных описаниях // Социология. 2019. №5. С.85-96.

² Элиас Н. Общество индивидов: монография. М. Алетейя, 2001. С. 37-38.

³ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: монография. АСТ, 2004. 608 с.

⁴ Веблен Т. Теория праздного класса: монография. М; Прогресс, 1984. С. 57. 367 с.

⁵ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: монография. АСТ, 2004. С. 99.

⁶ Нэбитт Д., Эбурдин П. Десять новых направлений на 90-е годы: монография. М. Республика. 1992. 415 с.

⁷ Арон Р. Опium интеллектуалов: монография. М.: АСТ, 2015. 480 с.

⁸ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. Москва: Прогресс, 1986. С. 330-342.

⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы: монография. М.: АСТ, 2013. 703 с.

¹⁰ Kroeber A. The Nature of Culture: monograph. N.Y., Chicago: The University of Chicago Press, 1952. P. 164.

¹¹ Risman D., Glaser N., Danney R. Lonely crowd. The study of American character: monograph. New York, 1950. 352 p.

¹² Rostow W.W. The Stages of Economic Growth // The Economic History Review, New Series, Vol.12, N1. 1959. P. 1-16.

¹³ White L. The Evolution of Culture: monograph. N. Y.: McGraw-Hill, 1959. 378 p.

общепланетарные параметры, включая наличие следующих друг за другом стадий традиционного, индустриального и постиндустриального общества.

Эволюционное развитие культуры представлялась в качестве ключевого фактора, влияющего на становление личности в работах авторов «доклада для Римского клуба», таких как Д. Медоуз, Дж. Рандерз и У. Бехренс¹, выдвинувших идею, согласно которой на становление личности современного человека оказывала влияние научно-техническая революция. Она связывалась с ростом населения, последствиями производства промышленности, продовольственной проблемой, истощением ресурсов, загрязнением окружающей среды, которые негативно влияли на человека и вели население Земли к катастрофе. В духе, соответствующем содержанию докладов Римскому клубу, были написаны книги А. Тоффлера², М. Маклюэна³, А. Маркузе⁴, Х. Ортега-и-Гассета⁵, где личность представлялась элементом культурной системы эпохи постиндустриального заката, сопровождающегося противоречиями развития производства, распадом социальных отношений и ценностей. Тем не менее, и в этих трудах европейская культура рассматривалась как универсальная, основанная на верховенстве разума, рациональности, возвышающей ее над стихийностью других культур.

Важно отметить, что значимость и влияние линейной методологии, объясняющей специфику развития личности посредством обращения к идее прогресса и модернизации очень велика. Однако европоцентризм является не единственным направлением, пытающимся анализировать факторы формирования личности. В рамках гуманитарного знания, априори предполагающего дискурсивность, наличествуют противоположные оценки.

Они появились во второй половине XIX в. в рамках концепций, которые обосновывали идею о неравномерности культурного развития различных регионов и разном влиянии их культуры на личность. Впервые такая точка зрения

1 Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L., Behrens W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind: monograph. Y.N.:Universe Books, 1972. 211 с.

2ТоффлерЭ. Третьяволна: монография. М.: АСТ, 2010. 784 с.

3 Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека, печатающего: монография. М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2013. 496 с.

4 Маркузе Г. Одномерный человек: монография. М.: Refl-book, 1994. 368 с.

5Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры: монография. М.: Искусство, 1991. 592 с.

была представлена трудами И. Н. Данилевского¹, О. Шпенглера² и А. Тойнби³, которые критически воспринимали установки европоцентризма, считавшего, что сложившаяся к рубежу XIX-XX вв. культура народов Европы является эталонной. В концепции, раскрывшей реальность многочисленных локальных культур, автором которой был О. Шпенглер, доказывалось, что каждая отдельная культура является организмом, обеспечивающим формирование уникальной личности. Становление личности в рамках каждой культуры связывалось О. Шпенглером с проявлением коллективной души народа и поэтому зависело только от самой культуры, которая осуществляла реализацию своих потенций, выступающих как явления языков, народов, вероучений, государств, искусств, наук и на разных стадиях своего развития формировала разные типы личности⁴. А. Тойнби, развивая теорию «круговорота локальных цивилизаций», доказывал, что формирование личности происходит в результате борьбы за нравственные идеалы и духовные ценности. Как он доказывал, развитие личности зависит только от ответов, которые дает творческий человеческий дух на вызовы, бросааемые ему внешним миром⁵.

Постепенно произошел поворот философской мысли в сторону теории региональной культуры. Методологическим последствием распространения вышеупомянутых точек зрения стало формирование регионального подхода к вопросу о факторах становления личности, начала которого разрабатывались в трудах Ф. Ратцеля⁶, Р. Челлена⁷, Ф. Науманна⁸, Х. Дж. Макиндера⁹. Основой их убеждения была идея о том, что для формирования человека как полноценной личности достаточно того культурного влияния, которое обеспечивало ему пространство культуры, в рамках которого он проживал. Культурное влияние

1 Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.): монография. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.

2 Шпенглер О. Закат Европы: монография. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.

3 Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. М.: Рольф, 2001. 640 с.

4 Шпенглер О. Закат Европы: монография. М.: Ин-т Европы РАН, 2010. С. 14-15.

5 Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник. М.: Рольф, 2001. С. 269.

6 Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Геополитика. СПб.: Питер, 2007. С. 15-36.

7 Челлен Р. Государство как форма жизни: монография. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с.

8 Науманн Ф. Срединная Европа: монография. Петроград: К-во Огни. 1918. 136 с.

9 Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162-169.

было обеспечено такими элементами региональных культур, как географическое пространство, ландшафтные, климатические условия, а также административно-территориальное устройство. Ареал региональной культуры, как представлялось, несмотря на различия в величине, обеспечивал возможность развития личности за счет того, что обладал неповторимыми культурными: историческими, ментальными, языковыми, художественными, образовательными, политическими, административными особенностями.

Например, закономерности становления личности под влиянием пространств локальных культур были проанализированы в трудах представителей культурно-исторического направления в философии¹. Ф. Ратцель, будучи одним из основателей этого направления, обосновал положения теории «диффузии культур», в рамках которой принимается постулат о том, что в конкретных географических условиях формируются специфические историко-культурные области, осваиваемые людьми, придающими им качества «одушевленности»². Учение Ф. Ратцеля, предполагавшего, что фактором формирования личности является влияние географической среды на различные культуры, стали доказывать Р. Челлен³, Ф. Науманн⁴, Х. Дж. Макиндер⁵.

Развивая эти идеи, Л. Фробениус⁶, Ф. Гребнер⁷, В. Шмидт⁸, И. Я. Бахофен⁹, О. Вейнингер¹⁰, разработали положения теории «культурных кругов», в рамках которых объявлялось, что пространство представляет ведущий фактор становления культуры, занимающих его государств или народов. Это определяется тем, что пространство представляет среду обитания человека, обуславливая его культуру территориальными характеристиками, а также

1Белик А. А. Культурология: Антропологические теории культур: монография. М.: РГГУ, 1999. С. 233.

2Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Геополитика. СПб.: Питер, 2007. С. 15-36.

3Челлен Р. Государство как форма жизни: монография. М.: РОССПЭН, 2008. 319 с.

4Науманн Ф. Срединная Европа: монография. Петроград: К-во Огни. 1918. 136 с.

5Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162-169.

6Frobenius L. Kulturgeschichte Afrikas. Prologomena zu einer historischen Gestaltlehre: monograph. Zurich, 1933. P.183-185.

7Graebner. R. F. Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien // Zeitschrift für Ethnologie. Band 37. 1905. S. 28-53.

8Schmidt, W. Die Mon-Khmer-Völker, ein Bindeglied zwischen Völkern Zentralasiens und Australasiens, The Mon-Khmer peoples, a link between the peoples of Central Asia and Australasia // Archiv für Anthropologie, Braunschweig, new series, 1906. 5:59-109.

9Бахофен И. Материнское право // Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1996. Т. 1. 496 с.

10Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование: монография. М.: Сфинкс, 1909. 420 с.

ландшафтом и рельефом. Выделять отдельные типы культуры они стали по региональному и территориальному признаку, утверждая, наличие речных, морских, океанических, горных, степных, лесных, пустынных цивилизаций. В рамках выделяемых таким образом цивилизаций влияние на становление личности оказывали факторы, сформированные локальными культурными пространствами, в состав которых включались природные факторы, способы организации сообществ, технологии коммуникации, организация хозяйственного уклада, а также обряды и верования.

Впоследствии тенденция, связанная с осознанием необходимости теоретического обоснования формирования личности под влиянием региональной культуры, отчасти проявилась как неотъемлемый элемент экзистенциального и структуралистского направлений. В частности, М. Шелер¹, Г. Торо², Е. Финк³, И. Хейзинга⁴ уделяли внимание анализу мироощущения, основанного на ценностях культуры, окружающей человека, как подлинной и народной, являющейся источником личностного бытия. Структуралистские и экзистенциалистские идеи представляли мировоззренческий фундамент плюралистических моделей культуры, развиваемых А. Кребером и К. Клакхоном⁵, М. Салинсом⁶, Дж. Стюартом⁷, К. Леви-Строссом⁸. В качестве фактора, который определяет становление личности, они указывали на «этос», который представлялся ими как культурное ядро, содержание которого представляет взгляды, идеалы и ценности, которые доминируют в культурах и контролируют формирование личности. Согласно идеям А. Кардинера⁹, Р. Линтона¹⁰ и Р. Бенедикт¹¹ становление личности определялось традициями мировосприятия, которое складывалось под

1 Шелер М. Проблемы социологии знания: монография. М.: Инс-т общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.

2 Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу: монография. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 240 с.

3 Финк Е. Основные феномены человеческого бытия: монография. М.: Канон+, 2017. 432 с.

4 Хейзинга Й. *Homo ludens*. Человек играющий: монография. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

5 Kroeber A. L., Kluckhohn C. *Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions: monograph*. Cambridge (Massachusetts), 1952. P. 14.

6 Sahlins M. *Culture in Practice: Selected Essays: monograph*. N.Y.: Zone Press, 2000. 646 p.

7 Стюарт Дж. Холл. Учение и жизнь ранней церкви: монография. Новосибирск: Посох, 2000. 324 с.

8 Леви-Стросс К. Печальные тропики: монография. М., Мысль, 1984. С. 130.

9 Кардинер А. Индивид и его общество. Психологические границы общества // *Культурология*, 2005. 1 (32). С. 40-92.

10 Linton R. *The Cultural Background of Personality: monograph*. NY. L., 1945. P. 126.

11 Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры: монография. М.: РОССПЭН, 2004. 256 с.

влиянием воспитания, принятого в региональных культурах. Одним из первых к пространственным характеристикам культуры, в частности к значимости их протяженности и объемности, обратился социальный антрополог А. Леруа-Гуран¹, занимавшийся вопросами восприятия пространства в различных культурах.

Под влиянием перечисленных концепций М. Херсковиц² и Ф. Бэгби³ стали развивать собственную теорию, утверждающую, что культуры развиваются неравномерно, а народы являются творцами собственных культур, которые являются фундаментом их целостности. К этому же идейному тезаурусу относилось введение в научный оборот такого понятия, как «менталитет», сделанное В. фон Гумбольдтом⁴. Значение термина «менталитет» ассоциировалось его автором со своеобразием миро- и само-восприятия человека в определенных региональных условиях. Это открытие стало основанием для так называемого «пространственного поворота» в теории культуры, который произошел вслед за публикацией трудов Л. Лефевра⁵ и Э. Сойа⁶, которые указали на необходимость переориентации исследований региональной культуры от исторических аспектов к изучению их пространственных структур.

В рамках совершающегося «пространственного поворота» совершались описания, которые были нацелены на практический анализ особенностей влияния на становление личности факторов конкретных региональных культур. Представляемые работы доказывали, что региональный подход к исследованию культуры обеспечивает содержательную полноценность и смысл, в рамках которого культуры регионов перестают восприниматься, как второсортная копия основной линии развития культуры. Одной из теорий, доказывающих эти положения, стал современный европоцентризм, понимаемый как одно из

1Leroi-Gourhan A. The Dawn of European Art: An Introduction to Palaeolithic Cave Painting :monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 239.

2 Herskovits M. Cultural Relativism: Perspectives in Cultural Pluralism: monograph. N. Y.: Vintage, 1972. P. 383.

3Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations: monograph. N. Y.; L. University of California Press, 1958. 256 p.

4Гумбольдт В. фон. О мышлении и речи // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

5Lefebvre H. La production de l'espace: monograph. Paris: Anthropos, 1974. 485 с.

6Soja E. Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory: monograph. London: Verso, 1989. 266 p.

множества вариантов региональной культуры. Практическим воплощением этих идей служили описания различных культурных регионов Европы Ф. Броделя¹, К. Гинзбурга², Р. Дарнтон³, в которых анализировались специфические особенности мировоззрения людей, населявших различные культурные пространства в рамках Европы. Образцом таких исследований региональной культуры может служить работа Ф. Броделя о Средиземноморье, где изучение регионального культурного пространства было проведено в рамках методологии комплексного подхода, включающего анализ набора факторов от природно-средового до состояния сознания населения, воспринимающего свою культуру в качестве центра мирового развития⁴.

Еще одним вариантом теории региональной культуры, которая претендует на широкое влияние в философии культуры, является американоцентризм, в котором в качестве центра мировой культуры современности выступает Америка, выступающая в образе Нового Света. В представлениях таких авторов, как Т. Джефферсон⁵, Р. Биллингтон⁶, А. Крэйвен⁷, Ф. Мерк⁸, Г. Смит⁹, Ф. Д. Тёрнер¹⁰, Дж. Робертсон¹¹, Б. Ф. Райт¹² и др. она представляется новым культурным пространством, принципиально иным миром, обеспечивающим становление нового типа человека. Америка рисуется как территория культуры, в которой возникали новые надежды и мифы. При этом, как они полагают несмотря на то, что история американского континента изобилует распространением разного рода иллюзий, именно они и влияли на становление личности американца.

1Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч 1. Роль среды: монография. М., Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

2Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.: монография. М., РОССПЭН, 2000. 272 с.

3Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры: монография. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 384 с.

4Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч 1. Роль среды: монография. М., Языки славянской культуры, 2002. С. 15-16.

5Джефферсон Дж. Декларация независимости. Инаугурационные речи. Алматы: ВШП «Әділет», 1999. 58 с.

6Billington R.A. America's frontier heritage: monograph. N.Y.: Holt, 1966. 310 p.

7Craven A. Turner's theory and the South // Journal of Southern history, 1939. Vol. 5. №3. P. 291.

8Merk F. The Oregon Question. Essays in Anglo-American Diplomacy and Politics: monograph. Cambridge (Mass.), 1967. P. 238.

9Smith H.N. Virgin land, the American west as Symbol and Myth: monograph. Massachusetts: Harvard University Press, 1950. 305 p.

10Turner F.J. The frontier in American history: monograph. N.Y.: Henry Holt and Company, 1931. 375 p.

11Robertson J. American Myth. American Reality: monograph. NY: Hilla and Wang, 1980. P. 26.

12Wright B.F. American democracy and the frontier // Yale review, 1930. Vol. XX. №4. P. 349-365.

Нельзя обойти вниманием творчество философов, посвященное региональному варианту культуры Востока, которое в течение XIX-XXI в. исследовалось в творчестве таких авторов, как С. П. Фицджеральд¹, Т. Буркхарт², Б. Карлгрен³, Ж. Масперо⁴, К. Кирквуд⁵, Дж. Макгован⁶, Э. Шефер⁷ и др. В их трудах личность восточной культуры формируется в условиях, где господствуют поэтические метафоры и фантастические образы. Сознание здесь нацелено на интуитивное постижение истины, ориентируясь больше на мистическое озарение, чем на логические рассуждения. Как фактор формирования личности здесь большое значение играет искусство, отличающееся условностью, таинственностью, символичностью, недосказанностью. Как пишет Н. И. Конрад, все формы искусства, также как и философии характеризуются синтетическим характером, в котором смешиваются живопись, графика, поэзия, каллиграфия⁸. Этика восточного человека, нацеливает его на ценности созерцательности, консерватизма, аскетизма, обычаев и традиций. В отличие от динамичного человека, формируемого западной культурой, личность восточного человека скорее инерционна, она растворена в мире культуры и не противопоставляет себя ей⁹.

Однако в современном мире выделяется не только западная и восточная культуры, так как, начиная с XIX в. обнаружилась проблема противостояния региональных вариантов культуры Юга и Севера, в рамках которого сталкиваются между собой и различные типы личности, сформированные этими культурами. Обсуждение этой проблемы началось с формирования концепции негритюда, поставившего перед собой задачу обоснования исключительной роли

1 Фицджеральд С. П. Китай. Краткая история культуры: монография. СПб.: Евразия, 1998. 456 с.

2 Буркхарт Т. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы: монография М.: Алетея, 1999. 216 с.

3 Karlgren B. The Authenticity of Ancient Chinese Texts // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 1929. T.1. Pp. 165-183.

4 Масперо Ж. Древняя история народов Востока: монография. М.: Издание Солдатенкова. Тип. Волчанинова и бывш. Д.И. Иноземцева, 1895. VIII. 715 с.

5 Кирквуд К. Ренессанс в Японии (культурный обзор семнадцатого столетия): монография. М.: Наука (ГРВЛ), 1988. 304 с.

6 Макгован Дж. Китайцы у себя дома: Очерки семейной и общественной жизни: монография. СПб.: А.Ф. Девриен, нач. XX в. 225 с.

7 Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан: монография. М.: Наука (ГРВЛ), 1981. 608 с.

8 Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках: монография. М.: Наука, 1991. С. 125-129.

9 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: монография. М.: АСТ, 2003. С. 34.

черной расы в истории мировой культуры. Такие исследователи, как М. Делани¹, Э. Блайден², Х. Линч³, Дж. Гилберт⁴ доказывали, что Юг является прародиной человечества, давшей человечеству первую цивилизацию, основанной на стремлении сохранить изначальную традицию и оказать альтруистическую помощь молодым цивилизациям Севера⁵. Это, как пишет Х. Линч⁶, стало причиной возникновения колониальной зависимости, от которой африканские страны стали освобождаться только в XX в. в связи с возрождением национальной культуры и стремлением народов защитить ее. Эти причины понимаются В. Каретта, как ведущие факторы становления личности в условиях африканских культур, а также субкультуры американских негров⁷.

Наряду с ними также рассматривается влияние традиционных форм мифологии, магии, идолопоклонничества, фетишизма, тотемизма, которые превосходят по своему влиянию также распространенные среди представителей черной расы христианство, буддизм и ислам. Большое значение на формирование личности здесь, как показывает Л. С. Сенгор⁸, оказывает искусство, отличительной чертой которого признается экспрессия, наиболее ярко проявленная в различных формах традиционной музыки, танца, изобразительного искусства. Все это влияет на становление личности, которая радикально отличается от человека, формируемого в условиях северной культуры. Более того, Л. С. Сенгор доказывает, что африканская культура превосходит северную культуру и показывает человечеству единственный путь выживания. К этому

1Delany M. The Political Destiny of the Colored Race //The Ideological Origines of Black Nationalism. Boston: Beakon Pr. 1972, P. 30–38.

2Blyden E. W. Christianity, Islam and the Negro Race: monograph. Baltimore, MD: Black Classic Press, 1994. xv, 432 p.

3Lynch H. E.W. Blyden: Pan-Negro Patriot, 1832-1912: monograph. L-Ibadan-N.Y.,1967, P. 251.

4Apropos of Africa. Sentiments of Negro America Leaders on Africa from 1800s to 1950s. L.: Frank Cass, 1969. P.119

5 Campbell J. Mythic Black Fiction: A Transformation of History: monograph. Knoxville, TN: The University of Tennessee Press, 1986. XVIII. P. 86.

6Lynch H. E.W. Blyden: Pan-Negro Patriot, 1832-1912: monograph. L-Ibadan-N.Y.,1967. P. 251.

7Carreta V. Equiano, the African: Biography of Self-Made Man: monograph. Athens, GA; L.: University of Georgia Press, 2005. Pp. 92-134.

8Senghor L. S. L'esthetique negro-africaine // Diogene. 1956.Октябрь (№ 16). P. 29.

мнению присоединяются и многие европейские авторы, такие как Л. Фробениус¹, Ж. П. Сартр² и др.

В целом, дискурс, посвященный проблеме взаимодействия между Югом и Севером, также, как и дискурс, посвященный взаимодействию между Востоком и Западом, показал, что к середине XX в. проблематика становления личности обрела региональные параметры и приступила к доказательству тезиса о преобладающем влиянии региональной культуры на становление личности. Кроме этих обстоятельств на существенное влияние на формирование региональной проблематики в это время оказало влияние глобализации, которая привлекала внимание ученых, таких как У. Айзард³. Он полагал, что чем большее влияние приписывалось глобализирующейся культуре у сторонников этой теории, тем большее количество оппонентов находило это мнение. Он обосновал актуальность усиления внимания к локальным особенностям современных, глобализирующихся сообществ в географическом, экономическом, политологическом и лингвистическом, культурологическом аспектах, которые, так или иначе, касались особенностей влияния региональных культур на личность. Существенный вклад в развитие представлений о влиянии региональных культур на человека, оказали Б. Уорф и С. Ариас, которые раскрыли сущность пространственного воплощения культуры и тем самым радикально изменили парадигму исследований региональной культуры⁴. Благодаря им была обоснована методология описаний влияния региональной культуры на личность, согласно которой значимым является обращение к таким факторам культуры, как региональная география, ландшафт, экономика, политика, особенности языковой и традиционной, этнической культуры.

Эта теория направила осмысление региональной культуры в новое русло, результатом чего стала разработка таких понятий, как «культурный очаг» А.

1Frobenius L. Die naturwissenschaftliche Culturlehre // Naturwissenschaftliche Wochenschrift. 1899. Bd. 14. N 29. S. 333-337.

2Abiola Irele, Jean Paul Sartre. Defence of Negritude: A Propos of Black Orpheus by Jean Paul Sartre // Transition, No. 50 (Oct., 1975 - Mar., 1976). Pp. 39-41.

3Айзард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: монография. М.: Прогресс, 1966. 660 с.

4Barney Ward and Santa Arias The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives: monograph. London: Routedg, 2009. Pp. 83-96.

Нобла¹, «культурное ядро» Д. Мейнинга² и «субкультура» Дж. Алмонда и С. Вербы, акцентировавших внимание на таком понятии, как «национальная политическая культура»³. Наиболее общим стал термин «регион», выполняющий, как доказывает Л. Рэмхельд, функции «сверхтермина», к которым он относит описание территории, населения, истории, природных условий, региональных проблем⁴. В качестве основной характеристики регионального пространства Л. Рэмхельд называл замкнутость, предполагающую преобладание центробежных тенденций развития, понимаемых в качестве высшей степени бытия, отделенного пространственное от столицы, но обладающего собственной самодостаточностью. С замкнутостью культурного пространства региона связывалась его целостность и взаимодействие на единых принципах.

Таким образом, финал XX в. ознаменовался распространением философских идей, обосновывающих закономерность формирования личности под влиянием регионального культурного пространства. В это время аналитики культуры предлагали такие варианты развития культуры, в которых уделялось внимание главным образом процессам регионализации культурных пространств, понимавшихся как наиболее ощутимые факторы формирования личности. Свое логическое завершение эта концепция получила в публикациях У. Кимлики, считающегося одним из основателей идеи мультикультурализма⁵. В этой концепции становление личности напрямую увязывалось с такими понятиями, как гражданство, этничность и религиозность. При этом он не считал сколько-нибудь значимым на становление личности воздействие универсальных факторов гуманистической культуры. Что объясняет неспособность данной концепции стать универсальным инструментом, объясняющим возникновение противоречий между различными региональными культурами и их представителями,

1 Noble G. An analysis of meaning. «Psychological Review». V. 59. 1952. Normsinassociations. N. Y., 1970. Pp. 1–30,

2 Ерохин А. В. О «пространственном повороте» в гуманитарных науках Германии//Наука и инновации в модернизации России и развитии мира: М.: Институт энергии знаний, 2010. С. 6-13.

3Almond G., Verba S. Civic Culture: monograph. Princeton: Princetonuniversity press, 1963. Pp. 380-381.

4Roemheld L. Integral Federalism: Model for Europe – awaytowards a personal group society. Historical development, Philosophy, State, Economy, Society: monograph. Frankfurt/M; Bern; N. Y. Peter Lang, 1990. Pp. 212-330.

5KymlickaW. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights: monograph. Oxford: Oxford University Press, 1995. 280 p.

активизация которых на рубеже веков стала очень актуальной. Кризис, который пережила концепция мультикультурализма в этот период, потребовал от исследователей объяснить, каким должно быть соотношение универсальных и региональных факторов, влияющих на становление личности.

Результатом стало появление публикаций, в которых такие авторы, как А. Гутман¹, М. Игнатъефф², Д. Миллер³, П. Рикер⁴, Д. Томпсон⁵, Д. М. Уэйнсток⁶, выступили с идеями, формирующими общее видение становления личности в качестве многогранного процесса, на который влияние оказывают, как универсальные процессы, обеспечивающие формирование общегуманистических аспектов личности, так и региональные аспекты культуры, формирующие неповторимость личностных характеристик каждого субъекта. Кроме этого, значимым аспектом, характеризующим содержание этих трудов, является фиксация внимания на том, что люди, испытывая одно и то же внешнее воздействие по-разному реагирует на него, во всех случаях индивидуально трансформируя аксиологические, этические, психологические параметры личности.

Следствием влияния этих идей стало описание различных факторов, влияние которых формирует различные аспекты личности. Одни из них являются основанием универсализации и «омассовления» личности, с помощью других формируются те аспекты личности, которые являются основанием конкретизации ее «жизненного мира». На наш взгляд, методологически важно то, что на фоне свершившегося в 90-е гг. отхода от классической методологии исследований влияния культуры на сознание, в условиях современности совершается возвращение классическим идеям М. Вебера⁷, Б. Малиновского⁸, П. Сорокина¹, Э.

1 Gutmann A. Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition: monograph. New Jersey: Princeton University Press, 1994.175 p.

2Ignatieff M. Nationalism and Toleration // S. Mendus, ed., The Politics of Toleration. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999 P. 77.

3 Miller D. I. Citizenship and National Identity: monograph. Cambridge: Polity Press, 2000. 224 p.

4Рикёр П. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 41-50.

5 Thompson, E. P. The Making of the English Working Class: monograph. London, 1963.950 p.

6Weinstock D.M. Is There a Moral Case for Nationalism // Journal of Applied Philosophy, 1996. Vol 13.No-1. Pp. 87-100.

7Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: монография. М.Ист-Вью, 2003. 220 с.

8Малиновский Б. Научная теория культуры: монография. М. ОГИ, 2000. С.69-79.

Фромма², Дж. Фейблмана³, согласно которым культура является выразителем базовых потребностей, культурных ценностей и детерминант социального поведения⁴. Можно констатировать, что в современных условиях в трудах Дж. Александера⁵, М. Грондоны⁶, Р. Инглхарта⁷, Р. Патнэма⁸, Ф. Фукуямы⁹, Л. Харрисона¹⁰, С. Хантингтона¹¹ происходит синтез принципов мультикультурализма и идейного фундамента, связанного с наследием классического веберизма. Представители современной аналитической мысли, посвященной осмыслению влияния культуры на личность, приходят к осознанию значимости культурных пространств, которые формируются в результате жизнедеятельности современных обществ, характеризующихся такими признаками, как устойчивые особенности культуры, формирующие такие типы личности, которые оказываются типичными в рамках этих культур¹². Таким образом, данные концепции содержат такое представление о личности, как критерии степени развитости региональной культуры, имеющие свои особые характерные исторические и культурные черты. Поэтому можно прийти к выводу о том, что становление личности в данных концепциях представляется как процесс, основанный на синтезе группового и личностного воздействия, в результате которого образуется личностное пространство культуры.

Например, Р. Линтон рассматривает культуру как безусловную данность, составную часть культурной конфигурации, составляющей объективную основу

1 Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений: монография. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 2000. 1054 с.

2 Фромм Э. Иметь или быть: монография. М., Прогресс, 1990. С. 44-47.

3 Feiblm J. The Theory of Human Culture: monograph. N.Y.: Humanitarian Press, 1968. P.125-150.

4 Фромм Э. Здоровое общество: монография. М. Аст, Хранитель, 2006. С. 45-51.

5 Alexander J.C. The Civil Sphere: monograph. N.Y.: Oxford University Press, 2006. P. 48.

6 Grondona M., Chkonia I., Inglehart R., Marini M., Harrison L. Typology of Progress-Prone and Progress-Resistant Culture. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself: monograph. New York: Oxford University Press. 2006. Pp. 37-38.

7 Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, February 2000. P. 19-51.

8 Патнем Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии: монография. М. : AdMarginem, 1996. 287 с.

9 Fukuyama F. The End of History and the Last Man: monograph. N. Y.: Free Press, 1992. P. 247.

10 Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма: монография. М.: Мысль, 2014. 286 с.

11 Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order: monograph. N. Y.: Simon & Schuster, 1996. P. 45-49.

12 Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма: монография. М.: Мысль, 2014. С. 33, 34.

становления личности¹. Дж. Александер доказывает, что каждая культура является устойчивым и относительно автономным образованием, оказывающим значительное воздействие на человека, общественные группы и институты, посредством распространения смыслов². В этих исследованиях сформировано такое видение процесса формирования личности, в рамках которого она выступает как неотъемлемый элемент и продукт региональной культуры. Здесь акцентировано внимание на значимости исследования таких культурных факторов, которые формируют общество, институты культуры и личность. Ключевую функцию в этом процесс выполняют региональные факторы, представляющие воздействие географического положения территории, политик, отношения к властям, социальным ценностям, и иным обстоятельствам, формирующим региональную личность³.

Ключевое значение уделяется социальному прогрессу, под которым понимается развитие региональной культуры, нацеленное на достижение экономического развития и материального благосостояния населяющих регион граждан, социально-экономического равенства и демократии. Поэтому в фокус исследования факторов становления личности здесь поставлены проблемы экономического развития, разработка механизмов работы и ускорения этого процесса. К примеру, М. Грондона, Р. Инглхарта, М. Марини занимаются исследованием проблемы различия «производительных» и «непроизводительных» культур, а также проблемы обоснования роли культурных факторов в формировании личности⁴.

По их мнению, культурные ценности представляют структуру, состоящую из двух частей, одна из которых способствует личностному развитию, а другая противится ему. Ценности выражаются в разном отношении населения разных регионов к таким базовым категориям культуры, как религия, судьба, ориентация

1 Linton R. The tree of culture: monograph. N. Y.: Knopf, 1955. P. 48.

2 Alexander J. C. Neofunctionalism and After: монография. London: Blackwell, 1998. P. 12.

3 Токвиль А. Старый порядок и революция: монография. СПб.: Алетейя, 2008. С. 151.

4 Grondona M., Chkonia I., Inglehart R., Marini M., Harrison L. Typology of Progress-Prone and Progress-Resistant Culture. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself: monograph. N. Y: Oxford University Press. 2006. Pp. 37-38.

во времени, богатство, знания, капитал, этика, образование, предпринимательство, инновации, коррупция, доверие, семья, власть, отношения между полами. Согласно убеждению современных зарубежных авторов, различное отношение к перечисленным ценностям порождает разные типы личности. В одних регионах личность может отличаться высокой социальной, гражданской, предпринимательской активностью, в других – наоборот.

В частности, Р. Инглхарт, анализирующий различные системы ценностей, отметил, что региональными факторами, формирующим личность, являются особенности географического положения территории, которые формируют ход развития его культуры, так как культура, как правило, использует преимущества пространственного положения, такие как наличие естественных ресурсов и разнообразные системы связей с другими регионами. Кроме этого, к ним возможности отнести качественные характеристики общественных систем региона, которые либо поддерживают личностное становление, либо препятствуют ему. Особое внимание Р. Инглхарт уделяет наличию такого явления, как «позитивная обратная связь», под которой он понимает реакцию общества на развитие технологических новшеств. Значимость субъективного ответа на внешнее влияние, формирующегося среди населения региона, согласно Р. Инглхарту настолько велика, что ее он определяет в качестве основного «топлива» для развития личности¹. Влияние субъективности признает также С. Хантингтон, утверждающий, что двигателем процесса формирования личности являются различия между региональными культурами. Причем утверждение о том, что политика и экономика здесь играют намного меньшую роль, чем культурное влияние, является методологически значимым утверждением, на которое опираются все современные исследователи этой темы на Западе².

Результат анализа, проводимого С. Хантингтоном, доказывает, наличие двух главных измерений в пространстве культуры, которые составляют систему различных и разнонаправленных культурных факторов, влияющих на то, что в

¹Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, February 2000. P. 19-51.

²Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: монография. М.: АСТ, 2014. С. 20-21.

различных регионах формируется личность, характеризующаяся различными показателями. Для исследователя важно указать, что описываемые им системы ценностей различных культур, представляют собой смешение и постоянный процесс трансформации культурных характеристик каждого региона. Согласно его мнению, изменение этих характеристик в направлении, признаваемом им прогрессивным, ведет к увеличению шансов на прогрессивное развитие личности. Напротив, трансформация их в направлении, признаваемом регрессивным, оказывает деструктивное влияние на личность. Характеристики прогрессивного пути развития культуры даны в работе С. Хантингтона и Л. Харрисона, где указано на то, что в результате его влияния, личность нацеливается на будущее, учится труду и успеху.

Прогрессивным признается тот путь, который, согласно Л. Харрисону и С. Хантингтону, нацеливает личность на будущее, достижение успехов к труду, образованию; накопление богатств; реализацию способностей; достижение солидарности с обществом; соблюдение строгих этических норм; справедливость и честность; рассредоточение власти. Ведущим фактором формирования личности они считают стремление к развитию, которое обуславливается воздействием форм окружающей культуры¹.

Данные, приводимые этими авторами, доказывают, что личности необходимо добиваться не только благосостояния, но и максимально полного самовыражения. Наиболее значимым фактором становления личности им представляется распространение ценностей доверия, терпимости, благосостояния и соучастия. Становление личности, как они раскрывают, зависит от ценностных установок и убеждений граждан и поэтому на личность невозможно повлиять с помощью институциональных перемен или манипуляций правящей элиты².

Процесс формирования личности, как указывает концепция С. Харрисона и С. Хантингтона, должен идти благодаря воздействию социальных ментальных моделей, которые поощряют социальный прогресс и экономический рост, в

¹Харрисон Л., Хантингтон С. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: монография. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 49-62.

² Там же. С. 49-62.

рамках чего в обществе распространяются и принимаются им общие представления о власти, конкуренции, риске, доверии и других культурных переменных. Эта концепция принимается положениями теории культуры Дж. Александера, который представляет становление личности в качестве процесса совокупного влияния объективных и субъективных факторов, становящихся механизмами, способствующими производству и распространению идей, утверждающих определенные ценности, нормы, образцы поведения и социальные типы в качестве ментальных формул, структурирующих развитие личности¹. Как полагает Дж. Александер, важнейшее значение для формирования личности имеют масс-медиа, которые распространяют культурные смыслы посредством кодировки массового сознания в процессе распространения стереотипов, конструирующих устойчивые коллективные представления, связанные с утверждением личностных установок². Становление личности, в контексте методологии Дж. Александера необходимо представлять, как общественный дискурс, развивающийся под влиянием технологий, влияющих на субъективные состояния ума. Важно учитывать, что современный социальный контекст, связанный с плюрализирующейся культурной реальностью, приводит к увеличению количества различных культуральных структур, влияющих на становление личности. В результате приобретает релятивистский, противоречивый, амбивалентный характер³.

Таким образом, к факторам, влияющим на состояние региональной культуры, большинство современных западных исследователей относят своеобразие природных условий региона, формирующих человека как отражение территориальных параметров. Вторым фактором можно считать влияние культурного опыта, которое передавалось в процессе исторического развития региона в виде устойчивых этнических мифов. Третьим фактором является структура и состав населения. Особое внимание они уделяют образованию, которое, оказывает влияние на формирование политической позиции. Не меньшее

¹Там же. С. 297.

² Alexander J. C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology: monograph. Oxford University Press, 2003. P. 7.

³Там же. P. 4-5.

значение имеет влияние, которое оказывают этнические и конфессиональные образования. В качестве четвертого фактора выступают региональные представления о самовыживании и приумножении потенциала региона, его устойчивом развитии. Пятым фактором считаются социально-экономические различия. В качестве шестого фактора рассматриваются межрегиональные и международные связи, наличие которых позволяет по-другому относиться к самим себе. Как следует из содержания представляемых Дж. Александером¹ факторов, они объединены верой автора, в наличие регионального самосознания, представляющего единство представлений о культурной общности, обусловленной единой территорией, региональными вариантами языка, мифами, фольклором, стереотипами, воздействующими системно и взаимосвязано. Их совокупное воздействие является основой воспроизводства культурной жизни региона и обеспечения непрерывности регионального культурного процесса.

В целом, западные концепции, посвященные влиянию культуры на личность, описывают данный процесс, как закономерное совершенствование человеческой духовности, подверженной влиянию той или иной региональной культуры. Это является основанием для вывода о том, что в рамках западной философии культуры личность выступает в качестве органичного элемента регионального пространства культуры, формируемого в результате влияния исторических, социальных, этнических, социо-психологических, экономических и др. условий. Одновременно в западных философских концепциях отражается влияние идей о значимости субъективного фактора, представляющего ценности индивидуального сознания, под которыми имеются в виду его субъективные характеристики, проявленные в речевой активности, коллективной и индивидуальной памяти, представлениях о времени, пространстве, идеологии и т.д. Не меньшее значение имеют представления о том, что на становление личности оказывают влияние способ его оценки, принимающий в зависимости от позиции автора рационалистические, иррационалистические, объективистские и субъективистские формы.

¹Там же. Р. 4-5.

Выводы:

1. В мировой западной философии под личностью понимается отображение социальной природы человека, определяемого в качестве носителя индивидуальности, раскрывающейся посредством деятельности и общения (Л. Хьелл, Д. Зиглер, Ю. Хабермас). Содержание дискуссии, проходящей в рамках западной философии культуры, по поводу исследования и оценки культурных факторов становления личности, долгое время определялось концепциями, в которых были представлены идеи о приоритетном влиянии универсальной культуры (Дж. Вико, И. Г. Гердер, Ш. Монтескье, Г. Гегель, М. Вебер, Э. Дюркгейм). Взаимовлияние личности и культуры с использованием методологии исследователей, использующих линейную модель культуры, представляется в качестве закономерного, поступательного процесса трансформации личности, имеющего общепланетарные параметры (К. Гирц, Р. Арон, Д. Белл, А. Кребер, Д. Рисмен, Л. Уайт, Н. Элиас, Дж. К. Гэлбрэйт). Этой точке зрения противостояло мнение о том, что становление личности подчиняется влиянию культур различных регионов (О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Ратцель, Р. Челлен, Х. Дж. Макиндер, Л. Фробениус). Факторами становления личности здесь признавались такие элементы системы региональных культур, как пространственные, исторические, ментальные, языковые, художественные, образовательные, политические, административные особенности (М. Шелер, И. Хейзинга, К. Леви-Стросс, Ф. Бэгби, В. фон Гумбольдт, Л. Лефевр, Ф. Бродель, К. Гинзбург).

2. Кризис мультикультурализма привел к пониманию недостаточности оценки степени воздействия факторов культуры на становление личности как только локального процесса. Потому в рамках философии культуры возникло направление, которое выступило с идеями, формирующими видение становления личности в качестве многогранного процесса, на который оказывают влияние, как универсальные процессы, обеспечивающие формирование общегуманистических аспектов личности, так и региональные аспекты культуры, формирующие неповторимость личностных характеристик каждого субъекта (С. Хантингтон, П. Рикер, Ф. Фукуяма, Дж. Александер, Р. Инглхарт, Л. Харрисон).

3. К факторам, влияющим на личность в рамках пространства региональной культуры, большинство современных западных исследователей относят своеобразие природных условий, влияние культурного опыта, структуры населения, образования, этнической и конфессиональной культуры, региональных представлений о выживании и приумножении потенциала региона, социально-экономических отличиях. Наиболее значимым фактором становления личности представляется распространение ценностей доверия, терпимости, благосостояния и соучастия. Становление личности, в рамках современной западной философии представляется зависящим от субъективных ценностных установок и убеждений граждан.

1.2. Формирование представлений о становлении личности в пространстве региональной культуры в русской философии

Проведение исследований влияния региональных культурных пространств на личность представляет собой одно из значимых направлений современных исследований культуры в российской философии. Актуальность философского осмысления, связанного с темой становления пространства российской культуры, выявления в нем положения пространств региональных культур, определения роли региональных факторов на процессы формирования личности, анализа процессов влияния ценностей региональных культур, обосновывается благодаря усилению влияния культурных регионов, являющихся основными элементами культурного пространства России.

Необходимо отметить, что обсуждению данной темы посвящено значительное количество публикаций, однако вопрос о факторах влияния российского культурного пространства на формирование личности до сих пор является предметом незавершенной дискуссии, в которой выделяется точка зрения, отмечающая необходимость единого культурного фундамента для становления личности, и точка зрения, утверждающая стремление отразить разнообразие и многоликость региональных культур народов, в совокупности

составляющих российскую культуру. При этом необходимо учитывать, что российский дискурс, посвященный данной проблематике, как правило, выстраивался вокруг обсуждения проблемы русской культуры, содержание которой являлась приоритетным направлением философских исследований, целью которых было определение сущности и специфики культуры России. В силу того, что этот процесс сопровождал становление российской государственности, он оказывал ключевое влияние на формирование представлений о том, что есть Россия и русская культура и чем она отличается от европейского образца.

Закономерно, что наибольшее распространение среди отечественных мыслителей получила точка зрения, основанная на убеждении о том, что региональные культуры России невозможно исследовать, не обращаясь к анализу параметров общенациональной культуры. Согласно этой концепции, российская культура является культурной целостностью «многонационального народа России», понимаемого в публикациях В. А. Тишкова¹, как гражданская российская нация. В качестве факторов становления личности здесь рассматривается комплекс общих культурных универсалий, которые выявлялись в рамках анализа культуры дореволюционной России, Советского Союза и современной Российской Федерации. Содержательно данная концепция представляла факторы, представляющие собой мировоззренческие универсалии, «аккумулирующие» базовые ценности культуры.

Формирование этой точки зрения началось в XIX в. в рамках полемики, поднятой П. Чаадаевым², поставившим вопрос о личности и том, какими являются параметры её отношения с обществом, народом и Россией как целостным духовным явлением³. Обсуждение вопроса о человеке, как самоценной индивидуальности, проходившее в рамках философии западников и славянофилов, произведения которых приносили в общественное сознание

1 Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Наука, 2013. 649 с.

2 Чаадаев П. Философические письма: монография. Казань. Тип-я Д.М. Гран. 1906. 75 с.

3 Кантор В. В поисках личности: опыт русской классики: монография. М.: МФФ, 1994. С. 66-77.

России убеждение о том, что формирование личности вводит культуру в исторический процесс, превращая народ в субъект истории. При этом ведущим фактором формирования личности с точки зрения А. С. Хомякова¹, И. В. Киреевского², К. С. Аксакова³, И. С. Аксакова⁴, Ю. Ф. Самарина⁵, К. Д. Кавелина⁶, А. В. Терещенко⁷ является целостный комплекс российской культуры, включающий православие, общинность, соборность, национальный изоляционизм и всепоглощающую государственность. В противовес этой точке зрения А. И. Герцен⁸, В. Г. Белинский⁹, Т. Н. Грановский¹⁰, Н. Г. Чернышевский¹¹ в качестве ведущего фактора формирования личности указывали на культуру Запада, которая, по их мнению, положительно влияет на человека.

Существенный вклад в обсуждение вопроса о влиянии различных типов культуры на личность был внесен Н. Я. Данилевским¹² и К. Н. Леонтьевым¹³, которые обратили внимание, что российская культура является одним из самостоятельных и цельных региональных вариантов культуры, которые они называли культурно-историческими типами цивилизации. Согласно их мнению, российский культурно-исторический тип, также, как и другие, обладает самобытной историей, формирует особую цивилизацию, замкнутую от других, но обладающую своими собственными критериями развития личности. Ведущим фактором развития личности здесь считается преобладающая в рамках тех или иных цивилизаций человеческая деятельность, религиозная, культурная, политическая, экономическая¹⁴.

1 Хомяков А. С. Всемирная задача России: монография. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 784 с.

2 Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни: монография. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 448 с.

3 Аксаков К. С. О русском воззрении // Русская беседа. 1856. Кн. 1. Смесь. С. 84-86.

4 Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова. С.-Петербург: типография А. С. Суворина, 1891-1903. 832 с.

5 Самарин Ю. Ф. По поводу толков о конституции: монография. СПб., 2000. 352 с.

6 Кавелин К. Д. Государство и община: монография. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1296 с.

7 Терещенко А. В. Быт русского народа: монография. М.: Русская книга, 1999. Т. 35. 336 с.

8 Герцен А. Былое и думы: роман. М.: Художественная литература, 1969. Т. 73. 924 с.

9 Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. М.: Госполитиздат, 1941. 591 с.

10 Грановский Т. Н. Сочинения. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1900. 659 с.

11 Чернышевский Н. Г. Что делать?: роман. М.: Худ. лит., 1985. 400 с.

12 Данилевский Н. Я. Россия и Европа: монография. М., Книга, 1991. 576 с.

13 Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России: монография. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1232 с.

14 Данилевский Н. Я. Россия и Европа: монография. М.: Книга, 1991. С. 13.

В дальнейшем специфика взаимодействия российской культуры и русского сознания была объектом внимания таких авторов, как Н. А. Бердяев¹, И. А. Ильин², Л. П. Карсавин³, В. О. Ключевский⁴, Н. И. Костомаров⁵, П. Н. Милоков⁶, М. П. Погодин⁷, В. В. Розанов⁸, В. С. Соловьев⁹, Г. П. Федотов¹⁰, П. А. Флоренский¹¹. Например, в творчестве И. А. Ильина отражалась вера в то, что историческое своеобразие русской культуры влияло на формирование русской национальной идеи, заключающейся в понятиях любовь, сочувствие и доброта¹². Самобытность российской культурной общности, согласно Н. А. Бердяеву, складывалась из сочетания христианского универсализма и всемирно-исторических тенденций развития, в соответствии с которыми Россия, находящаяся между Востоком и Западом, играла особую роль. По этой причине, культурное пространство России формировало особый тип личности, характеризующейся не узко-национальным, а общечеловеческим сознанием¹³. Концепция, обосновывающая особую роль России в мировой истории, также развивалась в произведениях Н. С. Трубецкого¹⁴, П. П. Сувчинского¹⁵, П. Н. Савицкого¹⁶, Г. В. Флоровского¹⁷, Г. В. Вернадского¹⁸, Н. Н. Алексеева¹⁹.

1 Бердяев Н.А. Философия свободного духа: монография. М., Республика. 1994. С. 196.

2 Ильин И.А. Кризис безбожия: монография. М. Дарь 2005. 495 с.

3 Карсавин Л. П. Восток, запад и русская идея: монография. Пб.: Academia, 1922. 80 с.

4 Ключевский В. О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1987-1990. Издательство «Мысль». 4142 с.

5 Костомаров Н.И. Собрание сочинений Н.И. Костомарова. Исторические монографии и исследования. Санкт-Петербург. Типография М.М. Стасюлевича, 1905. VI. 714 с

6 Милоков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого: монография. СПб, 1905. Тип. М.М. Стасюлевича. С. 280-282.

7 Погодин М.П. Избранные труды: монография. М. РОССПЭН 2010. 776 с.

8 Розанов В. В. Народная душа и сила национальности: монография. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. 992 с.

9 Соловьев В. С. Русская идея: монография. М.: Путь, 1911. 51 с.

10 Федотов Г.П. Судьба и грехи России // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. СПб.: София, 1991. Т. 2. С. 83-97.

11 Флоренский П. А. Культ, религия и культура (из богословского наследия) // Богословские труды. М., 1977. № 17. стр. 101-119.

12 Ильин И.А. Кризис безбожия: монография. М.: Дарь, 2005. С. 436.

13 Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Антология культурологической мысли. М., 1996. С. 195-198.

14 Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока: монография. Берлин, Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.

15 Souvtchinsky P. Introduction: Domaine de la Musique Russe // Musique Russe/etudes r'unies par Pierre Souvtchinsky: monograph. Paris: Presses Universitaire de France, 1953. Т. 1. P. 1-26.

16 Савицкий П. Н. Континент Евразия: monograph. М.: Аграф, 1997. 464 с.

17 Флоровский Г. В. Два завета // Россия и латинство. Берлин, Евразийское книгоиздательство. 1923. 222 с.

18 Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь: монография. Тверь. Москва Леан. Аграф 2001. 480 с.

19 Алексеев Н.Н. Идея государства. Очерки по истории политической мысли: монография. Нью-Йорк. Издательство имени Чехова. 1955. 412с.

В то же время в рамках российских исследований культуры большее внимание обращалось на структурные характеристики российского культурного пространства, в рамках которого влиятельная часть исследователей, таких как, М. П. Погодин¹, С. М. Соловьев², В. Вейдле³, Н. Н. Баранский⁴, Г. Гачев⁵, утверждали, что российское культурное пространство является целиком ориентированным на культурный центр страны и формирует единый облик личности на всей ее территории.

В советский период в исследованиях культуры господствовала методология, основанная на утверждении необходимости однообразных оценок развития культуры. Специфика советских исследований культуры заключалась в том, что исследователи, такие как М. С. Каган⁶, Э. В. Ильенков⁷, Э. С. Маркарян⁸ и др., разрабатывали учение о единой сущности культуры, общих закономерностях ее развития и функционирования. Исследуя культуру в рамках деятельностной концепции, М. С. Каган понимал культуру в качестве инструмента детерминации личности, имеющего универсальные параметры⁹. Механизм культурного влияния на личность в рамках этого подхода был разработан Э. В. Ильенковым, который понимал личностное сознание человека, как рефлексивную деятельность человека, отражающую образы объективной действительности¹⁰.

В последние десятилетия XX в. деятельностная концепция культуры оказалась подвержена критике со стороны представителей ценностной концепции культуры, таких как А. И. Арнольд¹¹, Э. А. Баллер¹², Л. Н. Коган¹ и др. авторы,

1Погодин М.П. Избранные труды: монография. М. РОССПЭН, 2010. 776 с.

2Соловьев С.М. История России с древнейших времен: монография. Петроград Издательство П.П. Сойкина 1903г. 192 с.

3Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. Сборник статей СПб. Аxioma, 1996. 336 с.

4Баранский Н. Краткий курс экономической географии: монография. М., Государственное издательство, 1928. 222с.

5Гачев Г. Национальные образы мира. Евразия - космос кочевника, земледельца и горца: монография. М. Academia, 1998. 430 с.

6Каган М.С. Эстетика как философская наука: монография. СПб., Петрополис. 1997. С. 23.

7Ильенков Э.В. Философия и культура: монография. М.: МПСИ, 2010. 808 с.

8Маркарян Э. С. Культура как способ социальной самоорганизации. Общая постановка проблемы и ее анализ применительно к НТР: монография. Пушкино: Научный центр биологических исследований, 1982. С. 284.

9Каган М. С. Культура, творчество, человек: монография. М., 1970. С. 146-147.

10Ильенков Э. В. Философия и культура: монография. М, Политиздат, 1991. С. 34-35.

11Арнольд А. И. Человек и мир культуры: монография. М.: Изд-во МГИК 1992. 237 с.

12Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры: монография. М.: Наука, 1969. 294 с.

стремящиеся обосновать влияние ценностей культуры на формирование личности. Факторами, которые оказывают влияние на становление личности, эти авторы считали творческие аспекты духовной культуры, понимаемой как созидательное, духовное начало². Однако, несмотря на различие во взглядах между представителями деятельностной и ценностной концепции, оба эти направления не развивали региональную проблематику, понимая под культурой некое «целостное поле»³, образованное внутрискруктурной связью основных элементов культурного пространства, куда включалась личность, его культура, мир, которые в совокупности являются продуктом его деятельности, в свою очередь он является продуктом влияния культуры.

Структурная сложность российской культуры вкупе со сложностью процесса культурной идентичности в условиях изменяющегося мира обосновывается и в современных культурологических работах. А. А. Лисенкова подчеркивает в своих работах становящийся характер культурного самоопределения личности, которая, будучи открытой для различных видов культурного влияния постоянно подвергается изменениям, оставаясь при этом самой собой⁴. А сложность российской культуры связана не только с включением национального, этнического и социального аспектов, но и контекстами периодов её формирования⁵.

В условиях современной России системное обоснование того, что личность россиянина формируется под влиянием общих культурных оснований предпринимается В. А. Тишковым, который утверждает, что граждане России, будучи представителями различных этнических групп, тем не менее характеризуются стремлением к обладанию одним и теми же наборами историко-культурных и духовных ценностей⁶. Тем не менее, призыв В. А. Тишкова,

1 Коган Л.Н. Человек и его судьба: монография. М.: Мысль, 1988. 284 с.

2 Бек У. Общества риска. На пути к другому модерну: монография. М., Прогресс-Традиция, 2000. С. 120-123.

3 Межуев В. М. Культура и история: монография. М.: Политиздат, 1977. С. 161.

⁴ Лисенкова А.А. Современные подходы к определению феномена культурной идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 30

⁵ Лисенкова А.А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 56.

⁶ Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Наука, 2013. С. 145.

направленный на указание необходимости изучения российского пространства культур, исходя из принципа его единства, современные исследователи культуры и личности на территории нашей страны не стремятся рассматривать эту сферу, как целостность. Как полагает Т. В. Бернюкевич, несмотря на стремление многих исследователей разобраться в сущности процесса формирования единой российской гражданской (политической) нации, отечественная наука практически не обращает внимание на поиск того, что может представлять общую культурную основу этого единства. Поэтому, как полагает этот автор, современная российская философия культуры уделяет недостаточное внимание анализу взаимодействия между различными культурами российского культурного пространства, проходя мимо вопроса о наличии рецепции инородных культурных элементов в исторической перспективе и современности¹.

Одновременно с этим, как отмечает Т. В. Бернюкевич, понятие о «региональной культуре» и ее влиянии на личность становится очень распространенным в отечественной гуманитаристике. По ее мнению, в поле современных исследований культуры региональная проблематика представляет направление, ориентированное на оценку результатов социально-исторической деятельности людей, проживающих на одной локальной территории и поэтому представляющих собой региональную целостность, несмотря на существующие между ними социальные, этнические и религиозные различия. Важно, что в данном случае, региональное сообщество в целом идентифицирует себя в качестве единства, которое соотносит свое бытие с конкретным регионом и является носителем и ретранслятором специфических ценностей, набор которых представляет собой основание для существования определенного регионального социума².

При этом проблема становления личности в пространстве региональной культуры не является новой для российских исследований культуры.

¹Бернюкевич Т. В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Социологические науки. 2016. Т. 11, № 3. С. 56–61.

² Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2017. Т. 12. № 3. С. 55-59.

Утверждение о том, что всем регионам страны была свойственна высокая степень индивидуации и они формировали региональные типы личности, в начале XX в. доказывали В. Анучин¹, М. Грушевский², Н. И. Костомаров³, М. Любавский⁴, М. Покровский⁵, Г. Н. Потанин⁶, Д. Шелехов⁷, А. П. Щапов⁸, Н. М. Ядринцев⁹. Регион в это время был актуальным объектом исследований, раскрывавших его через природно-географические, этнические, хозяйственные, исторические, историко-культурные описания, подчеркивающие уникальность и своеобразие отдельных территорий. По общему их мнению, специфика региональных культур накладывала отпечаток на характер личности людей, проживающих в российских регионах, формируя региональные типы населения.

Изучение духовных потенциалов регионов в 20-е гг. XX в. продолжалось в работах Н. П. Анциферова¹⁰, И. М. Гевса¹¹, Н. К. Пиксанова¹², которые разрабатывали концепцию, где доказывали, что в пространстве русской культуры наличествует целый ряд самостоятельных друг от друга локальных очагов культуры, понимаемых на основе концепции «периферийных культурных гнезд» и «локальных культурных организмов».

В советский период тема воздействия культуры региона на личность перестала быть востребованной в связи с распространением идеологической тенденции, утверждавшей необходимость однообразных оценок развития культуры. Однако в период, который начался после распада СССР, в стране вновь

1 Анучин Д. Н. О задачах русской этнографии: (Несколько справок и общих замечаний): монография. М. «Русская» типо-лит., 1889. 35 с.

2 Грушевский М. С. Иллюстрированная История Украины: монография. Киев. Левада. 1997. 696 с.

3 Костомаров Н.И. Собрание сочинений Н.И. Костомарова. Исторические монографии и исследования. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, Типография М.М. Стасюлевича), 1905. VI. 714 с.

4 Любавский М. К. Русская история от древности до конца XVIII в.: монография. СПб.: Лань 2002. 576 с.

5 Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен: монография. М. Государственное Социально-Экономическое Издательство. 1934. 448с.

6 Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г.Н. Потанина 1884-1886: монография. М.: Географгиз, 1950. 652 с.

7 Шелехов Д. О настоящем положении сельского хозяйства в России и причинах прошлогодних неурожаев: монография. СПб: Типография Э. Праца, 1842. 16с.

8 Щапов А. П. Сочинения. Том второй. СПб: Издание М.В. Пирожкова, 1906. 620с.

9 Ядринцев Н. М. Сочинения: В 2-х тт. Т. 2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: монография. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.

10 Анциферов Н. Непостижимый город... Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина: монография. Л. Агенство ЛИРА. 1990г. 256 с.

11 Гревс И. М. О культуре // Мир историка: идеалы, традиции, творчество: сборник. Омск, 1999. С. 305-306.

12 Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: монография. М.-Л.: Госиздат, 1928. 148 с.

возник интерес к региональным вопросам развития культуры. Постсоветский период был ознаменован актуализацией регионального самосознания, что стало стимулом активного развития российских регионов и повышения исследовательского интереса к их культурам. Это отразило такую проблему развития культурного пространства России, как регионализация, проблемам которой посвящены исследования многих российских специалистов в сфере истории и теории культуры, таких как В. М. Межуев¹, А. И. Арнольдов², Э. А. Баллер³, Н. И. Воронина⁴, Н. С. Злобин⁵, С. Н. Иконникова⁶, С. М. Ковалев⁷, А. Н. Андреева⁸, Н. В. Кирьянова⁹, Л. В. Кошман¹⁰, А. Г. Селезнева¹¹ и Е. Фетисова¹², А. А. Пелипенко¹³. Все они придерживаются регионалистских трактовок развития культуры. Методологический поворот к анализу региональных систем в их работах связывается с осмыслением этнокультурных различий обособлявшихся друг от друга постсоветских государственных и административных образований.

Современные исследования региональных культур характеризуются стремлением выделять субъекты региональной культуры и определять ее роль в формировании их культурной идентичности. Основным отличием российского культурного пространства они признают его масштабность и разнообразие, в рамках которых сформировано значительное количество регионов, отличающихся культурами, религиями, этничностью, различным уровнем социально-экономического развития. Говоря о своеобразии российского регионального культурного пространства, отечественные исследователи обращают внимание на

¹Межуев В. М. Идея культуры: монография. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

²Кругликов В. А. Культура, человек и картина мира: монография. М.: Наука, 1987. 350 с.

³Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие: монография. М.: Наука, 1987. 158 с.

⁴Многообразие культурных миров: научная школа профессора Н.И. Ворониной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2011. 272 с.

⁵Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс: монография. М.: Наука, 1980. 303 с.

⁶Иконникова С. Н. Траектории динамики субкультур: монография. М.: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.

⁷Ковалев С. М. Воспитание и самовоспитание: монография. М.: Мысль, 1986. Физическое описание. 284 с.

⁸Андреев А. Н. Культурология. Личность и культура: монография. Минск: БГУ, 1998. 60 с.

⁹Кирьянова Н. В. Культурная среда г. Пензы второй половины XIX - начала XX в. и роль предпринимательства в ее формировании // Русская провинция XVIII-XX вв.: реалии культурной жизни. Кн. 2. Пенза, 1996. С. 73-80.

¹⁰Кошман Л. В. Культурная среда провинции // Русская провинция: культура XVIII-XX вв. Кн. 2. Пенза, 1993. С. 23-31.

¹¹Селезнева А. Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры: монография. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 176 с.

¹²Фетисова Л. Е. История Дальнего Востока России в региональном повествовательном фольклоре // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 2013. № 4 (170). С. 105-113.

¹³Пелипенко А. А. Постигание культуры: В 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл: монография. М.: РОССПЭН, 2012. 607 с.

его территориальное разнообразие, в котором выделяют множество этнических регионов, отличающихся составом населения, природными, ландшафтными, климатическими особенностями, разнообразными традициями, ремеслом, промыслами и другими составляющими региональных культур конкретных регионов.

Концепцию множественности культур обосновывал В. М. Межуев, по мнению которого, все этнические культуры имеют существенные различия и не смешиваются друг с другом, а сосуществуют в рамках культурного пространства нашей страны¹. В. Межуев полагает, что в России никогда не было мононациональной государственности, так как государство стремилось к объединению различных народов. При этом не было и единой культуры, которая бы стремилась объединить эти разные народы. По его мнению, эту роль не играло даже православие, обладавшее статусом государственной религии, но не ставшее национальной религией многих россиян, исповедовавших ислам, буддизм, католицизм, иудаизм и другие верования. Также получилось с русской национальной культурой, которая не была культурой всех россиян, а затрагивала только привилегированную часть общества, представленную дворянством и разночинством. Остальные, как пишет В. Межуев, оставаясь на стадии развития традиционных культур, жили в рамках этнических или народных культурных стихий. Это стало источником разделения народной и элитарной культур, что указывает на невозможность утверждать наличие единой культурной основы в российском культурном пространстве².

Однако, на наш взгляд, несмотря на то, что именно В. М. Межуев является, по существу, одним из открывателей современной культурной регионалистики, его идея о разделении культуры на элитарную и народную, не была принята авторами большинства исследований региональных культур, уделявших значительное внимание не сословной и этнической компоненте культуры.

¹Межуев В. М. Идея культуры: монография. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 12.

² Там же С. 12.

Изучение региональных аспектов культуры в условиях современности стало распространенным явлением, что привело к включению в научный оборот специфических понятий и терминов, связанных с региональной проблематикой. Например, широкое распространение получил термин «культурное наследие», к которому было обращено внимание А. И. Арнольдова¹, Э. А. Баллера², Н. И. Ворониной³, Н. С. Злобина⁴, С. Н. Иконниковой⁵, С. М. Ковалева⁶, изучавших традиции культурного развития.

Они считали, что «культурное наследие» является совокупностью разнообразных взаимодействий, которые в течение прошлых эпох и настоящего времени порождали культурные ценности критические осваиваемые, развиваемые, и используемые в рамках попыток решения конкретных задач⁷. Культурная специфика малых территорий сегодня подчеркивается таким термином, как «культурная среда», акцентирующим внимание на культурной самобытности каждой местности. Признаками «культурной среды», такие авторы, как А. Н. Андреева⁸, Н. В. Кирьянова⁹, Л. В. Кошман¹⁰ считают «определенную пространственную и временную локализацию предметных и личностных, объективных и субъективных факторов, определяющих создание, распространение, восприятие культурных ценностей».

Конкретизируя особенности региональных культур, такие авторы, как А. Г. Селезнева¹¹ и Е. Фетисова¹², применяют термин «локальный культурный комплекс», подразумевая под ним форму существования различных вариантов

1Кругликов В. А. Культура, человек и картина мира: монография. М.: Наука, 1987. 350 с.

2Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие: монография. М.: Наука, 1987. 158 с.

3Многообразии культурных миров: научная школа профессора Н.И. Ворониной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2011. 272 с.

4Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс: монография. М.: Наука, 1980. 303 с.

5Иконникова С. Н. Траектории динамики субкультур: монография. М.: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.

6Ковалев С. М. Воспитание и самовоспитание: монография. М.: Мысль, 1986. Физическое описание. 284 с.

7Там же. С. 7.

8Андреев А. Н. Культурология. Личность и культура: монография. Минск: БГУ, 1998. 60 с.

9 Кирьянова Н. В. Культурная среда г. Пензы второй половины XIX - начала XX в. и роль предпринимательства в ее формировании // Русская провинция XVIII-XX вв.: реалии культурной жизни. Кн. 2. Пенза, 1996. С. 73-80.

10Кошман Л. В. Культурная среда провинции // Русская провинция: культура XVIII-XX вв. Кн. 2. Пенза, 1993. С. 23-31.

11Селезнева А. Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры: монография. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 176 с.

12 Фетисова Л. Е. История Дальнего Востока России в региональном повествовательном фольклоре // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 2013. № 4 170). С. 105-113.

традиционных культур. Смыслом термина «локальный культурный комплекс», по мнению А. Г. Селезневой, является совокупность представлений о локальной истории каждого района, города, деревни, представляемых в качестве целостного, системообразующего организма, характеристиками которого являются демографические и социокультурные характеристики¹. Как доказывает Л. Е. Фетисова², ведущим показателем локального культурного комплекса является этничность, этническая идентификация и этнические традиции, в совокупности формирующие региональное культурное пространство.

Понятие локальной культурной системы, разрабатывает А. А. Пелипенко³, который представляет его как пространство борьбы субъектов культуры, преследующих свои цели, и приходящих к непредсказуемым и противоречивым результатам, трактовки которых зависели только от субъективных убеждений интерпретаторов⁴. Рассматривая влияние культуры на человека, А. А. Пелипенко утверждает, что целью культуры является стремление социализировать индивидуума к стандартам своих подсистем. Анализируя факторы, детерминирующие становление личности в рамках региональной культуры, он пишет, что ими являются, во-первых, особенности локальной культурной системы, во-вторых, те конкретные задачи, которые ставят перед собой его субъекты и подсистемы. Как считает автор, становление человека на всем пути от его раннего детства сопровождается актами инкультурации, заключающимися в символическом импринте паттернов языка и поведения, которые представляют первичный цикл ограничений свободы формирующегося сознания. Внешние ограничения со стороны культуры будут сопровождать человека на протяжении всей жизни, пытаясь его социализировать и сообщая ему о «единственно правильном» понимании реальности. Однако они не будут способны лишить

1 Селезнева А. Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры: монография. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. С. 9-12.

2 Фетисова Л. Е. История Дальнего Востока России в региональном повествовательном фольклоре // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 2013. № 4 (170). С. 105-113.

3 Пелипенко А. А. Постигание культуры: В 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл: монография. М.: РОССПЭН, 2012. 607 с.

4 Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 12-20.

человека внутренней свободы, на которую влияют субъективные свойства его сознания¹.

Методологические вопросы исследования культур, существующих в пространствах конкретных регионов, обсуждаются в трудах таких исследователей, как В. Л. Каганский², А. В. Новиков³, Д. Н. Замятин⁴, Т. А. Абрашкина⁵, которые анализируют исторически-обусловленный процесс рефлексии территориальных особенностей культуры, влияющей на формирование сознания индивида и общности. В представленных трудах обосновывается процесс формирования сознания, возникающего в результате осмысления образа окружающего мира, сопровождающегося операциями упорядочивания и стабилизации жизненных и социальных структур, играющих роль в процессах жизненного обустройства. В частности Д. Н. Замятин⁶ и Т. А. Абрашкина⁷ конструируют взгляд, основанный на структурном видении пространства региональной культуры, существующей в рамках конкретного географического ареала, выделенного по природным, климатическим, ландшафтным, а также территориально-административным критериям, к которым относится либо традиция, охраняющая статус небольших территорий, либо административный ресурс, легитимирующий существование крупных территориальных единиц. В то же время они призывают обращать внимание на такие культурные характеристики этих территорий, как наличие или отсутствие полиэтничности, поликонфессиональности, полилингвизма.

В целом анализ направлений исследований региональных культур, показывает, что в процессе их изучения исследователи сталкиваются с

1 Там же. 12-20.

2 Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62-70.

3 Новиков А. В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. М.: МГУ, ИЛА РАН, 1993. С. 84-93.

4 Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии: монография. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.

5 Абрашкина Т. А. Научные основания развития образования Свердловской области (1991-2000 гг.) / Абрашкина Т. А., Андрюхина Т. М., Нестеров В. В. Екатеринбург, 2001. 104 с.

6 Замятин Д. Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели // Культурная и гуманитарная география/Том 1, № 1 (2012). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/28> (Дата обращения: 30.01.20)

7 Абрашкина Т. А. Научные основания развития образования Свердловской области (1991-2000 гг.)/Абрашкина Т. А., Андрюхина Т. М., Нестеров В. В. Екатеринбург, 2001. 104 с.

необходимостью разрешения ряда научных проблем, среди которых выделяются: стремление определить механизмы, посредством которых осуществляется трансляция культурного опыта, выявить специфику региональных процессов культурной коммуникации, проанализировать динамику культурного развития отдельных регионов. Важнейшим аспектом данных исследований является анализ факторов становления личности, который связывается с специфическим преломлением исторического культурного опыта в рамках региональной культурной специфики, формирующей индивидуальную культурную сферу человека и сферу жизнедеятельности региональных сообществ.

На наш взгляд, внимание, которое уделяется локальным характеристикам пространства, является очень существенным аспектом исследований местных, не выходящих за территориальные пределы, культурных образований. В то же время внимание только к уникальным характеристикам и специфике местных традиций не дает полного представления о процессе развития культур, которые неизбежно сталкиваются с внешним влиянием и участвуют в процессах взаимопроникновения. Поэтому применение терминологии, указывающей на локальность характеристик тех или иных культур, нуждается в дополнении теми аспектами, которые указывают на существование иерархии в межкультурном взаимодействии, происходящем в культурном пространстве, имеющем глобальный, национальный и региональный культурный уровни¹.

В связи с этим, при проведении исследований конкретных культур, связанных с определенными территориями, наиболее обоснованным представляется использование методологии, основанной на применении комплексного подхода, сопровождаемого историко-культурным экскурсом, связанным с применением анализа данных, которые предлагает в рамках истории, географии, лингвистики, этнографии, социологии и др. наук в отношении конкретных регионов, что должно сопровождаться представлением современной социокультурной динамики. При этом, определяя российскую культуру в

¹ Философия культуры: становление и развитие: сборник статей / под ред. М. С. Кагана [и др.]. СПб.: Изд-во «Лань», 1998. С. 290-294.

качестве целостности, они предполагали значимость проведения анализа таких понятий, как типологические свойства и основные культурные универсалии, сложившиеся как результат синтеза ценностей локальных культур¹.

Нужно отметить, что направление мысли, основанное на синтезе противопоставленных друг другу представлений о различных источниках культуры, также, как и другие направления, имеет свою традицию. В частности, выдающуюся роль в становлении теории влияния регионального культурного пространства на личность сыграл Л. Н. Гумилев², которому удалось синтезировать идеи философии евразийства и культурного регионализма. Им было высказано предположение о том, что жизнь народов находится в зависимости от космических импульсов, полученных народами в регионах первоначального проживания и определяющих их дальнейшее развитие. Одним из вариантов формирования комплексной методологии исследований влияния культуры на человека является учение о системной организации культурного пространства, разработанное В. С. Степиным, который обосновал необходимость сбалансированного сочетания региональных и глобальных параметров культуры. Основным предметом обсуждения, по мнению, должно стать выявление факторов, оказывающих доминирующее влияние на личность, среди которых выделяются специфические региональные и универсальные факторы³. Это явилось ведущим принципом в исследованиях региональной культуры Б. С. Ерасова⁴, М. И. Билалова⁵, П. С. Гуревича⁶, Д. С. Лихачева⁷, Т. В. Бернюкевич⁸, Л. М. Мосоловой⁹, И. Я. Мурзиной¹, В. Н. Шевченко², А. Я. Флиера³ и др. Как

¹Бернюкевич Т. В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Социологические науки. 2016. Т. 11, № 3. С. 56–61.

²Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 97.

³Степин В. С. Глобальная культура: многообразие опытов и универсальные ценности // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 71-92.

⁴Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки: монография. М.: Наука, 1982. 280 с.

⁵Билалов М. И. Культура в условиях глобализации взгляд из России: монография. М.: КНОРУС, 2017. 372 с.

⁶Гуревич П. С. Философия культуры: монография. М.: NotaBene, 2001. 352 с. С.35.

⁷Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси: монография. М.-Л., Изд-во АН. 1958. 186 с.

⁸Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Учёные записки ЗабГ У. 2017. Том 12, № 3. С. 55-59.

⁹Мосолова Л. М. Мировое культурное наследие в контексте процессов глобализации // Культурогенез и культурное наследие: монография. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 562-575.

правило, ведущей темой этих исследований является обсуждение проблемы продуктивности синтеза различных параметров региональной культуры, которые представлены в виде ценностей, традиций и других феноменов, таких как региональные варианты религий и различные формы трансформации культуры в региональных условиях, что сопряжено с представлением анализа факторов и механизмов их интеграции в пространство современной российской культуры.

Как полагает Т. В. Бернюкевич аспект, связанный с необходимостью осознания интегрального единства в рамках общероссийской культуры сегодня является обязательным контекстом для исследования всех региональных культур России, так как отсутствие обращения к данной проблематике делает невозможным их адекватное осмысление. Одновременно с этим, только обращение к проблеме анализа процессов, протекающих в рамках региональных культурных пространств, раскрывает возможности для оценки значения межкультурного взаимодействия, оказывающего влияние на становление личности в российском культурном пространстве⁴. Этой же точки зрения придерживается Л. М. Мосолова, которая исследуя регион как пространственную историко-культурную единицу, приходит к выводу о том, что его развитие является частью единого, исторически длительного и территориально масштабного процесса развития хозяйственно-экономической, духовной, смысловой сферы культуры всего культурного пространства России⁵.

Данная тема сегодня невозможна без обращения к методологическим разработкам М. И. Билалова, который занимается проработкой проблемы, связанной с наличием межцивилизационных противоречий, характеризующих развитие современного мира. По его мнению, разрешение этих противоречий должно связываться поиском интегрирующих различные культуры ценностей, в

1 Мурзина И. Я. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал: монография. М.: Издательство Перо, 2014. 197 с.

2 Шевченко В. Н. Россия как государство – цивилизация: монография. М. РАН, 2016. 122 с.

3 Флиер Я. Культурогенез: монография. М.: РИК, 1995. 128 с.

4 Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Учёные записки ЗабГ У. 2017. Том 12, № 3. С. 55-59.

5 Мосолова Л. М. Мировое культурное наследие в контексте процессов глобализации // Культурогенез и культурное наследие. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 562-575.

том числе и в культурах Востока. При проведении анализа перспектив развития межкультурного взаимодействия, как он пишет, необходимо учитывать последствия «геополитического столкновения западной, восточноевропейской, китайской, мусульманской и индуистской и других культурных и образовательных традиций»¹. При этом значимость разработок М. И. Билалова связывается также и с тем вниманием, которое он уделяет проблемам межкультурного образования и философской рефлексии, являющейся фактором развития всей общероссийской культуры.

Близкое идеям М. И. Билалова теоретическое обоснование становления личности с учетом факторов материальной и духовной культуры провели А. С. Кармин² и А. Я. Флиер³. Они указали на то, что проходящее в границах локальных культурных ареалов взаимодействия региональных культур является фактором формирования единообразных культурно-хозяйственных типов, которые оказывают воздействие на формирование личности. Согласно этой точке зрения, факторами становления личности являются природные условия и климат, диктующие людям необходимость выбора возможных способов жизнедеятельности, что приводит к формированию неповторимых форм культуры в рамках конкретных региональных пространств. Современные российские исследователи культуры, такие как И. Я. Мурзина, основываются на положениях теории, согласно которой на территории каждого региона существует региональная культура, обеспечивающая полноценное развитие региональной личности. К факторам, оказывающим влияние на данный процесс, по мнению И. Я. Мурзиной, относятся особенности географической среды, специфика заселения и освоения региональных территорий, а также связанные с ней структуры и типы деятельности.

Большое значение имеет влияние общероссийской культуры, так как регионы, несмотря на то что характеризуются определенной самостоятельностью,

¹ Билалов М. И. Цивилизационные противоречия в становлении единого образовательного пространства // *Фундаментальные исследования*. 2008. № 5. С.187–189

² Кармин А.С. *Интуиция: философские концепции и научное исследование: монография*. СПб: Наука, 2011. С. 18-19.

³ Флиер Я. *Культурогенез: монография*. М.: РИК, 1995. 128 с.

представляют собой ее органичный элемент¹. Методология, разрабатываемая И. Я. Мурзиной, ощущается в публикациях таких исследователей региональной культуры, как Г. М. Казакова², Ю. М. Беспалова³, О. Б. Фоминых⁴, В. Д. Лелеко⁵, С. Н. Иконникова⁶, представляющих «регион» в качестве «месторазвития» определенных форм, не зависящих от генетики и расовости населения. Соотнесение целей культурного развития отдельных территорий с общим вектором развития российской культуры является значимой задачей с точки зрения О. Н. Астафьевой⁷, занимающейся проблемами региональной культурной политики. При этом, по мнению И. В. Кондакова, развитие русской культуры демонстрирует наличие процессов встречного взаимодействия двух тенденций, одна из которых связана с массовизацией культуры, другая – с ее индивидуализацией, итогом которых является периодически проявляющееся стремление к унификации многообразной российской культуры.

В целом, перечисленных исследователей объединяет мнение, о том, что региональная культура структурно вбирает в себя как общероссийский, так и локальный аспекты, в то же время, функционально представляет собой механизм адаптации личности, нацеленный обеспечивающий непротиворечивость локального и общероссийского. При этом они доказывают, что культурное пространство многомерно, так как обладает и внешними, видимыми границами и внутренним содержанием, расположенным в рамках духовного мира человека. Этому пласту они придают особое значение, так как он влияет на формирование факторов жизнедеятельности личности, то есть любви или безразличия к родине, желания улучшить или разрушить условия жизни, созданные трудами многих

¹Мурзина И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования. 2004. №2. С. 62.

²Казакова Г. М. Региональная культура: родовидовые признаки и структурно-функциональные характеристики // Вопросы культурологии. 2009. №5. С 12.

³Беспалова Ю. М. Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словоцковские чтения. Тюмень, 1999. С. 237.

⁴Фоминых О. Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики // Время культуры в региональном пространстве. Курган, 2010. 158 с.

⁵Лелеко В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01. СПб., 2002. 52 с.

⁶Иконникова С. Н. Культурная идентичность поколений: разные, но не чужие // XIV Международные Лихачевские научные чтения, СПб: СПбГУП, 2014. С. 53-56.

⁷Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретические аспекты и практика реализации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2013. № 1-2. С. 22-29.

поколений. На основании этих трудов, можно с уверенностью утверждать, что российские исследователи культуры осознают наличие общего культурного основания, находящегося в основе всех региональных культурных пространств. При этом, в рамках сложившейся парадигмы науки признается, что в рамках российского культурного пространства отсутствует единообразие, и напротив, присутствуют разнообразные культурные модификации, возникшие отчасти, как результат эволюционного ветвления мировой культуры, отчасти, как результат зарождения спорадических очагов культурных ценностей, обладающих потенциалом, способным стать фундаментом локального культурного пространства. Российские ученые в условиях современности направляют свои усилия на обоснование идеи, согласно которой на формирование личности, находящейся в рамках отдельных региональных пространств оказывает влияние региональная культурная реальность, взаимодействующая с культурой Центра¹.

Особое значение в современных исследованиях пространства российской культуры имеет проведение анализа аксиосферы региональных культур. Аксиосфера региональных культур понимается как целостность, представляющая собой идейное ядро для объединения совокупности региональных ценностей, связываемых с историческими и природно-географическими особенностями региона. Теми ценностями, которые определяют его культурную многогранность, своеобразие и уникальность и являются основанием становления региональной личности². Проводимый в условиях современности анализ формирует методологию для определения факторов и механизмов, с помощью которых региональные культуры влияют на становление личности. Основанием для этого является наличие устойчивых особенностей, характеризующих культуру конкретных регионов, и влияющие на параметры менталитета населения этих регионов.

1 Политика и культура в российской провинции / ред. С. Рыженков, Г. Люхтерхандт-Михалева. СПб.; М.: ИГПИ : Летний Сад, 2001. С. 229.

2 Путинцева Е. Ю. Аксиосфера библиотеки в контексте трансляции ценностей региональной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2015. С. 12.

Особым направлением, которое в настоящее время получает все большее практическое значение, становится исследование региональных культур, находящихся в рамках пространства культурного приграничья и трансграничья. В российских исследованиях культуры, имеется понимание того, что исследование процессов, проходящих в рамках региональных культурных пространств настолько значимо, что в будущем они станут определять судьбу исследований общероссийского культурного пространства. Исследование этого аспекта региональной культуры должно проводиться с учетом того, как происходит преломление исторического культурного опыта в субъективном сознании человека¹. Таким образом, при проведении анализа влияния региональной культуры на личность необходимо учитывать сложность и многоаспектность проявлений региональной культуры, которая взаимодействует с культурой России и мировой глобализирующейся культурой. Поэтому на данный момент важным является системное проведение исследований разнообразных проявлений региональных культур, среди которых наиболее значимое место уделяется ценностям региональных культур, традициям культуры, структуре региональных сообществ, современным трансформациям региональных культур, а также анализа механизмов формирования личности в пространстве региональных культур на территории Российской Федерации.

Выводы:

1. На формирование общероссийского дискурса, посвященного влиянию культуры на личность, оказало влияние проникновение в русскую философию идей, связанных с просветительскими идеалами, которые в XIX в. переосмысливались в контексте традиционных русских представлений об общинности, соборности, национальном изоляционизме и государственности. Это приводило к развитию общественного дискурса о том, какой должна быть личность и каковы должны быть её отношения с обществом, народом и Россией как цельным культурным пространством. Проблема влияния культурного

¹Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Учёные записки ЗабГУ. 2017. Том 12, № 3. С. 55-59.

пространства России на личность толковалось двояко, с одной стороны, были те, кто утверждал наличие общей культурной основы для становления личности, однако было много тех, кто выражал стремление отразить региональное разнообразие и многоликость российской культуры. Обсуждение вопроса о влиянии различных типов культуры на личность привело к оформлению концепций западников и славянофилов (П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, К. Д. Кавелин), теории культурно-исторических типов цивилизации (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев), теории «областных культурных гнезд» (Н. К. Пиксанов, М. Покровский, Г. Н. Потанин, А. П. Щапов), обсуждавших вопрос о принципах, механизмах и факторах влияния российской культуры на формирование личности.

2. Философские работы, пытавшиеся осмыслить влияние культуры на личность в советский период, разрабатывали учение о единой сущности культуры, общих закономерностях ее развития и базировались на положениях «деятельностной» концепции (М. С. Каган, Э. В. Ильенков, Э. С. Маркарян), определявшей культуру как феномен, имеющий универсальные параметры., а также на положениях ценностной концепции культуры (Л. Н. Коган, А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер), ориентированной на значимость духовной составляющей. Оба эти направления понимали под культурой некое «целостное поле», образованное внутрискруктурной связью элементов культурного пространства, куда включалась личность, ее культура, мир.

3. В постсоветское время в философских исследованиях влияния культуры на личность произошел поворот в сторону изучения «региональной культуры». Ведущим здесь является понятие о системной организации регионального культурного пространства, предполагающее сбалансированное сочетание локальных и глобальных параметров культуры (В. С. Степин, Д. С. Лихачев, В. Н. Шевченко, В. А. Тишков, А. Я. Флиер, П. С. Гуревич, Т. В. Бернюкевич, М. И. Билалов, Л. М. Мосолова, И. Я. Мурзина). Это единство создает тот контекст, в котором региональная культура структурно вбирает в себя как общероссийский, так и локальный аспекты, в то же время функционально представляет механизм

становления личности, субъективно воспринимающей внешнее влияние (Н. П. Анциферов, М. И. Пыляев, А. Я. Гуревич, Н. Л. Жуковская, С. Н. Иконникова, О. Н. Андреева, А. А. Пелипенко).

1.3. Проблема определения факторов формирования личности в региональном культурном пространстве

Осознание необходимости проведения исследований влияния региональных культурных пространств на личность возникло в связи с актуализацией проблематики культурных трансформаций, в результате которых представители различных культур по-разному реагировали на изменения, демонстрируя, что личность взаимодействует, реагирует и трансформируется благодаря влиянию конкретных условий региональной культуры¹. Прежде всего необходимо указать на феномен формирующей личности, которую такие исследователи, как И. С. Кон², Дж. Келли³, В. А. Ядов⁴, определяют, в качестве многозначного и многоаспектного феномена. С точки зрения И. С. Кона, личность представляется социальным свойством индивида, на которого оказывает влияние место, занимаемое им в иерархии общества, а также играемая им роль и функции, выполняемые им в социальном взаимодействии. По нашему мнению, сущность личности представляет собой совокупность социальных явлений, входящих в систему «жизненного мира», определяемого посредством общечеловеческих и индивидуальных характеристик, определяемых региональной культурой, и субъективными основаниями каждой личности⁵.

Такие исследователи личности, как К. Н. Поливанова⁶, В. И. Слободчиков¹, Г. А. Цукерман², Б. Д. Эльконин³ др. определяют, что ее основанием служит

1Букин А. Г. Культурное пространство и пространства культур: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 Чита, 2006. С. 14-48.

2 Кон И. С. Социология личности: монография. М.: Политиздат, 1967. 383 с.

3 Келли Дж. Теория личности: теория личных конструктов): монография. СПб.: Речь. 2000. С.4.

4Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35-52.

5Некрасова Е. В. Жизненный мир человека и развитие личности // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 182-184.

6 Поливанова К. Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития // Вопросы психологии. 1994. №1. С.61-69.

мировоззренческий стержень, в котором выражается отношение индивида к миру и к самому себе. При этом отмечается, что личность характеризуют не абстрактные знания о мире, а личностное отношение к ценностям культур. В произведениях- таких мыслителей, как А. В. Петровский⁴, А. В. Брушлинский⁵, С. Л. Рубинштейн⁶, К. А. Абульханова-Славская⁷ и др. личность выступает не как характеристика, благодаря которой она понимается обществом, а как субъект, способный целенаправленно изменять окружающий мир⁸.

Наличие различных определений «личности», которые используются в философии, психологии, культурологии и др., влияет на использование многообразных подходов и способов исследований. В частности, в трудах Э. Дюркгейма⁹, М. Вебера¹⁰, П. Сорокина¹¹, формирование личности трактуется, как результат адаптации, выступающей в качестве приспособления человека к условиям общества через накопление опыта и социальные установки. С точки зрения таких авторов, как З. Фрейд¹², К. Г. Юнг¹³, Э. Фромм¹⁴, А. Адлер¹⁵, Г. Олпорт¹⁶, К. Роджерс¹⁷, Дж. Келли¹⁸, Л. Колберг¹⁹, становление личности является проявлением внутреннего стремления к самоактуализации. В рамках философии, которую представляют Платон²⁰, И. Кант²¹, Г. Гегель¹, разрабатывается такое

1Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии, 1986. №6 ноябрь-декабрь 1986. С. 14-23.

2Цукерман Г. А. Обыкновенный гуманизм // Вопросы психологии. 1990. №6. С. 174-179.

3Эльконин Д. Б. Развитие устной и письменной речи: монография. М.: Интор, 1998. 112 с.

4Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив: монография. М.: Политиздат, 1982. 255 с.

5Брушлинский А. В. Культурно-историческая теория мышления: монография. М.: Высшая школа, 1968. 124 с.

6Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: монография. СПб., Питер, 2017. 288 с.

7Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал, 2009. Т. 30. № 1. С. 32-41.

8Григорович М. В. Личностная рефлексия как фактор развития личности подростка // Молодой ученый, 2011. №6. Т.2. С. 92-94.

9 Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение: монография. М.: Канон, 1995. 352 с.

10 Вебер М. Избранное. Образ общества: монография. М.: Юрист, 1994. 704 с.

11 Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество: монография. М.: Политиздат, 1992. 542 с.

12Фрейд З. Психоаналитические этюды: монография. Минск: Поппури, 2010. 608 с.

13Юнг К. Г. Человек и его символы: монография. М.: Серебряные нити, 2017. 352 с.

14Фромм Э. Иметь или быть: монография. М., Прогресс, 1990. С. 44-47.

15 Адлер А. Понять природу человека: монография. СПб.: Академический проект, 1997. 256 с.

16Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды: монография. М.: Смысл, 2002. 462 с.

17 Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека: монография. М.: «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.

18 Келли Дж. Теория личности (теория личных конструктов): монография. СПб.: Речь, 2000. С.4.

19Kohlberg L. Education, Moral Development and Faith // Journal of Moral Education, 1974. 4 (1). P. 5-16.

20Платон. Диалоги: монография. М.: Мысль, 1986. 605 с.

21Кант В. Лекции по этике: монография. М.: Республика, 2000. 431 с.

понимание формирования личности, где она представляет собой онтологически завершенную субстанциональную данность, становление которой произошло в связи с воздействием факторов не только универсальных, но и метафизических.

Однако эти положения сводят понимание процесса личностного становления, к процессу адаптации к объективно существующим требованиям и потребностям, но не учитывают возможностей личности вступать в диалогические отношения с окружающим миром. Он выступает в качестве жизненного пространства личности, зависимой от его развитости и организованности, что позволяет воспроизводить ее. Такое понимание взаимодействия личности и культуры позволяет дополнять положения социологического и психологического подходов положениями диалогического подхода, который разработан в концепциях М. Бубера², М. Бахтина³, В. Библера⁴, доказавшие наличие единства между человеком и окружающей его мир культурой. Как они полагают, культура влияния на личность посредством совместного участия в разнообразных коммуникациях и поэтому человек не существует вне культуры, с которой он ведет диалог.

Проведший анализ указанной структуры Е. Н. Яковлев, доказал, что культура представляет собой иерархию, состоящую из тесно взаимосвязаны уровней⁵. Культуру он рассматривает как срез социальной жизни и показатель степени развития человека, в рамках которого он существует только как конкретная пространственно-региональная форма. Эта же идею описывает М. Б. Туровский, по мнению которого культура «одевает индивида любого общества в личностные одежды»⁶.

Многие влиятельные исследователи, такие как Б. Малиновский, также постулируют тезис о том, что культура представляет структуру, уровни которой

1 Гегель. Феноменология Духа. Философия истории: монография. М.: Эксмо, 2007. 880 с.

2 Бубер М. Изречённое слово // Философия языка и семиотика: монография. Иваново: ИвГУ, 1995. С. 203-213.

3 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М.: Искусство, 1986. 258 с.

4 Библиер В. С. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век: монография. М.: Политиздат, 1991. 413 с.

5 Яковлева Е. Н. К определению понятия «региональная культура» // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 4 (28). С. 256-262.

6 Туровский М. Б., Туровская С. В. Культурная сущность образования. // Культура. Традиции. Образование. 1990. Вып. 1. С. 95.

составлены инструментами производства, предметами потребления, правилами взаимодействия между людьми, идеями, ремеслами, верованиями, обычаями¹. Ключевым инструментом становления культурно-развитой личности они признают совокупность объективно существующих материальных и духовных условий существования. В этом определении культура показана в качестве сферы, отражающей разнообразный опыт человеческой деятельности, который связан с опытом различных социальных групп, народов и наций, с различными географическими ареалами обитания человека, со спецификой исторического прошлого, социально-экономическими реалиями, которые вместе формируют многообразие, уникальность и неповторимость не только культур мира, но и типов личности, сформированных ими.

Упомянутые выше элементы диалогического и структурно-функционального подходов можно зафиксировать в трудах Л. Уайта², А. Крёбера и Т. Парсонса³, которые в понятии «культура» усматривали средство, способствующее различению человеческой и биологической сфер. Согласно их мнению, задача культуры состоит в том, чтобы организовывать, придавать динамику и символический смысл событиям, влияющим на формирование личности. В философии культуры под личностью понимают структуру, где происходит взаимодействие типических и специфических характеристик, которые отражают такие аспекты культур, как ценностные и социальные нормы, материальную культуру, традиции. Становление личности, как показывает В. С. Степин, происходит в соответствии с развитием взаимодействия между человеком и культурой, которое протекает в рамках структуры общества, институтов культуры, региональных условий, включая климат и т.д.⁴ Подтверждает эти положения концепция П. С. Сорокина, который доказал, что культура для общества является генератором общепринятых поведенческих программ,

1Малиновский Б. Научная теория культуры: монография. М.: ОГИ, 2005. С. 41.

2White L. The Science of Culture. A Study of Man and Civilization: monograph. N. Y.: Grove Press, 1959. P. 91.

3Kroeber A. L., Parsons T. The Concept of Culture and of Social System // American Sociological Review. V. 23. October, 1958. P. 582-583.

4Степин В. С. Глобальная культура: многообразие опытов и универсальные ценности // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. Т. 2. СПб.: СПбГУП, 2010 С. 71, 73, 90-91, 92.

передающих опыт последующими поколениям¹.

Значительные разработки в сфере определения функций механизма культурной передачи опыта произвел Д. С. Лихачев, который указал, что рычагом воздействия являются культурные ценности, создающие и распространяющие нормы, направляющие на гуманизацию общества². Субъективные ценности Д. С. Лихачев признает фактором, оказывающим ключевое влияние на личность. В рамках его трактовки субъективное восприятие есть последний и окончательный критерий, указывающий на формирование личности. На основании этого критерия Д. С. Лихачев определяет типы структуры и идентификации личности, направленной на осознание нравственных оснований различных уровней социальной жизни³.

Однако важно, что исследователи культуры не относят уровень развития личности только к односторонним эффектам восприятия окружающего мира. Как указывает П. С. Гуревич, при исследовании проблемы личности в культуре имеется сложность, заключающаяся в том, что определение личности является двусторонним процессом, включающим онтологическую составляющую, благодаря которой человек становится личностью, а также гносеологическую составляющую, благодаря которой человек осознает себя в качестве личности⁴. Соответственно, каждый человек формирует свою личность в контексте системы связей с этим миром, что подтверждают исследования О. Больнова⁵, И. Дерболова⁶, Э. Гидденса⁷. Они доказывают, что культура влияет на человека посредством диалога, принципы которого раскрыты М. Бубером, через систему знаний, традиций, ценностей, и таким образом формирует код и модель его поведения⁸. Нормы и ценностные представления прививаются человеку

1 Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений: монография. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. С. 46-47.

2 Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем: монография. М.: Сов. Россия, 1988. С. 2.

3 White L. The Evolution of Culture: monograph. N. Y.: McGraw-Hill, 1959. P. 366.

4 Гуревич П. С. Философия культуры: монография. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 20.

5 Больнов О. Философия экзистенциализма. М.: Лань, 1999. 224 с.

6 Derbolav J. Systematische Perspektiven der Pädagogik. Quelle & Meyer in German. 1971. 183 p.

7 Гидденс Э. Последствия современности: монография. М.: Праксис, 2011. 352 с.

8 Бубер М. Изречённое слово // Философия языка и семиотика. Иваново: ИвГУ, 1995. С. 203-213.

посредством воспитания и воздействия окружающей среды, то есть культура сама по себе является основой становления личности, будучи духовным компонентом человеческой деятельности.

При этом осознание первичной значимости культуры для личности, привело к тому, что актуальным стал вопрос о том, что факторы культуры не являются чем-то абстрактным, а выступают в качестве конкретных проявлений, характеризующих культуру какого-либо государственного, этнического или иного общественного образования. Человеческая жизнь проходит в реальных земных условиях, характеризующихся конкретными региональными природными и культурными условиями, с которыми человек вступает в экзистенциальные отношения¹. Все эти условия являются характеристиками пространства культуры, которое в работах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, охарактеризовано как универсальная категория, описывающая посредством понятий структурности и протяженности окружающий человека мир. Идеи Э. Гуссерля о пространственной характеристике осознания культуры как доступной для анализа формы отражения, развиваются в трудах П. Я. Бакланова², Д. А. Дирина³, М. Д. Шарыгина⁴. Они понимают культуру как объективное и единое пространство, в котором протекает культурная деятельность, диалог, включающий все разнообразие основных форм природы и человека⁵.

В философии культуры эти сущностные характеристики осмысливаются синтетически как «пространство культуры», где каждое из образований представляет себя в качестве индивидуального начала, обладающего чертами личности, раскрывающимися в региональном пространстве культуры, в связи с жизнедеятельностью конкретного человека. Категория «пространство культуры»

1 Швейцер А. Культура и этика: монография. М.: Прогресс, 1973. С.305.

2 Бакланов П.Я. Структуризация географического пространства – основа теоретической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы. Ростов на Дону: Из-дво ЮФУ, 2010. С. 12-21.

3 Дирин Д. А. Факторы и закономерности дифференциации культурного пространства // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции. Ростов на Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 273-277.

4 Шарыгин М. Д. Основные направления фундаментализации социально-экономической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции. Р/ Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 144-149.

5 Пелипенко А. Генезис смыслового пространства // Человек. 2002. № 2. С. 8.

предполагает место расположения культуры, ее закреплённости в физическом мире и переживании пространства, реализующемся в символически наполненных феноменах¹.

Понятие «пространственного измерения культуры» разрабатывал А. С. Кармин, трактовавший культуру как континуум, структура которого составлена областью единичности и областью взаимовлияний, между которыми идут процессы коммуникации и передачи преемственности, традиций и новаций, определяющих становление личности. А. С. Карминым предложена модель культурного пространства, представляемая в образе трехмерного пространства, сформированного тремя сферами: духовной культурой, социальной культурой и технической культурой.

По мнению А. А. Пелипенко, указанное поле, при соотнесении с жизнедеятельностью конкретных социальных групп, располагается в рамках определенных территорий, климатических зон, экономико-географических районов, социальных таксонов, историко-культурных пространств². Как пишет В. Каганский, ментальное поле может фиксироваться таким понятием как «регион», который представляет целостное пространство культуры, отличающееся природно-географическими и историко-культурными реалиями. В контексте методологии этого автора регион понимается, в качестве специфического культурного образования, вписанного в общий «пейзаж», представленный однородной физической средой и однородной экономикой, находящимися в основе общественной жизни и общего фона исторического и нравственного развития³.

Регион характеризуется особыми природно-ландшафтными условиями, которые формируют у близко-проживающих народов общие способы хозяйствования, формы религиозного и нравственного мировоззрения, схожие экзистенциальные ценности, правовые и политические структуры, объединяющие

1 Фомина М. Н., Букин А. Г. Пространственные измерения культуры: методология исследований // Вестник ЗабГУ. 2012. № 11 (90). С. 130-135.

2 Там же. С. 85-101.

3 Каганский В. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения, 2001. Вып. 2. С. 3-18.

их в единое целое¹. Как культурная общность регион представлен тем пространственным единством, которое принято называть культурным пространством региона или региональной культурой, признаками которой, согласно И. Ф. Петрову и Н. Н. Ге являются: целостность; устойчивость, динамизм и стремление к самосохранению. Эту систему они представляют структурой, состоящей из ряда подсистем, имеющих в своем составе ряд необходимых элементов. Как полагают эти авторы, региональная культура как система, подвержена регуляции и саморегуляции². Н. Н. Ге и И. Ф. Петров раскрывают пространственную структуру региона, которая представляется ими как сложный и многоосновный феномен, в котором выделяются различные уровни материальной, духовной, художественной, народной, традиционной, инновационной культуры. Эти уровни составляют содержание пространственной сферы, в которой фиксируется наличие совокупности институциональных и не институциональных форм, создающих, хранящих, распространяющих культурные ценности.

Эту структурную разработку существенно дополняет Л. Н. Захарова, которая указывает на то, что в пространстве региональной культуры наличествуют периферия и организационный центр или ядро, в виде систем ценностей, видов деятельности, пассионарных лидеров, объединяющей идеи. В организации этого пространства ключевую роль, как доказывает Л. Н. Захарова, играет идея, придающая региональной культуре единство и системность³, влияющие на становление личности субъектов этого пространства⁴. Осознание указанной здесь связи между культурой и человеком позволило В. И. Вернадскому употребить понятие «очеловеченное пространство»⁵. Исследователи констатируют, что каждое региональное пространство культуры формирует свою

1 Денисова Г. С., Радовель М. Р. Этносоциология: монография. Ростов н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000. С. 9-10.

2 Ге Н. Н., Петров И. Ф. Региональная культура как система // Культурное пространство региона. Тюмень: Мандр и К, 2005. 368 с. С. 19.

3 Захарова Л. Н. Объединяющая идея в региональной культуре // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. 3 (31) С. 53-56.

4 Орлова Е. В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 3 (18). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/589-cultural-space-structure-determination-of-specificity.html> htm (Дата обращения: 10.01. 2018).

5 Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера: монография. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 15.

собственную структуру, элементы которой представлены центром, периферией, вектором культурного влияния, а также сферами слияния и рассредоточенности, на которые влияют политико-географический, культурно-типологический и этнический факторы¹. Характеристики культурного пространства, характеризуемые человечностью, описал Ю. М. Лотман, создавший модель взаимодействия между центром и периферией. Семиотическое пространство, как указывал Ю. М. Лотман несет функцию памяти, позволяющей реставрировать его культурные слои². А. Погосбекова, которая также занимается разработкой пространственных параметров культуры, дополнила его учение идеями о том, что в единую структуру региональное пространство объединяют общие ценности. Они складываются в единое смысловое целое, которое осознается индивидом и воспринимается им как те смыслы, которые он вкладывает в понимание им территории региона. Системы ценностей здесь представляются текстами, прославляющими традиции прошлого, мифами, легендами о нем³.

При этом важна именно собственная система ценностей, которая, как доказывает И. Я. Мурзина, формирует региональную культуру посредством выработки определенного способа взаимоотношений и выражения способности воздействовать на российскую культуру в целом⁴. И. Я. Мурзина указывает, что взаимодействие между региональной культурой и окружающим обществом обоюдно, так как она не только определена условиями человеческого бытия, но и сама влияет на него. Из этого можно заключить, что на территории каждого региона формируется своя собственная, уникальная и неповторимая региональная культура, насыщенная смыслами, ценностями, типами поведения, стереотипами мышления, характерными только для этого региона⁵. При этом пространство региональной культуры взаимодействует с другими культурами и выходит за пределы своих территориальных границ. В. Л. Белова выделяет различные типы

¹Флиер А. Я., Полетаева М. А. Тезаурус основных понятий культурологии: монография. М.: МГУКИ, 2008. С. 17.

²Лотман Ю. М. Семиосфера: монография. СПб.: ИскусствоСПБ, 2010. С. 239-240.

³Погосбекова Д. А. региональная культура – ценностно-смысловой аспект // Вестник ИГПИ им. П. П. Ершова. 2012. № 1 (3) С. 60-63.

⁴Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: дис. ... докт. культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 2003. С. 6.

⁵Там же. С. 6.

регионов, среди которых региональные сообщества локального, национального, государственного, и международного уровней¹. В частности, развитию межкультурного диалога на уровне региональной культуры способствует распространение массовой культуры, ценности которой принимаются большинством населения планеты. Это ведет к постепенному «стиранию» регионального культурного своеобразия ряда регионов. В одних случаях региональные культуры, вступая во взаимодействие с глобализирующейся культурой, уверенно сохраняют свою самобытность, в других – испытывают, ее доминирующее воздействие внешних форм культуры, осуществляемое посредством таких факторов, как идеология, образование, наука и техника. Причиной разнонаправленного развития региональной культуры, по мнению Л. М. Мосоловой², является то, что с одной стороны, пространство культуры призвано быть формой существования и коммуникации региональных культурных групп, с другой – именно на этот уровень проецируются культурные взаимодействия уровня мировой и национальной культуры, что существенно дополняет смысловое содержание коммуникации уровня «человек – региональная культура».

Таким образом, каждая региональная культура представляет свое относительно самостоятельное, но всегда уникальное культурное пространство. Это обуславливается сущностью региональной культуры, благодаря которой оно приобретает качества культурности, но находится в тесном взаимодействии с иными культурными пространствами³. Вместе с этим исследователи отмечают, что пространство региональной культуры является необходимым условием и особой формой существования общей культуры, содержание которой складывается из сочетания множества культур, сформированных различными культурными регионами планеты. Причиной этого является то, что в каждом региональном культурном пространстве фиксируется наличие общечеловеческих, универсальных и национальных, частных духовных, интеллектуальных

1 Белова В. Л. Регионоведение. Регионообразующие факторы // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2. С. 57.

2 Мосолова Л. В. Основы теории художественной культуры: монография. СПб.: Лань, 2001. 287 с

3 Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. 2011. № 4. С. 15-19.

характеристик. Поэтому можно заключить, что мировая культура существует в каждом конкретном культурном пространстве как ее неповторимая региональная форма, развитие которой находится в зависимости от влияния географического, исторического, этнического, религиозного, социально-экономического, политического факторов¹.

Основной особенностью регионального культурного пространства является его способность обеспечивать своим субъектам возможность эффективно входить в различные культурные среды и реализовывать свою индивидуальность в различных типах культур: социальных, личностных, культурных, производственных, коммуникационных. Это ведет к тому, что содержание культурного пространства региона комплиментарно потребностям человека, влияет на становление его личности, и определяет характер ее взаимодействия с культурным своеобразием окружающего мира². Жизненное самоопределение человека неразрывно связано с определением в культуре, нахождением нравственных позиций и ценностей, определяющих характер его взаимоотношений с обществом.

В связи с принятием этих положений региональное культурное пространство, можно понимать, как наиболее значимое условие, фактор и средство становления личности, алгоритм действия которого описан М. Я. Сарафом. По его мнению, становление личности является процессом, существенную роль в котором играют культурные удаления и культурные сближения, в результате чего возникают условия, характеризующейся новым взглядом человека на свое собственное существование и себя³. Предлагаемая этим автором методика, разрабатывает видение регионального культурного пространства как цельности, в которой синтезируются различные сферы, включая культурную, коммуникативную и функциональную, существующие в рамках индивидуального сознания. В рамках этих сфер формируется порядок общения,

1Букин А. Г. Культурное пространство и пространства культур (региональный аспект): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 Чита, 2006. С. 48.

2 Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты: на материале русской и немецкой лингвокультурологии. Красноярск: КГПУ, 2004. С. 145-148.

3Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время, 2011, № 4. С. 15-19.

понимания, ментальности, ценностного отношения, которые обеспечивают осуществление возможности и умения человека вступать в коммуникативные отношения, то есть «опосредоваться» через освоение культурных форм общения, погружаясь в окружающую его культурно-творческую среду. Включение человека в культурное пространство способствует его коммуникативному и социокультурному развитию¹.

Однако формирование личности не происходит автоматически, и причиной этого является то, что каждый человек имеет только свое, индивидуальное, специфическое отношение к окружающей действительности. В этих условиях становление личности в культуре должно пониматься не только как объективно, но и субъективно обусловленный процесс, который имеет опору в смысловой природе региональной культуры, содержание которой определяют ценности, укорененные в бытии человека и отражающие его межсубъективные отношения².

По мнению А. В. Роговой, процесс усвоения ценностей региональной культуры начинается с рождения ребенка, воспринимающего культуру и опыт окружающих его людей, семьи, народа³. Отсюда логично заключить, что ведущим фактором становления личности в региональной культуре является восприятие им культурно-значимой информации от людей и групп разного происхождения и разных поколений, проживающих на единой территории, приобщаясь к культуре которых человек расширяет рамки своего пространственно-временного бытия и духовного развития⁴.

Структура информационного содержания регионального культурного пространства описана О. А. Габриеляном⁵, с точки зрения которого оно подразумевают наличие особой сферы культурного взаимодействия, реальности, существующей в рамках конкретных регионов. Эта реальность, как указывает А.

¹ Там же. С. 15-19.

² Рогова А.В. Идеи становления человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья (вторая половина XIX начало XX вв.) Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. С. 25.

³ Там же. С. 25

⁴ Флиер А.Я., Полетаева М.А. Тезаурус основных понятий культурологии: монография. М.: МГУКИ, 2008. С. 89.

⁵ Габриелян О. А. Русский мир: культурное пространство Крыма: монография. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 128 с.

Н. Михайленко¹, представляет собой особую сферу, в пространстве которой взаимодействуют различные элементы, представляющие локальные этническим культурам и элементы, осваиваемые культурой в ходе межкультурного диалога, объективно проходящего на данной территории. Различные элементы этого пространства взаимодействия между собой составляют некое единство, сердцевиной которого является ядро региональной культуры, описанное Е. Ю. Путинцевой. Она рассматривает сущностное ядро, или аксиосферу региональной культуры, включающую в себя региональные культурные ценности, состав которых во многом зависит от влияния условий, сформированных историческими, природно-географическими факторами, отражающими специфику региона и его уникальность, своеобразие, многогранность региональной культуры, а также регулируемыми отношения человека, мира общества и природы². Важнейшим фактором, влияющим извне на ядро региональной культуры, как утверждает И. Я. Мурзина³, является центральная, или общероссийская, культура, олицетворяемая на территории региона, так называемой «материнской культурой», вступающей в отношения со своим региональным вариантом, по образцу взаимодействия общего и особенного. На территории региона «материнская культура» составляет ценностную основу ядра региональной культуры, которая формирует основные параметры жизнедеятельности людей, однако в то же время, она адаптирует их для условий конкретных регионов. Таким образом, она становится инструментом интеграции различных историко-культурных и этнических элементов в региональное культурное единство. В свою очередь объединение региональных элементов культуры вокруг ее ценностного ядра обеспечивает формирование общероссийского культурного пространства.

Культурные параметры этого пространства зависят от географических, исторических, социальных, этнических, культурных условий, а также от влияния,

¹ Михайленко А. Н. Три теоретических подхода к изучению российско-украинского приграничья // Казачество. 2013. № 6. С. 85-100.

² Путинцева Е. Ю. Аксиосфера библиотеки в контексте трансляции ценностей региональной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2015. С. 12.

³ Мурзина И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2003. № 1(3). С. 101-104.

которое оказывают на него различные религиозные институты культуры, формирующие у человека особенности освоения навыков культурной коммуникации, важнейшим из которых является формирование его ценностной системы¹. Говоря о региональных факторах, влияющих на становление личности, в первую необходимо отметить географическое местонахождение региона и связанные с этим параметры его экономического и социального развития, влияющие на состояние региональных культур и личность². Также значимой является роль историко-культурного фактора, функции которого заключаются в трансляции культурных традиций тех, кто населял и населяет региональное пространство³.

Значительное влияние на процесс становления личности оказывают традиции народа, его культурно-творческая среда. Следование старым и создание новых культурных традиций является значимым условием, влияющим на становление личности субъектов регионального культурного пространства. Дело в том, что следование традициям обеспечивает связь времен, поколений, а, следовательно, обеспечивает приобщение к культуре⁴. Как доказывает М. М. Звягинцева⁵, культурные традиции, существующие в течение длительного времени, становятся константами региональной культуры, формирующими комплекс, составляющий культурную память, являющуюся фундаментом региональной культуры, ее цементирующим ядром, комплексом культурных констант. Культурный фундамент, согласно концепции Я. Ассмана⁶, детерминирует специфику ментальных представлений, этических и эстетических норм, распространенных в конкретных регионах. Инструментом данного влияния являются культурные константы, отражающие парадигмальные представления о

1 Букин А.Г. Культурное пространство и пространства культур: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2006. С. 14.

2 Ключева Е. А. Культурное пространство как научная категория // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 43-46.

3 Кузицын Г. М. Проектирование культурного пространства: теория и практика // Время культуры и культурное пространство: сб. тезисов международной научно-практической конференции. М.: МГУКИ, 2000. С. 49-51.

4 Иконникова С. Н. Культурное пространство как ценность и национальное достояние // История культурологических теорий: монография. СПб.: Питер, 2005. С. 35.

5 Звягинцева М. М. Константы региональной культуры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2007. С. 1-8.

6 Ассман Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. С. 11.

параметрах существования человека, о принципах осмысления себя и системы бытия.

Историко-культурное пространство региона хранит память об историческом наследии, но в то же время региональное пространство культуры постоянно взаимодействует с миром окружающих культур и впитывает в себя их ценности, содействуя становлению личности¹. В результате этого сознание современных людей воспринимает исторические факты, преобразуя их в соответствии с нормами современности и своим личностным бытием, и субъективными ценностями.

Выводы:

1. Понятие «личность» включает совокупность социальных явлений, входящих в индивидуальную систему «жизненного мира», определяемого посредством общечеловеческих и индивидуальных характеристик, влияние на которые оказывает с одной стороны, специфика культуры, с другой – особенности, зависящие от субъективных характеристик человека. Формирование и становление личности происходит под влиянием факторов, среди которых наибольшее влияние оказывают ценности, нормы, способствующие гуманизации общества и возвышению человека. Нормы и ценностные представления прививаются человеку посредством воспитания и воздействия культуры, являющейся основой становления личности. В качестве факторов культуры выступают конкретные условия, которые создают «пространство культуры», с которым человек вступает в экзистенциальные отношения.

2. Пространство культуры располагается в рамках определенных территорий, климатических зон, экономико-географических районов, социальных таксонов, историко-культурных пространств и фиксируется таким понятием, как «регион», который, представляет целостное поле культуры, отличающееся природно-географическими и историко-культурными реалиями. Как культурная общность регион представлен пространственным единством, которое принято

¹Трипузов М. Г. Культурное пространство как объект культурологического исследования // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012, № 17. С. 64–70.

называть региональным культурным пространством, признаками которого являются: целостность; устойчивость, динамизм и стремление к самосохранению. Региональная культура как система включает уровни материальной, духовной, художественной, народной, традиционной, инновационной культуры. Эти уровни составляют содержание пространственной сферы, в которой фиксируется наличие совокупности институциональных и неинституциональных форм, создающих, хранящих, распространяющих культурные ценности. В пространстве региональной культуры наличествуют периферия и организационный центр, или ядро, в виде систем ценностей, видов деятельности, пассионарных лидеров, объединяющей идеи. В организации этого пространства ключевую роль играют ценности, придающие региональной культуре единство и системность. Системы ценностей представляются текстами, прославляющими традиции прошлого, мифами, легендами о нем. Кроме этого, в каждом региональном культурном пространстве фиксируется наличие общечеловеческих, универсальных и национальных, частных духовных, интеллектуальных характеристик.

3. Ведущим фактором становления личности в региональной культуре является субъективное восприятие им культурно-значимой информации от иных культурных форм, к которым можно отнести группы разного происхождения и разных поколений, проживающих на единой территории, приобщаясь к культуре которых человек расширяет рамки своего пространственно-временного бытия и духовного развития. Эта реальность культуры существует как аксиосфера, ядро региональной культуры, которая была сформирована историческими, природно-географическими условиями, отражающими уникальность, своеобразие, многогранность региональной культуры и регулирующими отношения человека, мира общества и природы.

Заключение к I главе

1. Представления о влиянии культуры на становление личности первоначально основывались на точке зрения, согласно которой приоритетное значение имело влияние мировой культуры, понимаемой как источник универсальных ценностей. Этой точке зрения противоречило мнение о том, что на

формирование личности оказывают влияние только условия, характеризующие развитие окружающей человека региональной культуры, в их состав входят особенности восприятия географического ареала, истории, а также ментальные, языковые, художественные, образовательные, политические, административные особенности региона. Современный синтез указанных точек зрения, привел к пониманию семантически двойственного – универсального и регионального – характера влияния реальности культуры на аксиологический, этический, психологический аспекты человеческой личности.

2. Процесс осмысления закономерностей развития российского культурного пространства был инициирован благодаря проникновению в русскую философию просветительских концепций личности, которые переосмысливались в зависимости от российских условий и авторских представлений о том, какой должна быть Россия и каким должен быть русский человек. Преобладающее влияние имела точка зрения, отражающая мнение о том, что Россия представляет собой единое культурное пространство, где доминирует влияние российского государства, общинности и церковности. Этой точке зрения противостояла точка зрения, согласно которой российская культура состояла из ряда независимых регионов, определяющих региональное разнообразие российской культуры. Период современности характеризовался формированием позиции, учитывающей синтетическое понимание культурной действительности, в которой признается, что на человека влияние оказывают как глобальные, так и локальные параметры культуры, которые воспринимаются человеком исходя из его субъективных ценностных оснований.

3. Становление личности происходит под влиянием нормативных и ценностных представлений, прививаемых человеку посредством воздействия окружающей его культуры, являющейся основой становления личности. Каждая культура, воспринимаемая человеком, обладает своим ценностным потенциалом, который сформирован историческими, природно-географическими условиями, регулируемыми отношениями человека, мира общества и природы. Кроме этого, в каждом региональном культурном пространстве идет процесс взаимодействия

универсальных и региональных воздействий, среди которых выделяются внешние, глобализационные, зарубежные влияния, стремящиеся к включению регионального культурного пространства в свои культурные ареалы. С другой стороны, региональная аксиосфера культуры противопоставляет этим воздействиям ценности, придающие ей единство и системность. В результате этого сознание современных людей воспринимает культурное влияние, преобразуя его в соответствии с нормами современности и своим личностным бытием, и субъективными ценностями.

Глава 2. Особенности становления личности в региональном культурном пространстве

2.1. Факторы формирования личности в российском культурном пространстве

Актуальность исследования современного российского культурного пространства вызвана необходимостью разрешения проблемы развития российской культуры, которая занимая значительную территорию, во все исторические эпохи своего существования была представлена большим количеством сосуществующих и взаимодействующих культур, представленных различными этническими сообществами¹. Значительное количество различных этнических групп, проживающих в России, никогда не представляли собой однородного единства. Близкие отношения между собой, которые переживали эти группы, были причиной их сближения, в то же время приводили к росту отчуждения, основанного на взаимных претензиях и недоверии. Кроме этого, помимо взаимодействия между собой российские регионы контактировали с культурами соседних стран, что влияло на специфику их культуры². Располагаясь вдоль границ с различными цивилизациями, они в языковом и религиозном отношении порой оказывались более близкими к ним, нежели к русским и русской культуре. Таким образом, можно констатировать, что пространство российской культуры является местом взаимодействия между различными народами и типами цивилизаций, однако в то же время, она представляет единое государственное образование. В контексте методологии, представляемой диалогическим подходом М. Бубера³, М. Бахтина⁴, В. Библера⁵ и структурно-

1 Шевченко В. Н. Российское государство: освоение евразийского пространства // Философия и политические науки. 2011. С. 35-47.

2 Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Учёные записки ЗабГУ. 2017. Т. 12. № 3. С. 55-59.

3 Бубер М. Изречённое слово // Философия языка и семиотика. Иваново: ИвГУ, 1995. С. 203-213.

4 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М.: Искусство, 1986. 258 с.

5 Библер В. С. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век: монография. М., Политиздат, 1991. 413 с.

функциональным подходом Л. Уайта¹, А. Крёбера и Т. Парсонса², региональное пространство представляет собой объективный фактор формирования региональных типов личности в рамках российского культурного пространства.

В этой связи возникает вопрос о том, сформирован ли на территории российского культурного пространства единый тип личности или здесь проживает большое количество представителей различных культур количество и народов, искусственно собранных в рамках российских государственных границ? Особенно актуализируется эта проблематика в условиях современного глобализирующегося мира, в котором большое значение приобретают возможность и условия диалога культур³. Однозначных ответов на этот вопрос нет, так как часть исследователей высказывает точку зрения, основанную на вере в возможность существования единой российской цивилизации, формирующей единый тип личности, а другая часть отрицает эту возможность⁴.

В работах таких авторов, как В. М. Межуев⁵, И. Яковенко, А. Пилипенко⁶ и др., постсоветское российское культурное пространство представляется «лоскутным одеялом», на котором проживают представители различных, не похожих друг на друга народов и цивилизаций. Например, согласно мнению В. М. Межуева, на территории России никогда не проживало такой общности, которую можно было бы назвать единым народом или нацией. Россия сложилась как государство, в рамках которого проживали люди, культурное объединение которых было невозможно даже в рамках православия, полагавшего себя наднациональной структурой⁷.

¹White L. The Science of Culture. A Study of Man and Civilization: monograph. N. Y.: Grove Press, 1959. P. 91.

²Kroeber A. L., Parsons T. The Concept of Culture and of Social System // American Sociological Review. V. 23. October, 1958. P. 582-583.

³Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX-в. и начала XX-века // Судьба России. М.: АСТ, 1997. С. 43-271.

⁴Путинцева Е. Ю. Аксиосфера библиотеки в контексте трансляции ценностей региональной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2015. С. 14.

⁵Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 10–16.

⁶Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система: монография. М.: Языки русской культуры, 1998. 396 с.

⁷Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 10–16.

Похожая точка зрения высказывается И. Яковенко¹, доказывающим, что в постсоветском культурном пространстве преобладают процессы дезинтеграции, разделяющие российские территории на Запад, Восток, Север, Юг, где также могут выделяться такие крупные субрегионы, как Северный Кавказ и Сибирь. Как считает этот автор, основным дезинтегрирующим фактором сегодня является модернизация, ведущая к формированию рыночного эгоизма, который будучи свойственен регионам, как носителям собственной идентичности, ведет к расколу страны. А. А. Пелипенко² полагает, что Россия как целое не способна к изменениям, которые смогли бы положительно повлиять на динамику ее развития. Поэтому она должна пережить период дезинтеграции, которая откроет стране возможность проведения системной трансформации. Согласно точке зрения перечисленных авторов, регионализация является ведущим фактором формирования личности в рамках пространства российской культуры.

В целом точка зрения о том, что стремление к регионализации в развитии культурного пространства современной России является вектором для формирующейся личности, сегодня представлена достаточно широко. Однако мнению, выраженному в исследованиях В. М. Межуева³, И. Яковенко и А. А. Пелипенко⁴, противостоит точка зрения, основанная на убеждении в том, что в условиях современности актуализируется процесс интеграции российского культурного пространства, в фокусе которого находится формирование человека, как представителя «гражданской российской нации». Ее защищают В. А. Тишков⁵, В. Н. Шевченко⁶, Л. М. Мосолова⁷, Т. В. Бернюкевич⁸, с точки зрения которых культурное пространство России представляет не сумму разрозненных

1И.Г. Яковенко Цивилизационный анализ, проблема метода // Проблемы исторического познания. М.: Наука, 1999. С. 84-91.

2 Пелипенко А. А. Штрихи к портрету постсовременности// Вопросы социальной теории. 2019. Том III. Вып. 1 (3). С. 318-339.

3Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 10–16.

4Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система: монография. М.: Языки русской культуры, 1998.396 с.

5 Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания: монография. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Наука, 2013. 649 с.

6Шевченко В. Н. Российское государство: освоение евразийского пространства // Философия и политические науки. 2011. С. 35-47.

7 Мосолова Л. М. Мировое культурное наследие в контексте процессов глобализации // Культурогенез и культурное наследие: монография. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 562-575.

8Бернюкевич Т. В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 11. № 3. С. 56-61.

культурных феноменов, а систему взаимосвязанных и закономерным образом взаимообусловленных элементов. По мнению этих исследователей, российское культурное пространство имеет основания, в качестве которых выступают базовые историко-культурные и духовные ценности, которые характеризуют личность россиян разной национальной и социальной принадлежности.

На наш взгляд, для определения сущности современного российского культурного пространства необходимо, прежде всего, выявить историко-культурные тенденции его складывания и развития. Анализ этих тенденций позволит оценить влияние факторов, обеспечивающих складывание целостности и факторов, влияющих на формирование культурных различий регионов российского культурного пространства¹. Факторы формирования общероссийского культурного пространства определяют те сущностные характеристики, которые в относительно устойчивом виде сохраняются в психологии народа и определяют его развитие на разных этапах истории.

Исследователи российского культурного пространства, такие как В. О. Ключевский², М. Н. Погодин³, С. М. Соловьев⁴, Н. А. Бердяев⁵, К. Д. Кавелин⁶, А. В. Терещенко⁷ важную роль отводят природным условиям выживания, предполагавшим преобладание земледелия, как ведущего вида хозяйствования. В российской науке устоялось мнение о том, что необходимость выживания в суровых климатических условиях создала такой механизм выживания, как земледельческую общину. Община представляла общественно-производственное объединение крестьян на началах самоуправления, взаимопомощи и совместного владения землей, которые были факторами воспроизводства менталитета российской личности⁸. Основной мировоззрения русского крестьянина принято

1Порус В. Н. У края культуры (философские очерки): монография. М.: Канон+: Реабилитация, 2008. С. 4.

2Ключевский В. О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах. М.«Мысль», 1987-1990. 4142 с.

3Погодин М. П. Избранные труды: монография. М. РОССПЭН 2010. 776 с.

4Соловьев С. М. История России с древнейших времен: монография. Петроград Издательство П.П.Сойкина 1903г. 192 с.

5Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX-в. и начала XX-века // Судьба России. М.: АСТ, 1997. С. 43-271.

6Кавелин К. Д. Государство и община: монография. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1296 с.

7Терещенко А. В. Быт русского народа: монография. М.: Русская книга, 1999. Т 35. 336 с.

8Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века: монография. М.: тип. Д. И. Иноземцева, 1894. С. 59.

считать комплекс коллективных социально-психологических поведенческих стереотипов, таких как трудолюбие, проворность в работе, способность к напряжению физических и моральных сил, готовность к тяжелым условиям труда.

Общинный характер образа жизни и способность легко переносить жизненные трудности в дальнейшем, как доказывают А. В. Терещенко¹, К. Д. Кавелин², Н. А. Бердяев³ сформировали такие черты русского человека, как непритязательность, выносливость, работоспособность, широту мышления, открытость к взаимодействию с другими народами и племенами. Именно эти черты повлияли на то, что историческая судьба русского народа, как пишут М. Н. Погодин⁴, А. В. Терещенко⁵, С. М. Соловьев⁶, В. О. Ключевский⁷, оказалась подвержена ряду драматических трансформаций, одни из которых были связаны с экспансией татаро-монгольских народов, других с последующим вторжением в мир восточных народов. Это, по общему мнению, привело к формированию особого культурного пространства, находящегося между Востоком и Западом, которое открыло Россию для проникновения элементов разнообразных культур.

Сложившееся в XVI-XIX вв. культурное пространство отличалось не только огромными размерами, включая территории от Балтийского моря до Тихого океана, но и его крайней неоднородностью. Наиболее заметно отличались друг от друга регионы Сибири и Европейской России, представлявшей центральное ядро культуры Российской империи. Российское культурное ядро сложилось задолго до присоединения Сибири и поэтому резко отличалось от культурных условий присоединяемых земель⁸. Природно-географические, хозяйственно-экономические, этнокультурные условия Центральной России и территории, расположенной от Урала и до Тихого океана, настолько различались, что

1Терещенко А. В. Быт русского народа: монография. М.: Русская книга, 1999. Т 35. 336 с.

2Кавелин К. Д. Государство и община: монография. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1296 с.

3Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX-в. и начала XX-века // Судьба России. М.: АСТ, 1997. С. 43-271.

4Погодин М. П. Избранные труды: монография. М. РОССПЭН 2010. 776 с.

5Терещенко А. В. Быт русского народа: монография. М.: Русская книга, 1999. Т 35. 336 с.

6Соловьев С. М. История России с древнейших времен: монография. Петроград Издательство П. П.Сойкина 1903г. 192 с.

7Ключевский В. О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1987-1990. Издательство «Мысль». 4142 с.

8 Шевченко В. Н. Россия как государство – цивилизация: монография. М. РАН, 2016. С. 113.

потребовались экстренные меры, направленные на взаимную адаптацию. Это привело к складыванию новой этнокультурной ситуации, принципиально отличающейся от русской культуры и культуры населения Сибири и Дальнего Востока в период до русской колонизации. Следствием присоединения Сибири стала трансформация России в евразийское государство, многонациональное, многоконфессиональное, мультикультурное по своему составу. Оно занимало обширную территорию, куда входили азиатские и европейские культурные регионы, взаимодействие между которыми сопровождалось формированием приграничных культурных пространств¹.

С этого времени стремление к регионализации становится постоянно действующим фактором, влияющим на формирование личности в рамках российского культурного пространства. Причиной этого является то, что влияние приграничных территорий на развитие России огромно. Эта страна имеет самую продолжительную в мире границу с другими государствами и наибольшее количество соседей². Большое количество приграничных регионов, культура каждого из которых состоит из неповторимого набора этнокультурных и политических традиций, делает общероссийское культурное пространство территорией взаимодействия, отличающегося специфическими характеристиками. Каждый приграничный регион является уникальным культурным пространством, так как находится в процессе многопланового межрегионального взаимодействия с другими странами, включающими культурные, экономические, социальные и экологические аспекты, формирует неповторимый образ личности, проживающей на приграничной территории.

Перефразируя В. О. Ключевского, можно сказать, что история России – это история освоения новых регионов, стремящихся сохранить свою автономию и культурную самобытность, своеобразие региональной личности, что приводило к противостоянию и борьбе между ними. Согласно мнению Н. А. Бердяева, эта борьба определяет наличие противоречий в традиционном русском сознании. Как

1 Шевченко В. Н. О роли России в разрешении цивилизационного конфликта // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. Вып. 3-4. (17-18). С. 75-86.

2 Шевченко В. Н. Россия как государство – цивилизация: монография. М. РАН, 2016. С. 110-113.

он пишет, столкновение в границах культурного пространства России западного и восточного влияния, делают русский народ сложным и противоречивым образованием, не являющимся ни европейским, ни азиатским народом¹.

Таким образом, геополитическое положение России существенно повлияло на специфический код культуры, формируемый в течение тысячелетий, когда на этих территориях существовали и взаимодействовали представители народов различного происхождения и различной культуры. При этом важно учитывать, что формированию единого общероссийского целого постоянно противостояли непрекращающиеся взаимодействия с иными культурами и цивилизациями, приводившими к появлению новых культурных регионов, и новых типов личности, обладавших своим уникальным, по сравнению с российским, культурным потенциалом. Появлению новых типов личности в рамках культурных регионов также способствовали факторы раскола, дивергентности, культурной селективности, которые периодически актуализировались в истории России².

Однако тенденция к регионализации на территории российского культурного пространства не была единственной, и Россия, стремясь к формированию человека, являющегося представителем общероссийской культуры, противопоставила этой тенденции факторы, оказывающие интегрирующее воздействие на формирование и развитие общероссийского культурного пространства, к которым исследователи относят православие, русский язык и центральную государственную власть. Так, по мнению И. А. Киреевского³, укоренение православия сыграло ключевую роль в процессе укрепления общинных традиций на Руси и обеспечило историческое развитие русского народа в рамках православного поля культуры. Православная религия, согласно И. А. Киреевскому⁴, структурирует российское культурное

1Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX-в. и начала XX-века // Судьба России. М.: АСТ, 1997. С. 43-271.

2Шевченко В. Н. Россия как государство – цивилизация: монография. М. РАН, 2016. С. 110-113.

3Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни: монография. М.: Институт русской цивилизации, 2007. С. 156-187.

4 Там же. С. 156-187.

пространство, наполняя его специфическими образами и символами, которые определяли содержание духовных, нравственных, общежитийских, юридических представлений и понятий русского народа. Как он доказывал, единство православных убеждений и верований, было причиной осознания себя как единого целого¹. А. В. Терещенко настаивает, что православная религия объединила людей, прежде принадлежащих разным культурам в единое целое, называемое русским народом².

Сочетание факторов православной духовности и традиционной общинности привело к формированию такого явления, как соборная личность, проявляемая не только в духовной, но и в хозяйственной, социальной жизни. Дух соборности пронизывает русский православный, трудовой этос, вызывая в человеке стремление к общинности и единению на фоне формирования в нем негативного отношения к частной собственности. Согласно О. А. Платонову³ православный этос славяно-русской цивилизации определяет хозяйствование в качестве определенного духовно-нравственного миропорядка, направляемого не на достижение прибыли, а на обеспечение самодостаточности, посредством труда, самоограничения и отрицания потребительской экспансии.

Помимо влияния православия, которое оказывает влияние на формирование самосознания русских, А. В. Терещенко⁴, как и К. С. Аксаков⁵, большое внимание уделяет интегрирующему влиянию, которое оказывал на разнородное население общероссийского пространства русский язык, представляющий для них «таинственный узел народности», скрепивший народы в единое целое⁶. Язык, как доказывает К. С. Аксаков⁷, обеспечил единство русского народа, став орудием духовной деятельности, определяющим содержание сознания человека. Как отмечает Т. А. Миронова, в языке закрепляются и задаются человеку характер, привычки, убеждения, обычаи и представления, которые создают особенные

1 Ключевский В. О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1987-1990. Мысль. 4142 с.

2 Терещенко А. В. Быт русского народа: монография. М.: Русская книга, 1999. Т 35. С. 113.

3 Платонов О. А. История русского народа в XX в.: монография. М.: Алгоритм, 2009. 1268 с.

4 Терещенко А. В. Быт русского народа: монография. М.: Русская книга, 1999. Т 35. 336 с.

5 Аксаков К. С. О русском воззрении // Русская беседа. 1856. Кн. 1. Смес. С. 84-86.

6 Там же. С. 84-86.

7 Аксаков К. С. О русском воззрении // Русская беседа. 1856. Кн. 1. Смес. С. 84-86.

свойства каждого народа. Эти механизмы являются основой стереотипов национального поведения, культурных сценариев, согласно которым на российских территориях проживают многочисленные этнические и народные группы¹.

Результатом единения в духовной сфере стало формирование русского народа, как целостности, состоящей из различных этнических групп. Однако невозможно говорить о единстве как результате только духовного взаимодействия, так как не менее важным фактором, влиявшим на формирование личности и объединявшим российское культурное пространство, было государственно-административное влияние. Определяющее влияние на складывание российской личности, по мнению К. Д. Кавелина, оказывает государство, которое представляет собой один из наиболее влиятельных факторов формирования российской культуры².

В. Н. Шевченко доказывает, что становление единого российского культурного пространства напрямую связано с установлением российского государства и носит государственно-центричный характер. В свою очередь само культурное пространство России оказывает влияние на российскую государственность, что является показателем взаимной обусловленности совместного развития³. Совместное развитие государственности и российской культуры способствует формированию специфической связи между различными составляющими культурного пространства, основанной на духовно-идеологической связи, как нормативного требования и условия существования государственной целостности.

Следствием этого процесса становится формирование личности, обладающей самосознанием русского человека, основанном на синтезе православно-нравственной духовности, соборности, державности и веры в особую миссию российского государства, понимаемого как органическое единство власти, аристократии и демократии. Доминирующая роль государства определяла

1 Миронова Т. Броня генетической памяти: монография. М. Алгоритм, 2014. С. 8–9.

2 Кавелин К. Д. Государство и община: монография. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 15, 16.

3 Шевченко В. Н. Российское государство // Освоение Евразийского пространства. 2011. № 9. С. 35–47.

процесс формирования российской цивилизации, для которой была характерна авторитарность, предполагающая необходимость авторитарной власти как сильной, справедливой, сакральной и единящей опоры России¹. В рамках этой концепции существовала и российская религия в лице православной церкви, поддерживающий союз государства и православной культуры².

Российское культурное пространство в этом случае мыслилось как сформированное за счет взаимодополняющего взаимодействия духовно-идейного и государственно-административного факторов. На практике это проявлялось как реализация проектов распространения духовного влияния имперской идеологии на максимально широкие пространства и среди максимального большого по охвату количества людей и народов, убеждаемых в величии духовных замыслов, правоте и перспективности проекта, затеваемого верховной властью. Таким образом, российское культурное пространство представляло органически единое геополитическое, экономическое и культурное пространство. Российское культурное пространство долгое время входило в состав Российской империи, а затем советского государства, все его элементы, то есть региональные составляющие, ощущали себя составными частями государственного целого и выражали себя исключительно через приобщение к этому целому. Поэтому культура центра на протяжении всей истории России выступала в качестве структурообразующего начала российского культурного пространства и являлась ведущим фактором формирования личности российского человека³.

Сверхзначимость центральной культуры в рамках культурного пространства страны проявлялась в структурировании его посредством выделения роли государственной столицы, которой придавались функции культуротворческого центра. Столица России всегда представляла собой такой центр, который организовывал по своему подобию окружающее пространство, составляющее культурную провинцию, ориентированную на центральный образец, служащий идеалом. Взаимодействие между «столицей» и «провинцией»

1Ильин И.А. Кризис безбожия: монография. М.: Дарь, 2005. С. 12, 18-19.

2Шевченко В. Н.Россия как государство – цивилизация: монография. М. РАН, 2016. С. 101-110.

3Шевченко В. Н. Российское государство // Освоение Евразийского пространства. 2011.№ 9. С. 35-47.

структурировали культурное пространство страны, которое в соответствии с исторической традицией было строго иерархизировано и подчинено решению задач, нацеленных на выживание в рамках имперского целого¹. Формирование человека в этих условиях ориентировалось на ценности столичной, государственной культуры.

При этом, как только связь духовно-идейного и государственно-административного факторов разрушалась, население страны переставало ориентироваться на столичные ценности, начинался распад межрегиональных связей внутри российского культурного пространства, что могло привести к распадению Российского государства, которому, как правило, способствовали не раз случавшиеся кризисы власти. В частности, в результате подобного кризиса в нач. XX в. перестала существовать Российская империя, которая исчерпала к этому времени свои духовно-идеологические ресурсы. Тогда попытка спасти это государство, посредством реализации православного проекта, привела к нарастанию противоречий между различными народностями и национальными окраинами, что стало причиной распада империи².

Аналогичный кризис произошел в истории советского государства, которое успешно развивалось в период господства коммунистической идеологии, целью которой было формирование личности, ориентированной на ценности коммунизма. Благодаря воздействию этой идеологии советские люди верили в счастливое будущее, построенное в результате совместного труда. Пока вера советских людей была сильна, Советский Союз развивался удивительно быстрыми темпами, а общесоветское культурное пространство отличалось единством, формируя человека, как представителя единого советского народа. Все это являлось основой формирования советской цивилизации в рамках единого советского культурного пространства³.

1 Шевченко В. Н. Россия как государство – цивилизация: монография. М. РАН, 2016. С. 100-110.

2 Козловский В. В. Цивилизационные контуры и эффекты российских революций XX в. // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 4. С. 7-29.

3 Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ: монография. М.: Наука, 2008. С. 5.

Оно было выстроено по имперскому принципу, ориентируясь на культуuroобразующую роль столичного центра, бывшего не только руководящим центром, но и посредником во взаимодействии российских регионов между собой и внешним миром. Система взаимодействия региональных культурных пространств, как правило, строилась исходя из их функционального предназначения в рамках единой государственной системы. Каждый из регионов имел строго обозначенное место в производственной иерархии, предполагающей его функциональную нагрузку и соответствующий ей образ. К образам, обозначавшим место региона в рамках советского культурного пространства, можно отнести: образ Кубани (Ставрополь), как «житницы страны»; образ поволжских регионов (Горький, Тольятти, Самара), как «автомобильного цеха страны»; образ южных черноморских регионов (Крым, Сочи), как «всесоюзной здравницы»; образ Дальнего Востока, как «тихоокеанских ворот страны»; образ среднеазиатских регионов, как «хлопковых республик» и «садоводческих областей». Все эти регионы признавались культурной провинцией, характеризуемой отказом от культурной самостоятельности, передаваемой центральным областям, признаваемым каноническими ценными. К ним относились такие культурные пространства, такие как Москва – «сердце Родины», Ленинград – «колыбель революции», Волгоград – «город воинской славы»¹.

Взаимодействие между периферией и центром формировало внешне единую систему культурного пространства страны, в котором столица представляла собой исключительное явление, а провинция – территорию, подлежащую окультуриванию и признаваемую культурной только в тех отношениях, где ей удавалось повторить столичные культурные образцы. Два полюса взаимодействия между разными полюсами культурного пространства обеспечивало культурное пространство страны внешним единообразием и

¹Мурзина И. Я. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал: монография. М.: Издательство Перо, 2014. С. 123-154.

целостностью, которая полагалась самоочевидной и единственно возможной моделью формирования личности¹.

Однако содержание культурного пространства регионов было намного богаче, нежели внешние «производственные» образы, которые не стали тождественны внутреннему самоощущению. Таким образом, несмотря на внешнее единообразие культурного пространства советской страны, внутреннее содержание региональных культур существенно отличалось друг от друга. При этом многие территории хранили историческую память о значительных событиях, прошлом. Это была память, которая связывала людей с региональным пространством культуры, противопоставлявшая региональные образцы и столичную культуру. В своей непосредственной реальности национальные регионы, составлявшие Советский Союз, представляли значительное разнообразие, которое преодолевалось только внешним идеологическим образотворчеством. Но как только советская идеология потеряла привлекательность для советских людей, среди них перестали существовать представления о единстве страны, а затем перестало существовать советское государство².

Одновременно с трансформацией структуры общероссийского культурного пространства в 90-е гг. XX в. шел процесс трансформации в описании этого пространства. Основная схема, согласно которой выстраивалось советское понимание пространства культуры, характеризовавшейся сверхцентрализацией, была разрушена³. Новые реалии культурной жизни регионов требовали переосмысления отношения как со столицей, так и с другими регионами на новых основах, что привело к усилению процессов дезинтеграции общероссийского культурного пространства. Российские регионы начали поиск новой личностной идентичности, как правило, связанной с обращением к историческому прошлому.

1 Шевченко В. Н. К дискуссиям вокруг темы «распад России»: в поисках оптимальной формы Российского государства// Философские науки. 2015. №2. С. 7-23.

2 Маслов О. Ю. Распад России в начале XXI века в высказываниях современников. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2009/05/11/disintegrationru/> (Дата обращения: 23.01.2020).

3 Шевченко В. Н. К дискуссиям вокруг темы «распад России»: в поисках оптимальной формы Российского государства// Философские науки. 2015. №2. С. 7-23.

Доминирующей стала тенденция, связанная с тем, что культурное пространство регионов стало заполняться не только элементами культуры, непосредственно связанными с прошлым, но и с конструированием современных образов, ориентированных не столько на поиск начала, сколько на создание образа этого начала, которое становилось брендом территории. Новые, сконструированные образы могут не соответствовать реальному положению вещей, однако они оказывают существенное воздействие на стремление регионов противопоставить себя центральной культуре, обособиться, самоутвердиться в своей ценности, доказать свою духовную состоятельность и культурную самодостаточность¹.

В условиях постсоветской культуры стало преобладать стремление регионов к обретению самодостаточности, которое находит свое выражение в попытках актуализировать экономический и культурный потенциал территории, раскрытие которого должно продемонстрировать ее готовность к самостоятельности. При этом, как правило, экономическая и промышленная составляющая культуры большинства российских регионов оставалась встроенной в жесткую иерархию, ориентированную на центральную Россию. Поэтому наибольшей активностью отличалась, как правило, та составляющая культуры, которая связана с духовной культурой. Регионы пытаются встать на путь преодоления культурной несостоятельности, непривлекательности как места жизни и личностной реализации. Общественное сознание на территории регионов, как правило, ориентируется на актуализацию исторических заслуг и повышенное внимание к потенциалу памятников истории, духовной культуры, а также природному комплексу².

В постсоветский период регион начинает представляться особым явлением культуры, смыслом которого является признание ценности человеческой жизни вне зависимости от характеристики природных, геополитических и культурных условий развития. Региональное культурное пространство начинает пониматься как характеристика особенностей жизни региональных сообществ,

1 См.: Россия: схватка народов или гармония // Изборский клуб. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dynason.ru/arh/2014_01_Book.pdf (Дата обращения: 23.20.2020).

2 Ясин Е. Фантомные боли ушедшей империи // После империи. Москва. Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 24.

переживающих рост регионального самосознания и соперничающих между собой за особые отношения со столицей и зарубежными центрами культуры¹. Таким образом, пространство региональных культур на территории России в 90-х гг. XX в. характеризовалось тенденцией, связанной со стремлением регионов к самоутверждению, сопровождавшуюся попытками заявить о правах на политическую, экономическую или духовную независимость и утвердить свой независимый статус. Это привело к конфликту интересов, столкновению амбиций региональных элит и явилось причиной осознания на уровне общественного сознания того, что существует угроза внутреннему единству страны, представленная усилением элементов культурного пространства, связанных с исламской, буддийской, арктической цивилизациями. Особую тревогу стала вызывать ситуация в приграничных регионах, в которых влияние соседних цивилизаций наиболее велико. Например, таким регионом является Северный Кавказ, характеризуемый как «горная цивилизация». Как доказывает А. А. Пелипенко, в этот период Россия стремительно теряла контроль над приграничными территориями, что приводит к исключению их из общероссийского культурного пространства и формированию заново складывающихся цивилизационных сообществ². Однако последующие события показали, что целостность общероссийского культурного пространства продолжает оставаться значимым императивом в политике современного российского государства.

Как утверждает В. Е. Шевченко³, основные подходы в самоопределении и самоидентификации российского государства были качественно изменены в 2012 г., когда произошел переход от провозглашенного в 1990-е гг. концепта «национального государства» к разработке появившейся в теоретическом и политическом поле концепции «государство-цивилизация»⁴. Реализации этого

1 Маслов О. Ю. Распад России в начале XXI века в высказываниях современников. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2009/05/11/disintegrationru/> (Дата обращения: 23.01.2020).

2 Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система: монография. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 7.

3 Шевченко В. Н. К дискуссиям вокруг темы «Распад России»: в поисках оптимальной формы Российского государства // Философские науки. 2015. 2. С. 7-23.

4 Шевченко В. Н. Модернизация или национальный путь развития России // Философские науки. 2011. № 1. С.46-59.

проекта способствовало состояние общественного сознания россиян, которые к этому времени разочаровались в предшествующей политике, благодаря которой шел процесс дезинтеграции страны на ряд регионов. Выход виделся в традиционном укреплении «оси власти», организующей культурное пространство страны согласно иерархии, ориентированной на столичный центр, обеспечивающий разрозненным культурным пространствам регионов внутреннюю интегрированность.

Важнейшим фактором формирования современного культурного пространства регионов, как показывает В. Н. Шевченко¹, вновь стала культурная политика, проводимая центром, которая в условиях усиления центробежных тенденций поставила перед собой цель, связанную с необходимостью укрепления страны. Реализация этой цели выразилась в решении задач, связанных с изменением курса развития страны от регионализации к централизации, что выразилось в ряде действий, направленных на усиление вертикали власти в рамках системы российского федерализма. Эти действия, как и в советский период, были связаны с попытками обеспечить единство региональных культур с целью подчинения их «материнской культуре» и повышения эффективности в управлении этими территориями.

Распространяемые представления о культурном пространстве страны снова стали сводиться к схеме «столица – провинция», «Москва – безликие регионы». Культурная жизнь страны стала пониматься исключительно как то, что происходит в столице, образ которой представляется как нечто уникальное на остальном культурном фоне, единственным партнером по диалогу которой признается Петербург. Образы других российских регионов отличаются размытостью, аморфностью, неопределенностью ролей и функций. Если региональная тема и упоминается в центральных СМИ, так это тогда, когда речь идет о необходимости разрешения региональных проблем, связанных с природными катастрофами, социальными и муниципальными проблемами.

¹ Шевченко В. Н. Глобализация и судьба российской государственности // Личность. Культура. Общество. 2004. Вып. 4. (24). С. 211-218.

Столица в данном случае выступает как единственно устойчивый национальный символ, поддерживающий единство страны. В этих условиях происходит подавление стремления регионов к поиску индивидуальности, автономии, самоопределению внутри общероссийского культурного пространства. Сегодня видимый итог такого регулирования культурного пространства страны очень напоминает советский период, когда столица выступала в качестве единственного источника сохранения единства. Как и тогда, сейчас конструирование общероссийского культурного пространства подчиняется только воле центральной власти, нацеленной на усиление единообразия, достигаемого посредством укрупнения регионов и создания федеративных округов¹.

При этом происходит игнорирование потребностей регионов в их целостности и самосохранении, что служит причиной формирования личности, не заинтересованной в развитии региональных культур и нацеленной на ценности столичной жизни, что ведет к углублению противоречий между развитием регионального и общероссийского культурного пространства. Тем более, что автоматическое возвращение к тому единообразному состоянию, которое существовало в советский период, вряд ли возможно, так как за прошедшие десятилетия страна пережила влияние многонациональности, поликонфессиональности и мультикультурности, следствием чего стало распространение такого явления, как появление толерантной личности, терпимо воспринимающей культурные отличия образа жизни людей, принадлежащих иным народам².

Поэтому, несмотря на давление со стороны центра региональная культура остается принципиальным фактором становления личности в рамках российских регионов. Однако она принимает латентные формы и нацеливается на аккумуляцию символического капитала для будущего развития. Здесь необходимо учитывать, что, с одной стороны, какие бы усилия не предпринимала

¹ Зверева Г. И. Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории // Новое литературное обозрение. 2005. №74. С. 116-129.

² Иконникова С. Н. Культурная идентичность поколений: разные, но не чужие // XIV Международные Лихачевские научные чтения. СПб: СПбГУП, 2014. С. 53-56.

власть, у современного российского культурного пространства не может быть простого культурного единообразия, так как оно внутренне многомерно. Ему свойственна исторически и культурно обусловленная полифоничность. С другой стороны, современные процессы развития региональной культуры не представляют собой угрозу существующему единству, так как отрицают не идею объединения в рамках общероссийского культурного пространства, а только ту форму, которую она приняла в связи с попытками навязать это единство в качестве искусственного образования.

Сегодняшние процессы культурного развития регионов представляют собой поиск новых интегративных моделей формирования личности, в рамках которых можно было бы объединить разнородные культурные образования на качественно более высоком уровне. А. Э. Мурзин считает, что указанные модели предполагают необходимость сочетания таких условий, как утверждение единства пространства общероссийской культуры с условием сохранения индивидуальности регионов в рамках единой культурной традиции, связанной с историей всей страны¹. С другой стороны, утверждение самодостаточности региональных культурных пространств должно предполагать необходимость их соотнесенности с такими же самодостаточными культурными пространствами, равноправное взаимодействие формирует единство, основанное на принципах подлинного федерализма².

В целом, говоря о процессе современного формирования личности в условиях российского культурного пространства, необходимо учитывать, что соотношение факторов, влияющих на ее развитие, регулярно изменяется, подвергаясь колебаниям от преобладания региональных тенденций развития к интегральному направлению с преобладанием центробежных тенденций. При этом неизменным остается традиционное наследие российского культурного пространства, сформированное, как пишет В. Б. Павленко, под влиянием

¹Мурзин А. Э. «Уральская толерантность». Культура межнационального единства в регионе: монографический очерк. Екатеринбург: ООО «Веста», 2016. С. 112-119.

² Туровский Р. Ф. Эпитафия российскому федерализму [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vuzlit.ru/890253/turovskiy_epitafiya_rossiyskomu_federalizmu (Дата обращения: 24.01.20)

доминирующего для России православно-государственного типа цивилизации¹. В этих рамках периодически происходит усиление или ослабление центробежных тенденций, однако неизменным остается, как пишет В. Н. Шевченко, наличие тесного взаимодействия различных народов вокруг русского народа и созданной им цивилизации². Таким образом, российское культурное поле имеет в своем фундаменте особую культурную матрицу, основу которой представляет идея необходимости сотрудничества российской государственности и православия, представляющих русскую цивилизацию, взаимодействующих с другими цивилизациями и религиями, составляющими культурное пространство России.

Взаимодействие указанной матрицы с внешним культурным влиянием определяет параметры формирования личности в рамках культурного пространства, которое чаще всего находится в фазе перехода от одной крайней точки к другой. Поэтому и содержание культуuroобразующих факторов и самовосприятия личности здесь также отличается сложностью структуры и смешанностью. В современном российском культурном пространстве каждый гражданин России, прежде всего, осознает и называет себя россиянином. Однако большинство россиян также осознают себя представителями различных цивилизаций и этносов³. При этом представители отдельных народов или религий могут отдавать приоритет региональным культурным ценностям, в то время как общероссийские культурные ценности считаются ими формальными, либо проходящими стадию становления. Усиление давления со стороны общероссийских ценностных структур эти группы понимают как требование отказа от своей культуры, что ведет к усилению противодействующих централизации внутрирегиональных течений⁴.

Тем не менее, несмотря на свой многоликий цивилизационный характер, на протяжении длительного периода российское культурное пространство сохраняет

1 Павленко В. Б. Российская идентичность как продукт взаимодействия цивилизаций // Транснациональные процессы: XXI в. М., 2004. С. 103-104.

2 Шевченко В. Н., Россия как государство – цивилизация. М. РАН, 2016. С. 100-113.

3 Туровский Р. Ф. Эпитафия российскому федерализму [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vuzlit.ru/890253/turovskiy_epitafiya_rossiyskomu_federalizmu (Дата обращения: 24.01.20)

4 Шевченко В. Н. К дискуссиям вокруг темы «Распад России»: в поисках оптимальной формы Российского государства // Философские науки. 2015. № 2. С. 7-23.

свою целостность, что говорит о преобладании объединительных тенденций и отсутствии стремления российских регионов к окончательному разрыву с культурным центром. С другой стороны, каждый из входящих в состав российского культурного поля регионов, не только сохранил и продолжает сохранять свою региональную культуру, но и развивает ее благодаря взаимодействию с российской культурой и культурой других регионов¹. Поэтому, можно спрогнозировать, что развитие внутрироссийского культурного пространства, которое сегодня подчинено централизирующим, интегрирующим влияниям политики культурного центра, подчиняющей его строгой иерархии, в будущем, на основе сохранения внутреннего потенциала, сможет перейти к модели взаимодействия регионов с культурным центром страны на равноправных и равнозначных началах².

Таким образом, мы можем утверждать, что тенденции к регионализации, исходя из достигнутого на сегодняшний день уровня взаимодействия и взаимозависимости в рамках общероссийского культурного пространства, не смогут разрушить имеющееся культурное единство. Фиксируемое в исследованиях наличие тесной связи между общероссийским культурным пространством и региональными культурными пространствами напрямую свидетельствует о том, что несмотря на существенные различия каждый из культурных регионов, представляющих по своей сути, региональные культурные пространства, имеет общие черты, указывающие на наличие общероссийского культурного ядра³. Это свидетельствует о том, что все культурные регионы, входящие в состав российского культурного пространства, осознают себя в качестве элементов единой системы. Поэтому, как бы каждый регион не ощущал свою обособленность и самостоятельность, имея в виду осознание своих географических особенностей, а также геополитических и экономических возможностей как культурное пространство, он остается неотъемлемой частью

1 Шевченко В. Н. Россия как государство – цивилизация: монография. М. РАН, 2016. С. 101-113.

2 Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания: монография. М.: Наука, 2013. С. 156-183.

3 Павленко В. Б. Российская идентичность как продукт взаимодействия цивилизаций // Транснациональные процессы: XXI в. М., 2004. С. 103-104.

общероссийского культурного пространства. Как показывает проведенное исследование, несмотря на регулярное проявление тенденций, направленных на дезинтеграцию российского культурного пространства, его единство и целостность сохраняется уже на протяжении нескольких сотен лет, что создает атмосферу преемственности и традиционности. В течение этого периода общероссийское культурное пространство формирует собственную историю, традиции, язык, форму управления, связанную с наличием сильной центральной власти, представляющей для этих пространств не только необходимость выживания, но и возможность совместного развития в рамках единой цивилизации мирового уровня.

Выводы:

1. Российское культурное пространство является территорией, на которой взаимодействуют между собой различные народы и цивилизации, однако в то же время, оно представляет единство в рамках общероссийской культуры. Это отражается на личности, формируемой в рамках этого культурного пространства, так как она подвергается влиянию двух противоположных тенденций, в рамках одной из которых преобладают интеграционные культурные течения, в рамках другой – дезинтеграционные. Расположение России в регионе Евразии стало фактором, повлиявшим на содержание российского культурного пространства, где встретились представители различных культур, стремившихся к сохранению себя в качестве целостности. С этим стремлением была связана тенденция, нацеленная на формирование личности, как представителя разнообразных региональных культурных пространств.

2. Однако тенденция к формированию региональной личности на территории российского культурного пространства не была единственной, и Россия противопоставила этой тенденции факторы, оказывающие интегрирующее воздействие на формирование и развитие личности, ориентированной на ценности общероссийского культурного пространства, к которым исследователи относят православие, русский язык и общероссийскую культурную политику. Значимым фактором формирования личности в рамках культурного пространства страны

стало структурирование его посредством выделения роли культурного центра, которой придавались функции культуротворчества. Культурное пространство страны было строго иерархизировано и подчинено решению задач, нацеленных на формирование личности в рамках единого, культурного поля. Однако, несмотря на внешнее единообразие культурного пространства страны, многие пространства региональных культур хранили историческую память о прошлом, которая связывала людей с региональной историей и противопоставляла региональную и столичную культуру. Поэтому формирование личности в рамках российского, а затем советского культурного пространства зависело от преобладания интегративных, либо дезинтегративных тенденций его развития.

3. В 90-е гг. XX в. распад Советского Союза привел к конфликту интересов, столкновению амбиций региональных элит, что явилось причиной распада ряда культурных пространств, приведшего к интенсификации процессов формирования личности, ориентированной только на региональные ценности. Это было оценено на уровне общественного сознания как угроза внутреннему единству и послужило причиной изменения направления культурной политики, направленной на обеспечение единства общероссийского культурного пространства. При этом происходит игнорирование потребностей регионов в их культурном саморазвитии, формирующаяся в этих условиях личность не заинтересована в сохранении и развитии региональных культур. Это служит причиной углубления противоречий между развитием регионального и общероссийского культурного пространства, единство которого в условиях противостояния с потребностями регионов, является причиной массового оттока населения. Поэтому на сегодняшний день актуальным становится процесс формирования региональной личности, который в условиях региональных культурных пространств может быть разрешен в условиях перехода к равноправным отношениям между регионами и центром, которые должны стать основой будущего российского культурного пространства.

2.2. Становление личности в процессе формирования забайкальского культурного пространства

Одним из крупнейших регионов России является Забайкалье, находящееся на востоке страны в отдалении от культурных центров, но, тем не менее, в силу своего геополитического положения, имеющее важное стратегическое значение. Под Забайкальем имеется в виду крупный культурный регион, находящийся в зоне российско-китайско-монгольского приграничья¹. Это культурное пространство изучается рядом исследователей, среди которых выделяются такие авторы, как Л. Л. Абаева², Т. В. Бернюкевич³, А. Г. Букин⁴, С. С. Ганзей⁵, М. И. Гомбоева⁶, Л. В. Камедина⁷, М. В. Константинов⁸, Н. С. Зими́на⁹, В. С. Морозова¹⁰, Е. Ю. Путинцева¹¹, А. В. Спиридонова¹², Н. П. Филиппова¹³, М. Н. Фомина¹⁴. Прежде всего, надо сказать, что исследование влияния культуры региона на становление человека, согласно методологии, применяемой этими исследователями Забайкалья, заключается в признании того, что человек является

¹ Павлинская Л. Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного воздействия // Народы Сибири в составе государства Российского. 1999. С. 165-271.

² Абаева Л. Л. Этнокультурные истоки этнической идентификации монгольских народов // Сборник материалов «Власть», М., 2009. С. 94-96.

³ Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Учёные записки ЗабГУ. 2017. Том 12, № 3. С. 55-59.

⁴ Букин А. Г. Культурное пространство и пространства культур (региональный аспект): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 Чита, 2006. 150 с.

⁵ Ганзей С. С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-востока КНР: монография. Владивосток: Дальнаука, 2004. 230 с.

⁶ Гомбоева М. И. Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья: монография // Высшее трансграничное образование: возможности, риски и перспективы. Новосибирск: Наука, 2012. 426 с.

⁷ Камедина Л. В. Забайкальский текст в русской культуре // Гуманитарный вестник, 2015. С. 139-145.

⁸ Константинов М. В. Забайкалье / М.В.Константинов [и др.] // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. С.357-358.

⁹ Зими́на Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации: на примере Забайкальского края: автореф. дис. ... канд. филос. Н.: 09.00.11. Чита, 2011. 22 с.

¹⁰ Морозова В. С. Региональная культура как ресурс формирования положительного имиджа Забайкальского края в контексте взаимодействия РФ и КНР // Вестник ЧитГУ, 2010. № 1 - 58). С. 130-135.

¹¹ Путинцева Е. Ю. Аксиосфера библиотеки в контексте трансляции ценностей региональной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2015. 24 с.

¹² Спиридонова А. В. Проблема взаимодействия универсального и локального в региональной культуре Забайкалья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. С. 246-249.

¹³ Филиппова Н. П. Символо-знаковые системы региональной культуры Забайкалья // Вестник ЧитГУ. 2009. № 2. (53). С. 21-27.

¹⁴ Фомина М. Н., Букин А. Г. Пространственные измерения культуры: методология исследований // Вестник ЗабГУ. 2012. № 11 (90). С. 130-135.

существом, находящимся во всецелой зависимости от объективных сфер региональной культуры, от принципов и норм космоса, от социального признания его идентичности и т.д. «Регион» они представляют как месторазвитие самосознания, влияющее на становление личности как особой культурной реальности со своей системой ценностей и своими отношениями с окружающими региональными культурами и культурой, понимаемой как центральная¹.

История Забайкалья в трудах перечисленных авторов представляет яркий пример формирования и развития пространства региональной культуры, которая в течение XVII-XIX в. пережила стадию вхождения в общероссийское культурное пространство, в рамках которого была осознанна и сформирована культурная специфика региона. Особенности развития забайкальского культурного пространства определяются, с одной стороны, принадлежностью к общероссийскому культурному пространству, с другой – к приграничному культурному региону, имеющему собственные закономерности и логику развития. Выраженная пространственно-географическая специфика, связанная с нахождением в рамках российско-китайско-монгольского приграничья, придает этой культуре неповторимую форму, формирует ее историю и систему ценностей. Она состоит в сочетании тех характеристик, которые рождаются в связи с особенностями его геополитического нахождения, которое характеризуется наличием приграничных связей и неразрывным единством с общероссийским культурным пространством².

Методология исследования Забайкалья как культурного региона определяется необходимостью проведения анализа его географического, политического, административного, экономического положения. Вместе с этим существенно дополнить исследование помогает понимание регионального культурного пространства Забайкалья в качестве ментальной конструкции,

1 Политика и культура в российской провинции: сб. статей / ред. С. Рыженков, Г.Люхтерхандт-Михалева. СПб.; М.: ИГПИ: Летний Сад, 2001. С. 229.

2 Лепехов С. Ю. Формирование конфессиональной и этнической идентичности бурят в культурном и цивилизационном пространстве Байкальского региона // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: региональные особенности и международное сотрудничество: материалы VII международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: ФГБОУ ВО ВСГИК, 2017. С. 7-16.

основанной на представлениях о географии и культуре региона, закрепленных в сознании людей¹. В этом качестве забайкальское культурное пространство включает в себя употребляемые забайкальскими этническими группами языки, традиционные формы хозяйствования, быта, строительства, воспитания, искусства, религии, культуры. Эти факторы являются отражением процессов взаимодействия и диалога культур, влияющих на состояние забайкальской региональной культуры, приобщающих ее к национальной культуре и культуре мирового сообщества².

Рассмотрение региона в качестве многомерного регионального культурного пространства предполагает исследования следующих проекций: географическое и природное пространство, историческое и социокультурное пространство, предметное пространство и пространство духовной культуры. В этом контексте Забайкалье представляется обширной территорией, обладающей значительным природно-ресурсным потенциалом, в рамках которого развиваются и сталкиваются друг с другом многочисленные локальные этно- и социокультурные образования³.

Исследование влияния этой многослойной системы на формирование личности, прежде всего, включает в себя анализ образа территории, сложившийся в сознании жителей. Аспект, связанный с характеристикой географического пространства Забайкалья, отражен в определении, даваемом, такими исследователями, как И. П. Герасимов⁴ и Л. В. Лбова⁵, которые пишут, что эта территория располагается в той области Евразии, которая является территорией контакта, где пересечены крупные природно-ландшафтные области Центральной

1 Зими́на Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации: на примере Забайкальского края: автореф. дисс. ... канд. филос. н.: 09.00.11. Чита, 2011. С. 16

2 Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2003. С. 123-152.

3 Зими́на Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации: на примере Забайкальского края: автореф. дисс. ... канд. филос. н.: 09.00.11. Чита, 2011. С. 16

4 Герасимов И. П. Предбайкалье и Забайкалье. Природные условия и естественные условия СССР: монография. М.: Наука, 1965. 491 с. С. 370.

5 Лбова Л.В. [и др] Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго – восточное Прибайкалье): монография. Улан-Удэ, БНЦ СО РАН. 2003. 207с. С. 4.

внетропической Азии и Севера. Ландшафтная структура Забайкалья включает в себя три основные природные зоны: горную тайгу, лесостепь и степную зону. Учитывая, что климат региона характеризуется как резко-континентальный, с высокой степенью солнечной активности, но с преобладанием низких температур, то складывается совершенно определенный образ этой отдаленной, суровой, но богатой природными ресурсами территории. Этот образ, по мнению большинства исследователей Забайкалья, представляет собой один из наиболее значимых факторов, влияющих на становление личности у проживающего здесь населения¹.

Как отмечает М. В. Константинов², в силу географических и климатических природных особенностей эти территории с древности характеризуются интенсивными контактами между разными этническими группами, проживающими здесь и формирующими специфическую региональную личность, представляющую культуру кочевых сообществ. Распространенные на этих территориях культурные правила регулировали жизнь человека в самых разнообразных проявлениях: хозяйственном, родовом, семейном, индивидуальном. Подчиняясь этим правилам в течение длительного времени на территории региона, формировался тип личности, соответствующей требованиям и нормам культуры кочевого сообщества, среди которых выделяются маньчжуро-, тюрко- и монголо-язычные народы.

В трудах исследователей ментальности кочевников, таких как М. И. Гомбоева, указывается, что специфику культуры этих народов составляло стремление синтезировать хозяйственное освоение пространства с его духовным постижением, чему способствовало его упорядочение и сакрализация³. В частности, в кочевой период развития культуры территория региона структурируется представлениями об упорядоченном космосе, ориентированном на сакральный центр⁴. Описания этой целостности являются одной из устойчивых

1 Кулаков В.С., Сницаренко Н.И. Климатические особенности Забайкалья // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие. Новосибирск: Наука, 2009. С. 244-246.

2 Константинов М. В. Забайкалье / М.В.Константинов [и др.] // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. С.357-358.

3 Гомбоева М. И. Образ мироустройства хори-бурят: монография. Чита, ЗабГГПУ, 2002. С. 89.

4 Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // ТСБ 1974. М., 1978. С. 75.

региональных тем, в рамках которых говорится о связи человека и окружающей его природы в рамках единого целого¹. Принимая их содержание, человек принимал и порядок мироустройства, в рамках которого он представлял себя участником магического взаимодействия между человеческим миром и другими мирами, которое протекало с помощью ритуалов и обрядов². Положения, защищаемые М. И. Гомбоевой³, во многом совпадают с идеями Г. Гадамера⁴ о том, что человек архаического общества понимался существом, не выделяющимся из окружающего мира, нормам которого стремился полностью соответствовать. Подтверждая их М. И. Гомбоева, пишет, что доминирующее влияние на самосознание человека оказывало влияние выработанной этносом всеобъемлющей модели жизнедеятельности, которая порождала в самосознании человека определенные стереотипы в отношениях с природой, другими культурами со стороны человека, принадлежащего к номадической культуре⁵. Можно заключить, что ритуал занимал значимое место в культуре кочевников, проживающих на территории Забайкалья. Он обеспечивал человеку ощущение устойчивости и стабильности, демонстрировал единство и прочность социальной общности, и кроме этого, выражал ценности и достоинства собственной, традиционной культуры. Сущностью мировоззренческой доминанты этого человека было понимание гармонического единства человека и мира, так как человек стремился стать единым целым с обществом и вселенной, и это единство было обусловлено образом мироустройства, созданным под влиянием природной среды обитания и номадической деятельности, структурирующей отношения природы и общества⁶. Таким образом, одухотворение мира в качестве этнического образа кочевой культуры было определяющей особенностью человека кочевой культур. По сути, этот образ представлял «жизненный мир» личности, параметры которого были описаны Э. Гуссерлем⁷.

1 Гомбоева М. И. Образ мироустройства хори-бурят: монография. Чита, ЗабГГПУ, 2002. С. 89.

2 Гэсэр: бурятский героический эпос. М.: Художественная литература, 1968. С. 123-134.

3 Там же. С. 123-134.

4 Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного: монография. М. Искусство, 1991. С. 116.

5 Гомбоева М. И. Образ мироустройства хори-бурят: монография. Чита, ЗабГГПУ, 2002. С. 89.

6 Там же. С. 110.

7 Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления: монография. Мн., М., 2000. 752 с.

В контексте методологии А. А. Пелипенко, становится очевидным, что региональный тип человека в тот период формировался как мифоритуальный тип личности. Основанием мифоритуальной личности было формирование в общественном и индивидуальном сознании очеловеченного образа Природы и Космоса. Человек полагался микрокосмом в содержании эпоса, посвященного описанию ценностей традиционной этнической культуры, отраженных в содержании героического эпоса кочевых культур¹. Сущностью мировоззренческой доминанты мифоритуального типа личности древних кочевников было понимание гармонического единства человека и мира, которое было обусловлено образом мироустройства, созданным под влиянием природной среды обитания и номадической деятельности².

Однако становление личности в региональных условиях Забайкалья определялось не только влиянием природных условий. Значимый материал для осмысления забайкальской региональной культуры дает обращение к историческому опыту кочевых сообществ Забайкалья, что позволяет проанализировать особенности историко-культурного процесса, связанного с формированием Забайкалья в качестве особого культурного пространства, процесс его «выделения» из общего мира кочевой национальной культуры, а также феномен межкультурной коммуникации, связанный с его вхождением в различные более крупные цивилизационные образования³. Разнообразные контакты, проходящие в культурной зоне, сформированной приграничьем Забайкалья, Монголии и Китая, как доказывает А. П. Забияко⁴, формируют специфический дискурс, характеризующийся высокой степенью гетерогенности и поселенческой структурой, связанной с особенностями экономического уклада, языковой спецификой, региональной топонимикой, конфессиональной

1 Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система: монография. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 176-179.

2 Михайлов Т.М. К вопросу о складывании этнического самосознания бурят // Цыбиковские чтения: проблемы истории и культуры монгольских народов: Тезисы докладов. Улан-Удэ, 1993. С.8-9.

3 Зими́на Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации: на примере Забайкальского края: автореф. дисс. ... канд. филос. н.: 09.00.11. Чита, 2011. С. 16-18.

4 Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке: монография. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 7.

структурой. Все это влияет на специфику становления личности, проживающей на территории региона¹.

В течение истории геополитические процессы определяли развитие цивилизационного и культурного развития региона, как это отмечено в концепциях О. Шпенглера² и А. Тойнби³, однако в зависимости от конкретной политической ситуации влияние этих процессов изменялось. В публикациях Т. М. Михайлова⁴ отмечается, что одним из первых геополитических изменений является создание государственности древних кочевников, проходившее на смежных территориях Забайкалья, Монголии и Китая. С этого времени, как показывает С. А. Мельницкая, начался период, когда народы, относящиеся к ареалам тюрко-монгольской и маньчжуро-китайской культур, стали включаться в различные государственные образования и началось их интенсивное межкультурное взаимодействие⁵.

Эти контакты носили разнообразный и часто немирный характер, в частности, в качестве значимого фактора становления агинских бурят выступала борьба за самоопределение хоринских родов, которую они вели против монгольских и маньчжурских владык, описанная Ц. Жамцарано⁶, Т. Тобоевым⁷ и В. Юмсуновым⁸. Во многом становление личности монголоязычных кочевников было связано с мифологическими формами осмысления этой борьбы, которые были зафиксированы в эпической и летописной форме, что соответствует общеметодологическим положениям концепции Х. Борхеса⁹, посвященной факторам и формам становления самосознания личности.

1 Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков IX-XII вв.): монография. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 43.

2 Шпенглер О. Закат Европы: монография. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.

3 Тойнби А. Дж. Постигание истории: монография. М.: Рольф, 2001. 640 с.

4 Михайлов Т. М. Религии в этнической истории бурят // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 33.

5 Мельницкая С. А. Менталитет социокультурных общностей Забайкалья (на примере Читинской области: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2006. 156-167.

6 Жамцарано Ц. Ж. Образцы народной словесности монгольских племен. СПб: Тип. Имп. Академии Наук, 1913. Т. 1. Вып. 1. 648 с.

7 Тобоев Т. Бурятские летописи. Улан-Удэ, РАН СО Бурятский институт общественных наук, 1995. 199 с.

8 Юмсунов В. Хроника Вандана Юмсунова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://drevlit.ru/texts/b_burjat3_text.php (Дата посещения: 09.04. 2019).

9 Борхес Х.Л. История вечности: монография. М. АСТ, 2015. 320 с.

Однако у процесса становления регионального культурного пространства была и другая сторона, которая, как пишет Н. А. Атанов, заключалась в появлении системы многовековых торговых, хозяйственных и культурных связей, в результате которой формировалось определенная культурная общность приграничных территорий¹. Ее становление произошло в результате интенсивного обмена элементами материальной и духовной культуры между кочевым населением Забайкалья, Монголии и Северного Китая. Это привело к оформлению известной близости в представлениях об устройстве мира и месте в нем человека у населения, проживающего в приграничных территориях. Эти идеи стали основанием для формирования интенсивного межкультурного взаимодействия между народами по разные стороны границы вплоть до наших дней².

К наиболее устойчивым идеям этого в целом единого культурного пространства относятся идеи, связанные с необходимостью поклонения культу природных сил, локальным духам и духам предков. Среди них выделяется идея, указывающая на особую роль Неба, являющегося первопредком императора, в установлении доминирующей роли имперской государственной власти. Эта традиционная идея, является основой веры, в которой государство – это абсолютная власть, представляемая восточным типом деспотии. Она является выражением традиционного для региона мировосприятия, в рамках которого этот тип власти воспроизводится в культах правителей Китайской империи, Монгольского государства и также в представлениях о власти богдохана, которые освящались в тибетском буддизме³. Таким образом, специфическая региональная ментальность кочевых народов Забайкалья вплоть до русской колонизации во многом определялась влиянием культур Монголии и Китая. Однако в связи с

1Атанов Н. И. Приоритетные сферы регионального и трансграничного сотрудничества России, Монголии и Китая // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество. Чита, 2006. С. 258.

2Бороноев А. О. Сибирская ментальность как фактор интеграции населения региона // Третьи Забайкальские социологические чтения // Материалы конференции. Чита: ЧитГУ, 2006. С.60-65.

3Абаев Н. В., Фельдман В. Р., Хертек Л. К. «Тэнгрианство» и «Ак-Чаян» как духовно-культурная основа кочевнической цивилизации тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и Центральной Азии // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2002.С. 18.

изменениями, переживаемыми кочевой культурой центральноазиатских народов, в жизненное пространство которых во второй половине II тысячелетия интенсивно вторгались представители земледельческих цивилизаций, эта ситуация изменилась.

Важнейшим фактором, который стал определять развитие культурного пространства региона, начиная с XVII в., стало его присоединение к России. В это время к коренному кочевому населению добавляются группы, ведущие оседлый образ жизни, которые, вступают с ним в интенсивный межэтнический диалог. Менталитет представителей российской культуры, живущих в Забайкалье, в отличие от представлений кочевников об этой территории как центре мира, связывается с пониманием себя как части обширного региона, географически удаленного в рамках евразийского материка от центральных территорий России. Суровые природные условия этого региона и его отдаленность приучили русских переселенцев и их потомков стойко переносить тяжелые климатические условия и удары судьбы. Это оказало воздействие на формирование мировоззренческой толерантности, дружественного отношения к окружающим людям других национальностей и религий, проживающим в этом отдаленном краю в таких же тяжелых условиях. Как пишет С. А. Мельницкая, суровый климат и большие пространства, научили забайкальцев понимать ценность общения, взаимопомощи, коллективизма, ставших фундаментом их менталитета¹.

Основываясь на методологии В. В. Варавы², можно предположить, что формирование русского культурного пространства за Байкалом привело к появлению здесь нового типа личности. Как показывают исследования Н. В. Солодовниковой, освоение Забайкалья русскими первопроходцами стало основанием для смены форм хозяйственной и социальной жизни, что не могло не сказаться на типе личности, который стал преобладать на территории региона³. Как отмечает А. В. Спиридонова, новый тип личности на территории Забайкалья

¹Мельницкая С. А. Менталитет социокультурных общностей Забайкалья (на примере Читинской области: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2006. С. 156-198.

²Варава В. В. Этика и русская философия // Вопросы философии. № 8. 2007. С. 160-168.

³Спиридонова А. В. Проблема взаимодействия универсального и локального в региональной культуре Забайкалья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. С. 246-249.

был связан, во-первых, с культурой русского народа, во-вторых, с общероссийской культурой, характерной чертой, которого была полиэтничность, дополненная лидирующей ролью русской культуры и православия. Поэтому в Забайкалье новый тип личности формировался в связи с распространением российского культурного пространства, характеризуемого общеимперской идеологией, которая в целях объединения различных этнических групп в единое целое использовала идею «Святой Руси» и «Белого царя»¹.

По мнению Н. А. Самойлова, единение различных народов обеспечивалось универсалистскими мотивами этой идеологии, объяснявшей необходимость расширения жизненного пространства русских тем, что «Святая Русь» является оплотом обширного православного мира, с центром в г. Москва – столица Российского государства. Москва в этой идеологии представлялась «Третьим Римом», то есть столицей мировой культуры, объединяющей под свое крыло представителей любых культур и национальностей². Поэтому в виду слабости собственной государственности и угрозы со стороны маньчжурских завоевателей, многие монголо- и тунгусоязычные племенные группы региона принимали решение о вхождении в интенсивно распространяющееся российское культурное пространство на территории Забайкалья. В результате в этом культурном пространстве начались процессы взаимодействия между этническими группами, имеющими восточное и западное происхождение. Эти процессы приводили к смешиванию мировоззренческих систем населения территории Забайкалья, которые конструировались как сложная структура идеологических систем различных групп, среди которых важнейшей идеологической стала «российская», объединяющая представителей разных народов³.

На территории Забайкалья в это время, как пишет Л. В. Камедина, шел процесс межкультурного конфликта и взаимодействия, в рамках которого региональное пространство переходило из состояния мифологического и кочевого

¹ Там же. С. 246-249.

² Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII- начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия: автореф... дисс. докт. ист. н: 07.00.03. Санкт-Петербург, 2012. С. 18.

³ Васильева К. К., Мельницкая С. А. Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края: монография. Чита, ЧитГУ, 2008. С. 175.

в состояние российское и православное¹. Это приводило, согласно Г. Гадамеру, к появлению личности, свободной от земных условий бытия². А. А. Пелипенко называет этот тип личности логоцентрическим, его отличие от мифоритуального заключалось в том, что окружающее культурное пространство выступает не как инструмент регуляции отношений с универсумом, а как поле, на котором идет сражение между добром и злом³. Это стало основанием для изменения отношения к личности, которая в соответствии с определением Г. Гадамера, стала идентифицировать себя посредством религиозно понимаемой свободы от земного бытия в региональной культуре⁴.

Яркую характеристику личности русских переселенцев дают описания Аввакума⁵ и Н. Спафария⁶, которые содержат данные о напряженных отношениях между первопроходцами, коренным населением и племенами на территории Монголии и Китая.

Этот процесс ознаменован формированием российского уклада жизни и становлением человека российской культуры на территории региона, где присутствие русских явилось преградой для культурного влияния маньчжур и китайцев. При этом, как отмечают С. А. Токарев⁷, Б. О. Долгих⁸, Г. Н. Румянцев⁹, российский культурно-исторический тип стал влиять на развитие самосознания не только у русских, но и у аборигенных, монголоязычных и тунгусоязычных народов. Факторами становления культуры коренных народов в Забайкалье в этот период упомянутые авторы считают традиции их этнической культуры, а также влияние русской административной системы.

1 Камедина Л. В. Забайкальский текст в русской культуре // Гуманитарный вестник, 2015. С. 139-145.

2 Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного: монография. М. Искусство, 1991. С. 116.

3 Пелипенко А. А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 2. Мифоритуальная система. Книга 1. Медиационная парадигма. М.: РОССПЭН, 2017. С. 346-367.

4 Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного: монография. М. Искусство, 1991. С. 116.

5 Аввакум. Житие протопопа Аввакума, написанное им самим. М.: Товарищество типолитографии И. М. Машистова. 1911. 62 с.

6 Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария. СПб.: тип. Киришбаума, 1882. 215 с.

7 Токарев С. А. Ранние формы религии: монография. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

8 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.

9 Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят: монография. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 266 с.

Кроме этого, значимым фактором стало распространение буддизма, которое, как пишет Г. Р. Галданова¹, началось в XVII в. и во многом совпало не только с формированием религиозного, но и политического самоопределения бурят в рамках российской государственности. Пользуясь терминологией Н. Я. Данилевского², можно сказать, что здесь началось взаимодействие двух культурно-исторических типов цивилизации, каждый из которых по-разному влиял на личность.

Вместе с тем, с этого времени становление личности в Забайкалье подчинялось факторам, характеризующим эту территорию как элемент российского культурного пространства. К этим факторам относилось особое мировосприятие, связанное с пониманием своей отдаленности от политических, культурных и экономических центров и ресурсов; с замедленными темпами развития; с архаичной социальной культурой; с трудностями добывания средств к существованию³. Эти признаки характеризовали «региональный», то есть противопоставленный «столичному» тип культуры. В его рамках происходило становление человека, соответствующего нормам российской культуры в Забайкалье. Важно учесть, что эта региональная, но, в то же время, российская культурная общность, описываемая в соответствии с идеями Н. А. Бердяева⁴, складывается из сочетания элементов западного и восточного миров.

При этом новые люди вели активную деятельность, направленную на распространение культуры центральной России, стремящейся к подчинению региональных особенностей забайкальской культуры. Наибольшее влияние на этот процесс оказывало стремление к восстановлению модели России в новых региональных условиях⁵. Описать конкретно-региональное содержание модели влияния русской культуры на личность в Забайкалье становится возможным при

1Ламаизм в Бурятии XVIII начала XX века. Структура социальная роль культовой системы: монография / Г.Р. Галданова [и др.]. Новосибирск, 1983. С. 22.

2Данилевский Н. Я. Россия и Европа: монография. М., Книга, 1991. С. 456-489.

3Гернего Л. В. Духовно-нравственные основы жизнедеятельности забайкальского казачества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Бурят.гос. ун-т. Улан-Удэ, 2000. С. 18.

4 Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // Антология культурологической мысли М., 1996. С.195-198.

5 Мельникая С. А. Менталитет социокультурных общностей Забайкалья (на примере Читинской области: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.13. Чита, 2006. 198 с. С. 86-97.

обращении к методологии, разрабатываемой Ю. М. Лотманом¹ и В. Н. Топоровым², которые рассматривая процессы исторического ветвления культуры на региональные пространства доказывали, что она проявляется как культурный текст. Важно учесть, что лотмановское понятие культурного текста включало в себя различные практики воспроизводства культурного пространства³. Маркерами этого пространства служили символы российского государства и православной церкви, такие как граница, остроги, кресты, часовни, церкви, монастыри. Семантика указанных маркеров указывала на качественную соотносимость понятий русский и православный⁴. Л. В. Камедина пишет, что освоение культурного пространства Забайкалья было связано с его православной сакрализацией, в рамках таких локусов, как Иргенский острог, Урлукский монастырь, Нерчинская Успенская церковь, представлявших православные ценности и культурный тип человека, олицетворявшего православную культуру⁵.

Таким образом, регион, говоря словами А. Щапова, становился неотъемлемой частью российского культурного пространства как единого организма⁶. Однако культурное пространство Забайкалья не было однородным, так как в нем выделялись особые «культурные гнезда», описанию которых посвятил свое творчество Н. К. Пиксанов⁷, имея в виду отдельные и самостоятельные культурные центры, со своими географическими, хозяйственными, политическими особенностями. Благодаря их влиянию на территории Забайкалья стали выделяться социальные и территориальные группы, характеризующиеся формированием личности казаков, крестьян-старожилов, семейских.

1 Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. М.: Госполитиздат, 1977, № 3. С. 148-166.

2 Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: монография. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.

3 Флиер А.Я. Очерки теории исторической динамики культуры: монография. М.: Согласие, 2015. С. 450-456.

4 Русские в Бурятии: история и современность: монография / под ред. В.И. Затева. Улан-Удэ, 2002. С. 151.

5 Камедина Л. В. Забайкальский текст в русской культуре // Гуманитарный вестник, 2015. С. 139-145.

6 Щапов А.П. Этнографическая организация русского народонаселения // Соч. А.П. Щапова. СПб., 1906. Т. 2. С. 365-397.

7 Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: монография. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 20.

Первыми свое особое культурное пространство в рамках региона сформировали казаки, выделявшиеся особым отношением к государственной власти, службе и принадлежностью к православной вере. В сознании казаков идеи служения, религии и казачьей культуры были неразделимы и составляли этос, то есть систему взглядов, идеалов, ценностей, определявших их поведение и самосознание. Механизмы подобного процесса создания этоса объясняются в трудах А. Кребера и К. Клакхона¹, Дж. Стюарта², К. Леви-Стросса³.

С этой точки зрения, этос казачества складывался исходя из специфики условий жизни, а также веры в особую миссию, выполняемую казаками. Условия жизни забайкальского казачества определялись проживанием на подконтрольной им территории, значительные размеры которой, а также целостность границ, охраняемых казаками, стали фундаментом, на котором формировался уклад жизни этой общности. На образ жизни казаков оказывали влияние осознание значительной удаленности от культурных центров, властей и ресурсов, замедленного темпа развития окружающих территорий; архаичности образа жизни и социальной структуры окружающего казаков населения; необходимости самостоятельно разрешать проблемы, связанные с добыванием средств к существованию. Эти факторы повлияли на развитие специфической культуры казачества, выстроенной на основе слияния двух измерений казаческой жизни: войсковой и гражданской⁴. Восковая жизнь выстраивалась на принципах служения православному государству, которые предполагали принятие обета верности и отречения от мирской жизни на время службы⁵. Влияние этой жизни формировало официальную, войсковую культуру забайкальского казачества. В рамках этой культуры личность казака проходила свое становление под влиянием

1 Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions: monograph. Cambridge: Massachusetts, 1952. P. 14.

2 Стюарт Дж. Холл Учение и жизнь ранней церкви: монография. Новосибирск: Посох, 2000. 324 с.

3 Леви-Стросс К. Печальные тропики: монография. М., Мысль, 1984. С. 130.

4 Гернего Л.В. Духовно-нравственные основы жизнедеятельности забайкальского казачества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Улан-Удэ, 2000. С. 18.

5 Гнеденко А. М., Гнеденко В. М. За други своя или все о казачестве: монография. М., 1993. Международный фонд славянской письменности и культуры. С. 7.

убеждения о том, что казаки – это защитники Отечества, бесстрашные воины, герои из народных песен¹.

Однако была и обратная, гражданская сторона культуры казаков, для которых большое значение имели особенности жизни забайкальской глубинки, ежедневные будни и праздники, традиции семей, специфического языка, воспитания, которые в совокупности сформировали фундамент, основу личности казака. Существенным моментом, отличающим культуру забайкальского казачества, также является и такой региональный фактор, как влияние, которое на культуру казаков оказывали обычаи и традиции окружающих их групп населения, бурят и эвенков². У них казаки заимствовали многие элементы материальной и духовной культуры и не только это. Таким образом, расселение казаков в рамках забайкальского культурного пространства и последующая адаптация к условиям этого пространства привели к возникновению новой региональной субэтнической группы, отличающейся смешанными антропологическими чертами и синкретической духовной и материальной культурой, в которой были синтезированы элементы культуры казаков и коренного населения.

Важно указать, что смешение элементов культуры пришлого и коренного населения является закономерным следствием процессов взаимодействия культур, начавшихся в рамках культурного пространства Забайкалья начиная с XVII в. Эта тенденция была проанализирована В. И. Затеевым³, который доказал, что представителям русской культуры, осваивающим новые культурные пространства, имеющие свойства приграничности, было свойственно воспринимать наиболее ценные элементы региональных культур. В то же время они стремились сохранить собственное культурное ядро, в первую очередь духовную культуру. Например, в Забайкалье, наиболее активно процесс культурного обмена элементами материальной и духовной культуры с бурятами и эвенками проходил среди русских крестьян-старожилов. Его итогом стало формирование таких субэтнических групп, как карымы и гураны. Они были

1 Смирнов Н. Н. Забайкальское казачество. М.: Вече, 2008. С. 234-267.

2 Там же. С. 208.

3 Русские в Бурятии: история и современность: монография / В. И. Затеев (ред.). Улан-Удэ, 2002. С. 475.

описаны А. П. Щаповым, который отметил, что активное восприятие элементов культуры коренных народов позволяло им успешно выживать в условиях забайкальской глубинки¹. В частности, эта группа имела смешанные антропологические характеристики, сохраняла значительный пласт дохристианской культуры и придерживалось повседневных обычаев бурят или эвенков, в то же время сохранила русскую и православную идентификацию². Таким образом, крестьяне-старожилы вступали в процессы взаимодействия культур, методологию описания которых можно обнаружить в работах М. М. Бахтина³, признававшего полифоническое сосуществование различных культур, ведущих между собой диалог, важнейшим фактором становления личности.

Ярким примером такого взаимодействия, которое начиналось в условиях конфликта культур, на территории Забайкалья были семейские, долгое время, сохранявшие специфические особенности своей группы. Первоначально они отличались последовательной приверженностью культуре, благодаря которой были сформированы как русские старообрядцы, прибывшие с территории Польши. В качестве ядра этой культуры выступало дореформенное православие, однако большую роль играл бытовой уклад, культурные традиции, особенности языка, семейно-родственных связей. Попытки сохранить эти черты вылились в формирование особых поселений семейских, ведущих обособленный образ жизни и занимавшихся земледелием с применением собственных технологий, позволявших сравнительно долгое время обходиться без активного взаимодействия с окружающими региональными культурами бурят, эвенков, казаков и крестьян-старожил⁴.

Семьи семейских долго сохраняли черты домостроя и патриархальности, однако процессы внешнего влияния, значение которых было обосновано В.

1 Шерстова Л.И. Ментальность переходного этноса. Южная Сибирь в XIX–XX веках // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 151.

2 Щапов А.П. Этнографическая организация русского народонаселения // Соч. А. П. Щапова. СПб., 1906. Т. 2. С. 370.

3 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М.: Искусство, 1986. С. 445.

4 Константинова Н.Н., Болонев Ф.Ф. Народы Забайкалья в XVII – XX вв. Этническая история и состав населения края // Энциклопедия Забайкалья (Читинская обл.). Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 212.

Библером¹, со временем возобладали, и они встали на путь культурного и этнического диалога с окружающими народными группами². Как показывает Е. Петрова, взаимодействие с коренным населением стало итогом осознания необходимости восприятия их опыта и навыков ради выживания. Первоначально наиболее проявленными оказались хозяйственные связи, однако впоследствии они были дополнены рядом социальных, в том числе брачных контактов с региональными группами, в первую с бурятским населением³. Впоследствии влияние социально-экономических факторов привело к ослаблению замкнутости старообрядцев и включению их потомков в процессы интенсивного межкультурного взаимодействия с соседствующими региональными группами населения. При этом сама группа не растворилась, так как сохранила старообрядчество и устои семейской жизни в качестве культурного ядра, позволяющего до сих пор сохранять свою особую идентичность. В течение XVII-XVIII вв. в процессе включения Забайкалья в рамки общероссийского культурного пространства, эта сфера становилась все более полиэтничной и поликультурной⁴.

Развитие культурного пространства Забайкалья к концу XIX в. как отмечает С. А. Мельницкая, стало определяться не только этническими представителями разнообразных культур, прибывающих сюда различных регионов Российской империи, но и выходцами из различных социальных слоев и страт российского общества, которые появлялись в Забайкалье как иммигранты и переселенцы, привозящие свои представления о константах универсума⁵. Одним из существенных элементов региональной забайкальской культуры, по замечанию В. В. Перинова⁶, стало присутствие на территории Забайкалья большого количества

1 Библер В. С. Из «Заметок впрок» // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 42-43.

2 Аргудяева Ю.В. Хозяйственная адаптация русских крестьян к условиям жизни в восточных регионах России // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): В 2 т. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т.2. С. 21-28.

3 Петрова Е.В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья: монография. Улан-Удэ, 1999. С. 38.

4 Болонев Ф. Ф. Взаимодействие культуры русских и аборигенного населения Восточной Сибири // Изд. СО АН СССР. 1985. № 14. Вып. 3. С.37-43.

5 Емченко Д. Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель: автореф. дис... канд. культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2011. С. 11.

6 Перинов В.В. Мусульманская община Верхнеудинска в конце XIX – начале XX века: социальный портрет // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, Изд-во БГУ, 2009. №7. С. 4

осужденных на ссылку и каторгу государственных преступников, чье влияние также становится существенным фактором, определяющим становление региональной культуры и личности. Среди ссыльных и каторжных в Забайкалье были пугачевцы, конфедераты, стрельцы, декабристы, польские повстанцы и другие ослушники¹. Однако не только факт их присутствия в регионе, но и непосредственное общение жителей забайкальской глубинки и заключенных стали источником влияния ссылки и каторги.

Важнейшим следствием этого общения стало распространение среди населения Забайкалья идеалов Просвещения, которые в соответствии с положениями философии Ж. Ж. Руссо² и С. Т. Кольриджа³, способствуют формированию внутреннего мира рефлектирующего человека. Наиболее известным примером просветительского влияния ссылки и каторги на жителей Забайкалья являются декабристы⁴. Это культурное пространство до сих хранит символику, связанную с присутствием декабристов и их деятельностным участием в формировании региональной культуры и личности, что доказывается с помощью методологии Ю. М. Лотмана⁵. Можно сказать, что культурные тексты декабризма остались во многих забайкальских селениях, однако в наибольшей степени их влияние ощутимо в столице Забайкальского края.

Период, когда в Забайкалье побывали декабристы, является одним из наиболее значимых в истории культуры региона, так как привносит в процесс формирование региональной личности влияние такого фактора, как каторга и ссылка. Благодаря репрессиям цивилизация в Забайкалье была представлена каторга, которая ломала личность слабых людей. Однако, несмотря на ее репрессивность, она становилась одним из ведущих факторов развития личности⁶. В частности ее влияние проанализировано Н. Г. Чернышевским, по мнению

1 Декабристы и другие ссыльные в Забайкалье [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://predistoria.org/forums/index.php?topic=69.75> (Дата обращения: 25.01.20).

2 Вольтер, Дидро, Руссо: Литература Французского Просвещения. М., Дрофа, 2008. 768 с.

3 Кольридж С. Т. Избранные труды: монография. М. Искусство, 1987. 353 с.

4 Полетаева Л. Г. Культурное наследие декабристов в Забайкалье: дисс... канд. культурологии: 24.00.01 Чита, 2007. С. 125-134.

5 Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. М.: Госполитиздат, 1977, № 3. С. 148-166.

6 Полетаева Л. Г. Мыслин Дмитрий Иванович // Забайкалье: наука, культура, жизнь. 2005. № 2. С. 68-69.

которого, сочувствие, которое испытывали простые люди к страданиям и бунту революционеров, способствовало установлению тесных контактов с ними, а также восприятию их идей¹. Каторга привнесла в культуру региона значительные изменения, которые были связаны с культурным конфликтом и диалогом, произошедшими между коренным населением края и пришлыми людьми, носителями культуры, связанной с формированием в Забайкалье институтов системы наказания.

Подобные процессы культурных конфликтов, представляют сущность любой культурной системы, в пространстве которой происходит борьба воспринимаемых разумом человека смысловых оппозиций. Победившая сторона, которой в данном случае, является государственно-административная культура России, становится инструментом культурной репрессии. Она социализирует индивидуума к своим стандартам, которые он воспринимает как обязательные поведенческие образцы. Однако трансформации самосознания населения Забайкалья в XIX-XX вв. определялось не только влиянием каторги, оказывающей репрессивное воздействие на личность. Значимым фактором было влияние российских традиций управления, подчинения и администрирования, вместе с этим влияние русской культуры сопровождалось распространением грамотности, литературы, образования, приведших к тому, что в Забайкалье появились представители коренных этносов, ставшие носителями русской культуры².

В результате проникновение русской культуры привело к ломке традиционных патриархальных устоев кочевого быта коренных забайкальских народов, перестраивавших быт под новые условия проживания. В это время на территории Забайкалья воздвигались крупные города, такие как Сретенск, Нерчинск, Чита, представлявшие культурное пространство Российской империи³.

¹Чернышевский Н. Г., Бобриков Г. И., Лебедев А. А., Анучин Д. Г., Вилламов Г. И., Анучин А. С., Вилламов Н. А. Русская старина. СПб., Типография т-ва п. ф. «Электро-типография Н. Я. Стойковой», 1912. Т. 150. Кн. 5. С. 233-444.

²Мерцалов В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1841-1895) // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 3. С. 26-33.

³Там же. С. 26-33.

Как правило, пространство городов концентрировалось вокруг сакральных центров, сформированных монументальными сооружениями, дворцами (братьев Шумовых), дворцовыми усадьбами (М. Д. Бутина), гостинными дворами (г. Нерчинск), соборами и церквями (Воскресенский собор г. Нерчинска), о которых пишет в своей книге В. Г. Лобанов¹. Последние десятилетия XIX в. в Забайкалье были связаны с распространением идеологии, связанной с именем императора Александра III, представлявшего землеустроителем окраинных территорий России. Это отразилось на культурном пространстве столицы Забайкалья г. Читы. Именем императора была названа одна из центральных улиц города, до этого носившая название Амурской. В самом городе было отстроено несколько корпусов учебных учреждений, названных именем Александра III. Но наибольшее значение имело сооружение культовых зданий, посвященных имени Александра. В Чите был установлен кафедральный собор Александра Невского, так как считалось, что князь Александр Невский, также как и Александр III, был защитником забайкальского населения².

Все эти процессы в своей совокупности показывают, что во взаимодействии региональных и российской культур, по-разному воздействовавших на личность, к концу XIX в. стала проявляться система определённой культуры. Её развитие можно проанализировать, опираясь на методологию В. С. Степина, включившего в состав развивающихся систем идеалы, образцы поведения, верования, цели, ценности. В этой культуре были заданы определённые мировоззренческие универсалии, заключавшиеся в единообразном способе понимания окружающего пространства, времени, природы, причинности, идеалов и ценностей³. Объединяющим мотивом было общее понимание человека, несмотря на различные этнические идентификации, имевшего региональное происхождение, мировосприятие и мироощущение, которое на территории Забайкалья

1 Лобанов В. Г. Старая Чита: монография. Чита, Степанов М.А., 2001. С. 157-196.

2 Жуков А. В. Имя Читы - имя России? Город как поле борьбы мифов // Наследие народов центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение, использование: материалы междунар. науч.-практ. конф. Кызыл, 2009 г. Ч. II. С. 43-50.

3 Степин В. С. Философская антропология и философия культуры. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 542 с.

заклучалось в появлении и распространении такого понятия, как «забайкальцы». Как писали К. К. Васильева и С. А. Мельницкая¹, этому способствовало усиление интеграционных тенденций, в рамках которых в сознании населения Забайкалья распространялись представления о специфическом месте проживания, рождающем особое мироощущение, возникающее в процессе взаимодействия с разнообразными этническими группами, культура которых несет в себе как восточное, так и западное происхождение.

Таким образом, можно утверждать, что основой формирования личности забайкальца стало образование особого забайкальского менталитета, сформированного в результате влияния региональной культуры, выступавшей в роли адаптивного механизма к условиям ландшафтного, климатического, экономического, социального бытия. Эти условия требовали у представителей различных народов, куда входили русские, эвенки, буряты, татары, башкиры, поляки, немцы, евреи и др., выработки новых приспособительных стереотипов, новой системы ценностей, соответствующего мышления и заставила себя осознать, как единое сообщество забайкальцев в рамках российского культурного пространства. Это сообщество было объединено не только в рамках единой территории, принципов хозяйствования, но и в рамках единства, определяемого общей судьбой, характером и самовосприятием, которое согласно А. П. Щапову², определялось понятием «самобытности», «региональной инаковости», русской локальности, и символизировало появление у населения Забайкалья нового качества забайкальской региональной идентичности, объективированной влиянием территории, исторических особенностей освоения регионального пространства, характером культурного пространства региона.

Выводы:

1. История Забайкалья представляет яркий пример формирования и развития пространства региональной культуры, которая определяется с одной стороны принадлежностью к общероссийскому культурному пространству, с

¹ Васильева К. К., Мельницкая С. А. Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края: монография. Чита, ЧитГУ, 2008. С. 175.

²Щапов А. П. Сочинения. СПб: Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т 2. С. 55-104.

другой стороны – к приграничному культурному региону, специфика которого связана с нахождением в рамках российско-китайско-монгольского приграничья. Она состоит в сочетании тех характеристик, которые возникают в связи с особенностями его географического нахождения. Влияние природно-географического пространства, связывается с формированием образа суровой, но богатой природными ресурсами территории, становлением особого типа личности, соответствующей требованиям и нормам культуры кочевого сообщества, специфику которого составляло стремление синтезировать хозяйственное освоение пространства с его духовным постижением, чему способствовало его упорядочение и сакрализация.

2. Важнейшим фактором, который стал определять развитие культурного пространства региона, начиная с XVII в., стала его колонизация и присоединение к России и формирование русского культурного пространства за Байкалом. Менталитет представителей российской культуры, живущих в Забайкалье, связывается с пониманием себя, как части региона, географически удаленного от центральных территорий России, которая включает в себя забайкальское пространство, опираясь на силу российского государства и православную религию. Одновременно само культурное пространство Забайкалья не было однородным, так как русские, осваивая приграничные пространства, интенсивно воспринимали необходимые для себя элементы региональных культур. В то же время они стремились сохранить собственное культурное ядро, в первую очередь духовную культуру.

3. В XIX в. развитие культурного пространства Забайкалья стало определяться не только этническими культурами, но и культурными особенностями выходцев из различных социальных слоев и страт российского общества, которые появлялись в Забайкалье как переселенцы, а также ссыльные и каторжные, привозящие свои представления о константах универсума. Значимым фактором было влияние российских традиций управления, подчинения и администрирования, вместе с этим влияние русской культуры сопровождалось распространением грамотности, литературы, образования, приведших к тому, что

в Забайкалье появились образованные представители коренных этносов. В своей совокупности эти процессы показывают, что итогом взаимодействия региональных и российской культур к концу XIX в. стала единая система региональных идеалов, образцов поведения, верования, целей, ценностей. В этой системе были заданы определённые мировоззренческие универсалии, задающие способ понимания окружающего пространства, времени, природы, причинности, идеалов и ценностей. Объединяющим мотивом было понимание человека, имевшего региональное происхождение, мировосприятие и мироощущение, которое на территории Забайкалья заключалось в появлении и распространении понятия «забайкальцы», представляющие общность, сформированную благодаря признанию многообразия и разнообразия этнических групп, мирно проживающих на территории региона как граждане Российского государства.

2.3. Формирование личности в условиях трансформации культурного пространства Забайкалья в XX-XXI вв.

В начале XX в. наступил этап культурного развития Забайкалья, определяемый сменой геополитических условий, политического режима и распространением влияния социо-культурной модернизации¹. В течение этого этапа, который продолжается вплоть до настоящего времени, структура забайкальского культурного пространства претерпела серьезные изменения, причиной которых стала модернизация².

Изменения сформировали новый культурный облик региона, который в свою очередь оказывал влияние на становление региональной личности. В частности, развитие культурного пространства Забайкалья в советский период проходило в соответствии с проводимой культурными центрами политикой

1 Букин С. С., Тимошенко А. И. Концепции модернизации Сибири на рубеже XIX-XXвв. // Социальные трансформации в Российской истории. Екатеринбург, 2004. С. 109.

2 Кальмина Л. В. Экономическая стратегия самодержавия в начале XX в. в геополитическом пространстве Забайкалья // Власть. 2010. № 4. С. 110-113.

унификации культуры¹. Развитие культуры в это время определялось линейной концепцией, которая в контексте учения К. Маркса² и В. Ленина³, утверждала, что прогрессивное развитие общества и смена общественно-экономической формации положительно влияет на трансформацию личности. Начиная с 20-х гг. XX в. наиболее существенным фактором влияния на личность советского человека становится коммунистическая идеология, которая распространяет такие понятия, как «советский образ жизни», «советский народ», «социалистическое общество», «коммунизм», влияющие на качественно новое состояние пространства региональной культуры и личности, формируемой им⁴. Их содержание, основанное на этой идеологии, конструировало образ идейного сторонника советского строя как носителя социально-приемлемых ценностей, принимаемых на уровне общегосударственной культуры. Однако это приводило к нарушениям в развитии региональных этнических культур, таких как казаки, семейские, эвенки, буряты и др., которые подчиняясь унифицирующему давлению культурного центра, существенно сокращали свой потенциал и возможности влияния на личность.

К этому итогу приводила борьба за существование между различными элементами забайкальского культурного пространства и центром, значение которой можно объяснить, обращаясь к идеям А. А. Пелипенко⁵, по мнению которого человек и его субъективность представляют собой центр своего жизненного мира и стремятся к выживанию в борьбе с другими субъектами культуры. В течение советского периода тенденция, отражающая стремление центра к единению, превалировала, а Забайкалье представляло органический элемент общероссийского культурного пространства, что находит аналогии с

1 Козьмин Н. Н. Бурят-Монгольская республика – Область: доклад председателя секции по районированию при Госплане БМАССР. Иркутск, 1924. С. 25-37.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: монография. М.: Госполитиздат, 1974. Т. 42. 535 с.

3 Ленин В. И. «Социализм и религия» // Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 12. С. 142-147

4 Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Забайкальские экономические опыты 1900-1920-х гг. Как начальный этап модернизационных преобразований // Власть. 2013. № 3. С. 130-133.

5 Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система: монография. М.: Языки русской культуры, 1998. 396 с.

идеями В. А. Тишкова, который доказывает закономерность соразмерного развития региональной и государственной культуры¹.

Унификации культурного пространства Забайкалья способствовало и распространение политических репрессий, которые как вид культурной активности на территории этого региона были направлены не только на политических диссидентов, но и на представителей этнических культур². В течение советского периода в Забайкалье разместилось множество лагерей для осужденных, и кроме этого, здесь было казнено либо выселено в иные регионы множество представителей местных этнических групп, главным образом, бурят, казаков, семейских. Таким образом, репрессии или государственный террор против своего населения был значимым фактором, влияющим на становление личности, во имя выживания вынужденной отказываться от своих корней и этнических связей. Однако репрессии не привели к ликвидации этнического разнообразия региона, на территории которого большинство этнических групп стали скрывать свой культуротворческий потенциал. Он исследовался такими учеными, как Г. М. Василевич, описавшей культуру эвенков забайкальского севера³, а также А. П. Окладниковым, собравшим энциклопедический материал о культуре бурят и эвенков⁴. Эти исследования показывали, что, даже находясь в латентном состоянии культурный потенциал этнических групп Забайкалья, продолжал оказывать влияние на формирование региональной личности, актуализируясь в особых случаях. Так, например, во время Великой Отечественной войны на территории Забайкалья формировались особые кавалерийские дивизии, состоящие только из забайкальских казаков, преследование которых в мирное время было частью культурной политики государства⁵. В результате, несмотря на движение, задаваемое центральной

1 Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания: монография. М.: Наука, 2013. С. 299-305.

2 Василевский В.И. Главный обвиняемый. Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье: монография. Чита: Поиск. 2007. Т. 5. С. 201-204.

3 Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). Л. Наука, 1969. С. 250-269.

4 Окладников А. П. Очерки из истории зап. бурят-монголов (17–18 вв.). М. ОГИЗ, 1937. С. 324-358.

5 Забайкальские казаки на фронтах Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/pamyatdaurii/zabaikalskie-kazaki-na-frontah-velikoi-otchestvennoi-5cc2e883c53c2900afb2c9b2> (обращения: 09.01.2020).

культурой, направляющей региональное развитие по пути унификации, забайкальская составляющая региональной культуры сохранялась. Она существовала как ценностное ядро региональной культуры, что объясняет не только общее направление трансформации личности, но и особенности ее становления в рамках региональной культуры Забайкалья.

Нет оснований считать, что стремление к централизации было единственным фактором, формирования регионального культурного пространства, так как несмотря ни на что, традиции народной культуры, куда входила культура русских, казаков, бурят, эвенков, семейских, татар, евреев и других народов Забайкалья продолжали играть свою роль в формировании личности. Отмечая их значение, многие исследователи, использующие методологию С. П. Толстова¹, после Великой Отечественной войны возобновили исследования народных культур. Эти исследования проводились такими авторами, как В. А. Туголуков², А. И. Мазин³, публиковавшие труды, посвященные культуре эвенков; Т. М. Михайлов⁴, Г. Н. Румянцев⁵, Е. М. Залкинд⁶, К. Д. Басаева⁷, посвященные культуре бурят; Ф. Ф. Болонев⁸, посвященные старообрядцам. Кроме влияния народных традиций, в состав факторов, влияющих на становление личности, они включали системы ценностей, связанных с особым отношением к месту проживания, природе, истории, последствиям революционных событий и проявлениям современной культуры.

После Великой Отечественной войны наибольшее влияние на формирование культурного пространства региона, как отмечалось в исследованиях этого времени, играл такой фактор, как культурная политика, проводимая центральной властью, направленная на модернизацию, которую в

1Толстов С. П. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // Советская этнография. 1960. № 6. С. 10-23.

2Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях: монография. М: Наука, 1969. 215 с.

3Мазин А. И. Быт и хозяйство эвенков-орочонов: монография. Новосибирск, Наука, 1992. 207 с.

4Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции: монография. Новосибирск, Наука, 1987. 288 с.

5История Бурят-Монгольской АССР / Г. Н. Румянцев. Улан-Удэ, Бур.-Монг. изд. 1951. Т. 1. 574 с.

6Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в.: монография. М.: Наука, 1970. 400 с.

7Басаева К. Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят: монография. Улан-Удэ: Вост. сиб. кн. изд-во, 1974. 114 с.

8Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Заб. в XVIII–XX вв.: монография. Новосибирск, АОЗТ «Февраль», 1994. 148 с.

данном случае необходимо, понимать в контексте учений таких авторов как Ф. Боас¹, Б. К. Малиновский², А. Р. Рэдклифф-Браун³, Л. Леви-Брюль⁴, К. Гирц⁵, Э. Шилз⁶, Г. Элмонд⁷, как ведущий фактор прогрессивного развития региональной культуры и личности. Именно так в трудах западных исследований региональной культуры, таких как М. Блок⁸, Ф. Бродель⁹, Ж. Ле Гофф¹⁰ понимается смена «традиции» «модернизацией».

Советская модернизация промышленности и сельского хозяйства в Забайкалье обеспечивала развитие современных типов культуры, что оказывало решающее воздействие на становление послевоенного поколения забайкальцев. Вторая половина XX в. была связана с формированием на территории Забайкалья такой прослойки населения, как рабочий класс, состоявший из представителей рабочих профессий: целинников, сталеваров, геологов, строителей, колхозников, горняков, сплавщиков леса, охотников. Личностью, «солью земли» признавались творцы материальных и духовных благ, что соответствовало положениям деятельностной концепции М. С. Кагана¹¹, Э. В. Ильенкова¹², В. М. Межуева¹³.

Ситуация изменилась в постсоветский этап развития региональной культуры Забайкалья, который начался в 90-х гг. XX в. в связи с появлением на месте Советского Союза Российской Федерации, когда произошло резкое изменение геополитической ситуации. Постсоветский период развития регионального культурного пространства был ознаменован пересмотром советской системы ценностей, что привело к трансформации структуры регионального культурного пространства.

1 Боас Ф. Ум первобытного человека: монография. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 154 с.

2 Малиновский Б. К. Магия, наука и религия: монография. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.

3 Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература РАН, 2001. 304 с.

4 Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет: монография. СПб.: Европейский Дом, 2002. 400 с.

5 Гирц К. Интерпретация культур: монография. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

6 Shils E. The Intellectual Between Tradition and Modernity: The Indian Situation: monograph. The Hague, 1961. P. 95

7 Almond G. Capitalism and Democracy // Political Science 24 (September 1991). Pp. 467-74.

8 Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: монография. Таллин: Ээстираамат, 1983. 184 с.

9 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: монография М.: Прогресс, 1992. Т. 3. 679 с.

10 Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: монография. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.

11 Каган М.С. Эстетика как философская наука: монография. СПб., Петрополис. 1997. С. 23.

12 Ильенков Э.В. Философия и культура: монография. М.: МПСИ, 2010. 808 с.

13 Межуев В. М. От философии жизни к философии культуры. Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2001. С.22-41.

Как отметил Д. А. Крылов, утратив внешнюю общность, основанную на принципах централизации, которая была характерна для советского периода, региональные культурные сообщества вступили в сложные отношения, задачей которых было самоутверждение каждого из них в рамках регионального пространства¹. Здесь на формирование личности стали оказывать влияние идеалы этничности, которая в предшествующий период находилась в подчиненном положении у общегражданской идентичности. На территории региона заявил о себе целый ряд этнических общин и диаспор, которые вступили в непростой межкультурный диалог².

Опираясь на методологию Ю. М. Лотмана, А. Я. Гуревича, Г. С. Кнаббе, В. Н. Топорова, можно сделать вывод о том, что межкультурное взаимодействие этих групп сформировало пространственную модель культуры, в которой противоречивое единство внутрорегионального взаимодействия стало понимать себя как единую целостность, структурированную отношениями между региональным центром, в лице г. Читы и периферией. С другой стороны, региональная культура Забайкалья как некая целостность вступила в отношения с общероссийской культурой, которая стала пониматься как материнская. В то же время, на территории региона интенсивно ощущалось влияние глобализирующейся культуры, в противоречивое взаимодействие с которой вступила как российская, так и региональная культура.

Таким образом, культурная ситуация в Забайкалье оказалась осложнена наличием разнообразных культурных и этнических традиций, которые несмотря на сложность ситуации, взаимодействуют между собой в форме междивизиационного диалога. Этот диалог протекал в рамках влияния ряда факторов, раскрытых Н. С. Зиминной³, которая предложила выделить внешние и

1 Крылов Д.А. Идентичность и менталитет: российское и забайкальское измерения // Материалы международной конференции «Забайкалье в геополитике России». Чита, 2003. С. 23.

2 Янков А. Г. Малые этнические группы Забайкалья: классификация и характеристика // Регион в приграничном пространстве: сб.межд. наун.конф. Чита, ЗабГУ, 2016. С. 125-128.

3 Зимина Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации (на примере Забайкальского края): автореферат дисс. канд. филос. н: 09.00.11. Чита, 2012. С. 12-16.

внутренне факторы, оказывающие влияние на развитие культурного пространства и формирование личности.

В контексте представленной методологии под внешними, объективными факторами, представляется возможным считать влияние Китая и Монголии¹. Внутренними, субъективными факторами выступают межгрупповые взаимодействия, существующие на разных этнографических уровнях, каждый из которых представляет влияние совокупность влияния, связанного с активностью локальных внутрирегиональных групп, в свою очередь взаимодействующих с уровнем общероссийской культуры. Среди этих факторов в 90-е гг. XX в. в первую очередь проявилось влияние изменений, которые стали происходить в региональном самосознании этнических и национальных групп. Современная структура забайкальского населения включает разнообразные этнические группы, традиционно населяющие эту территорию, такие как буряты и эвенки, и группы пришлого населения, такие как казаки, семейские, евреи, немцы, татары и др.²

Сегодня они по-разному проявляют характер своей этнической культуры, так как занимают разные места в рамках современного культурного пространства Забайкалья. В частности, эта разница ощущается в современном развитии культуры у двух наиболее представительных коренных народов Забайкалья, таких как буряты и эвенки, которых объединяет то, что стремление к этническому возрождению у них проявляется в первую очередь через актуализацию внимания к духовности и таким религиям, как шаманизм и буддизм. Однако если буряты переживают процесс возрождения этнической культуры, в рамках которого растет численность бурятского населения, возрождается и развивается национальная культура³, то этническая культура эвенков находится в состоянии упадка,

1 Абрамова Н.А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие. (Социально-философский аспект). Чита: ЧитГТУ, 1998. С. 224-267.

2 Терехова Т. А. Поликонфессиональная структура и восточного Забайкалья и межкультурное взаимодействие // Известия Байкальского государственного университета. 2011. № 2 (76). С. 148-152.

3 Баженова О. С. Особенности этнической идентичности бурят в современных условиях: дисс. канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2011. С. 87-99.

сопровождаемого резким сокращением их численности, ставящей под угрозу выживание этого народа на территории Забайкалья¹.

На современном уровне культура бурят, описанная Л. А. Абаевой и Н. Л. Жуковской², характеризуется глубокой интегрированностью в общероссийское культурное пространство, в рамках которого буряты проявляют себя как активный, мобильный, пассионарный народ, заинтересованно относящийся к проблеме своего самосохранения и развития в условиях развития и трансформаций современной культуры. Это проявляется в стремлении бурят получить образование и занять значимое место в социальной структуре российского общества, где наиболее существенным является влияние бурятской интеллигенции, успешно проявляющей себя в сфере просвещения, медицины, культуры, науки³. При этом влияние оказывают не только внерегиональные тенденции развития культуры, но и субъективное стремление бурят развивать свою этническую культуру, связанную с традициями животноводства, и земледелия. На территории расселения бурят возрождаются святыне места, являющиеся символами бурятской культуры⁴.

Напротив, этническая группа эвенков переживает период углубляющегося кризиса, связанного с распространением современных технологий и заселением мест традиционного обитания приезжими людьми⁵. На этот процесс также влияют процессы развития модернизации и глобализации общероссийской и региональной культуры. Эвенки теряют навыки кочевого образа жизни, перестают разговаривать на эвенкийском языке, заниматься традиционными видами охоты и оленеводства. В целом, культура эвенков, оказавшаяся не в состоянии полноценно интегрироваться в общероссийскую культуру на основаниях сохранения своей личности, как этнического «Я», стремительно

1 Бидная К. В. Традиционная культура и современная социальная организация эвенков // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 70-77.

2 Буряты / отв. ред. Л. А. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. Наука, 2004. 633 с.

3 История и культура народов Забайкалья в XVII–XIX вв. Встреча народов и цивилизаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museums75.ru/zaletnology.htm> (Дата обращения: 24.01.20).

4 Жамбалова С. Г. О народном буддизме в современной Бурятии // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 87-92.

5 Кузнецов О. В. Эвенки Забайкалья: история и современные этносоциальные проблемы // Социальная антропология Забайкалья. Чита, 2001. С. 53–68.

растворяется в условиях господства общероссийских культурных стандартов и ценностей¹.

Эта же тенденция, которая связана с констатацией того, что сохранение локальной этнической культуры, находящейся в условиях внешнего культурного давления со стороны господствующей общероссийской и глобализирующейся культуры, более успешно достигается теми сообществами, которые воспринимают себя как самостоятельную целостность, основой сплочения которой является набор специфических духовных ценностей, характерна и для других этнических сообществ Забайкалья. Например, среди так называемого пришлого населения также выделяются различные группы, часть которых добровольно осваивала территорию Забайкалья, а часть была сослана сюда в качестве наказания. Эти группы имеют существенные различия, влияющие на современное состояние и социальное самочувствие. Например, в региональном культурном поле Забайкалья выделяется население, состоящее из потомков казаков и семейских-старообрядцев, которые сохранили этническое самосознание, а также высокий уровень современных социальных притязаний и стремление реализовать себя в условиях современного рынка. При этом в основе культуры этих сообществ сохраняется патриархальная идентификация, базирующаяся на комплексе представлений, связанных с аграрным образом жизни. Это позволяет не только успешно интегрироваться в современную культуру, но и сохранять и развивать традиционные культурные формы.

Для сравнения необходимо сказать, что население районов, соседствующих с поселениями казаков и семейских, где внутригрупповые ценности под влиянием современного культурного давления оказались разрушены, в большей степени подвержено деградации и культурному упадку. Это в первую очередь касается старожильского населения, а также бывшего «заводского» населения, отличающегося отсутствием устойчивой однородности, проживающего в таких населенных пунктах, как Петровский Завод, Нерчинский завод, Александровский

¹ Поворознюк О. А., Питерская Е. В. Материальная культура и образ жизни Севера Забайкалья // Соц. антропология Забайкалья. Чита, 2001. С. 161-189.

завод, Балей и др. лишившихся в новых условиях своего первоначального значения. Искусственно сформированное население указанных районов находилось в зависимости от промышленных предприятий, либо организаций, связанных с функционированием системы наказания и управления, которые в современных условиях либо закрыты, либо переживают кризис и процессы разрушения. Это влияет и на само население, которое утрачивают свою идентичность, на их социальную активность¹. Многие пытаются покинуть депрессивные районы проживания. В частности, в течение последних двадцати лет Забайкалье покинуло почти полностью все еврейское и немецкое население, которое в связи с переездом в Германию и Израиль часто отказывается не только от региональной, но и от общероссийской идентичности².

В связи с этим важнейшим фактором, влияющим на формирование региональной личности в условиях современного культурного пространства Забайкалья, становится межрегиональное культурное взаимодействие, приводящее к определенным изменениям в контактирующих региональных культурах. Одним из направлений межкультурного взаимодействия начиная с 90-х гг. XX в. стало влияние Китая, которое проявляется не только через активизацию и интенсификацию торговых и культурных связей, но через увеличение численности китайцев, о котором пишет В. С. Морозова³.

На рубеже XX-XXI вв. наблюдалась резкая активизация межкультурного взаимодействия между Китаем и Забайкальем, которые развивали экономическое, социальное и культурное сотрудничество, итогом которого стало превращение прежде закрытой границы в зону активного диалога и взаимодействия. Однако у этого взаимодействия наблюдается характерная особенность, так как Забайкалье в этом процессе стало играть роль рынка сбыта для товаров, прибывающих из Китая. В связи с этим культура Забайкалья стала

1Крылов Д. А. Идентичность и менталитет: Российское и Забайкальское измерения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sibcity.ru/index.php?news=369_8&line=5 (Дата обращения: 25.02.2018)

2Кальмина Л. В. Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы управления // Известия Иркутского государственного управления. 2018. № 53. С. 55-61.

3 Морозова В.С. Феномен региональной культуры в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия РФ-КНР. М.: ИД «Форум», 2011. С. 7.

реципиентом, в пространство которого переносятся элементы китайской культуры, связанной с деятельностью китайцев в сфере торговли, строительства, производства продуктов потребления, а также духовной культуры, образования, религии и т.д., что неизбежно влечет за собой трансформацию забайкальского культурного ландшафта и всей системы региональных ценностей¹.

Значительное количество элементов китайской культуры в культурное пространство Забайкалья привносится самими жителями региона, большое количество которых регулярно посещает Китай с целью приобретения товаров, участия в презентациях и выставках, заключения сделок и контрактов, получения образования. Сфера экономического взаимодействия, кроме этого, включает разнообразные инвестиции со стороны Китая². Кроме этого, существенно влияет на общий ход межкультурного взаимодействия трансформация культурной политики на русско-китайской границе со стороны со стороны Китая, который конструирует особое культурное пространство вдоль русско-китайской границы. Китай целенаправленно наполняет свое приграничное пространство элементами русской культуры, что превращает его в особую культурную зону, привлекающую к себе не только китайцев, но и россиян. В течение первого десятилетия XXI в. товарооборот и пассажиропоток между Забайкальем и Китаем неуклонно возрастал, при этом на территории Забайкалья сталкивались между собой представители восточного и западного направления, что делало Забайкалье значимой зоной контактов между двумя цивилизациями³.

Интенсивно протекавшие в зоне китайского приграничья процессы стали активно влиять на общее развитие забайкальской региональной культуры и, следовательно, выступили одним из факторов формирования личности. Современное культурное пространство Забайкалья в связи с этим представляет

1 Морозова В.С. Феномен региональной культуры в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия РФ-КНР. М.: ИД «Форум», 2011. С. 7.

2 Бянкина А. М. Развитие отношений между Россией, Китаем и Монголией (Краткий историко-правовой аспект) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск: БГПУ, 2012. С. 18-20.

3 Оглезнева Е. А. Русско-китайское взаимодействие на дальневосточных территориях России: ист.-лингв. очерк // Слово: фолькл.-диалектол. альманах. Материалы науч. экспедиций. Вып. 8, спец. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010. С. 6-25.

специфическую реальность, в рамках которой созданы специфические условия, влияющие на формирование личности, находящейся в условиях российско-китайского межкультурного взаимодействия, предполагающего наличие границы, выполняющей функцию поддержания контактов между двумя цивилизациями¹.

Однако современная специфика становления региональной личности в Забайкалье не сводится только к наличию тесных связей с соседним Китаем, так как современный глобализирующийся мир является причиной постоянного увеличения и трансформации миграционных потоков, зачастую отражающих сиюминутное формирование образов и стереотипов, связанных с функционированием рынков и политической конъюнктурой². В течение последних десяти лет одним из проявлений такой конъюнктуры является резкий рост количества трудовых мигрантов из стран Средней Азии, таких как Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Количество этих мигрантов становится настолько существенным, что они оттесняют с рынков труда представителей Китая, которые преобладали там, в течение 90-х гг. XX в. Рост численности трудовых мигрантов из Средней Азии привел к росту конкуренции среди предпринимателей, сформировал широкий круг людей, ведущих непривычный для забайкальцев образ жизни и исповедующих религию, которая не является религией большинства. Появился ряд противоречий, которые свидетельствуют о том, что активизация миграционных потоков из Средней Азии является существенным фактором современной трансформации культурного пространства Забайкалья³. Таким образом, благодаря усилению миграционных потоков в условиях современности культурное пространство Забайкалья переживает период интенсивной трансформации, ведущей к актуализации этнического влияния на формирование личности контактных с мигрантами групп⁴. Кроме этого, идут

1 Сундуева Д. Б. Забайкальское трансграничье как социолингвистический феномен // Языковая культура Восточного Забайкалья: монография / Л. М. Любимова, Н. А. Лиханова, Д. Б. Сундуева. Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 85-139.

2 Абрамова Н.А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие. (Социально-философский аспект). Чита: ЧитГТУ, 1998. 257-278.

3 Сулейманова Ш. С., Рябова Е. Л. Миграционные процессы и межнациональные, межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 10.

4Glick Schiller,N. Citizens in transnational nation-states: the Asian experience. London, 1999.P.212.

процессы адаптации вновь прибывшего населения, которые включаясь в состав этнических групп Забайкалья, переконструируют вновь возникающее пространство и региональные этнические сообщества в сторону мультилокальности¹.

Исследующая процессы влияния внешних миграционных потоков на забайкальское население Н. С. Зимина считает, что актуализации этого влияния способствует конструирование этнических стереотипов, помогающих или мешающих адаптации вновь пребывающего населения. Они, как правило, связаны со страной происхождения, с фиксируемой в бытовом общении культурной и языковой близостью, исторической памятью и взаимоотношениями между народами. Большое значение имеет религиозная принадлежность мигрантов, их этнокультурные нормы, обычаи и традиции. Огромное влияние отводится исторической памяти, которая фиксирует наиболее значимые события, произошедшие в процессе взаимодействия между пришлым населением и коренными жителями, особенно акцентируя внимание на историческом прошлом, повествования о котором формируют особый идеологический фон, сопровождающий современное взаимодействие².

Таким образом, на территории Забайкалья в конце XX и первых лет XXI в. активно шли процессы формирования дискурса культурного разнообразия, способствующего трансформации регионального культурного пространства, определяющей направленность на формирование личности, ориентированной на ценности этнокультурного разнообразия и своеобразия³. Однако динамика развития забайкальского культурного пространства не является однонаправленной, так как в современных условиях изменений во всех сферах общественной жизни важнейшим фактором формирования личности становится российское государство, которое в течение первых десятилетий XXI в. неуклонно

1 Попков Ю. В. Региональные особенности этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. С. 14.

2 Зимина Н. С. Восприятие мигрантов принимающим сообществом: социально-антропологический аспект // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 90.

3 Варнавский П. К. Кыргызская диаспора в Улан-Удэ: этнизация мигрантской общины как реакция на контракт с принимающим сообществом // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4. С. 124.

и целенаправленно возвращает себе роль ведущего фактора развития культурного пространства региона, благодаря которому формируются политические, экономические, культурные, этническое и религиозные процессы на территории Забайкалья¹.

Формирование личности в забайкальском культурном пространстве в современных условиях напрямую зависит от культурной политики, проводимой культурным и региональным центрами, направляющими развитие забайкальской культуры в рамки общероссийского культурного пространства и его ценностей. Однако очевидно, что несмотря на стремление государственных и административных структур, нацеленных на формирование типа личности, соответствующего к требованиям единства, определяющего характеристики культурного пространства региона и создание для них возможностей сотрудничать и развиваться совместно, имеется препятствие, заключающееся в нежелании некоторых представителей этнических и религиозных традиций вести диалог, нацеливающий их на необходимость подчинения ценностям единства². Поэтому, на наш взгляд, особенностью современных процессов становления личности в условиях пространства культуры Забайкалья является рост ответственности не только со стороны государства, но и со стороны представителей региональных культур в отношении своих стратегий межкультурного взаимодействия.

С одной стороны, они вынуждены подчиняться требованиям государства, нацеливающим региональные сообщества на стремление к единению в рамках регионального культурного пространства, и адаптироваться к новым условиям этого пространства. Этому способствует активизировавшаяся в последние годы общественная деятельность лидеров забайкальских диаспор, нацеленная на объединение различных этнических сообществ и создание общественных

¹Региональная идентичность: теоретическое содержание и методология изучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dvo.sut.ru/libr/history/i299mez2/2.htm> (Дата обращения: 25.02.2018).

² Шевченко М. С. Мифотворчество религиозной организации «Свидетели Иеговы» в конфессиональном пространстве Забайкальского края: дисс. канд. филос. н.: 09.00.14. Чита, 2012. С. 67-98.

организаций, входящих в «Ассамблею народов Забайкалья»¹. С другой стороны, любое этническое, также, как и религиозное, объединение в этих условиях должно стремиться к собственному выживанию и сохранению этнокультурной идентичности, что свидетельствует об их внимании к формированию этнического или религиозного типа личности, чье мировоззрение основывается на специфических этнических или религиозных ценностях. При этом, несмотря на то, что современные религии не имеют прямой зависимости от этнической принадлежности и полностью не совпадают с этничностью, сами этнические группы сохраняют свои конфессии в качестве ценностного багажа, что способствует усилению ядра их культуры. Самостоятельность современных конфессий, не связанных напрямую с этносом, но предлагающих свой духовный потенциал, ведет к формированию особой роли каждой из них в рамках культурного пространства региона. Например, существенную роль в интеграции русскоязычного населения региона играет православная церковь, выступающая в роли проводника общероссийских духовных ценностей. Эту же роль в среде бурят играет буддизм, а среди тюркского населения – ислам, принимаемые в рамках общероссийской культуры в качестве традиционных религий. Среди забайкальских евреев и немцев систему этнических ценностей составляют соответственно иудаизм и католицизм, также признаваемые традиционными для России конфессиями².

При этом полное отсутствие связи с этничностью наблюдается в рамках распространения протестантских религий, которые признаются в рамках забайкальского культурного пространства нетрадиционными, однако также оказывают влияние на формирование личности забайкальцев. Сегодня их влияние на личность и региональную культуру, как правило, очень ограничено, что напрямую увязывается с существенной трансформацией их социальной активности, которая сопровождается отказом от активной проповеднической и

1Константинова Н.Н., Болонев Ф.Ф. Народы Забайкалья в XVII – XX вв. Этническая история и состав населения края // Энциклопедия Забайкалья (Читинская обл.). Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 212.

2Жуков А. В., Кондакова Н. С., Шевченко М. С. Религиозные предпочтения населения Забайкальского края // Известия Иркутского государственного университета, 2012. № 1 - 8). С. 235-243.

прозелитической деятельности, к чему их вынуждает политика государственной власти и индифферентное отношение к их проповеди со стороны забайкальского населения.

Как показывает проведенное исследование, культурное пространства Забайкалья не является системой, в рамках которой распространяются одинаковые для всех его участников культурные нормы, представления и ценности. Большинство из них находятся в рамках своих культурных локусов, представляя отдельные этнические, религиозные, социальные группы, формирующие личность своих членов в рамках субъективного понимания мира и своего предназначения. Каждое культурное образование стремится к выживанию и развитию на основе сохранения своего культурного ядра, субъективного понимания и оценки традиционных ценностей, этоса и идентичности. Поэтому важно учитывать, что классификация региональных проявлений культуры на коренные и пришлые, традиционные и нетрадиционные, этнические и неэтнические должна быть дополнена учетом того, какую самостоятельную стратегию адаптации к региональному культурному пространству выбирает каждый из его субъектов, добиваясь признания своей приемлемости в рамках требований регионального сообщества и общероссийской культуры.

Можно сделать вывод о том, что наиболее значимым фактором развития современного культурного пространства необходимо считать политику государственных и административных органов, которая не только задает образец культурного взаимодействия, но и нацеливается на диалог с субъектами этого пространства, так как только диалог между различными культурами делает возможной реализацию усилий, направленных не только на обеспечение единства регионального культурного пространства с пространством общероссийской культуры, но также и на разрешение межкультурных противоречий в рамках этого пространства, что в конечном итоге имеет целью обеспечение свободного развития каждой личности.

Таким образом, на территории приграничного региона, каким является Забайкалье, проходят процессы трансформации регионального культурного

пространства, в рамках которых на личность противоречиво воздействуют тенденции к унификации, имеющей задачу достижения единства, и тенденции к дифференциации, имеющей задачу сохранения культурных оснований и самоидентификации каждого из субъектов культурного пространства. Однако важно учитывать, что влияние культурной среды на личность в современных условиях не является однонаправленным (либо положительным, либо отрицательным), а приобретает форму сложной системы разнонаправленных взаимодействий. На становление личности в рамках забайкальского культурного пространства оказывает влияние сложная система факторов, куда входят:

- внутренние, забайкальские факторы, включая природно-географические, исторические, социально-экономические, этнические, религиозные характеристики;

- внешние факторы, куда входит влияние соседней региональной, зарубежной, российской и глобализирующейся культуры. Ведущим фактором среди них являлась культура центрально-европейской России, которая, своеобразно преломляясь в Забайкалье, наиболее существенно повлияла на развитие этого регионального культурного пространства, по сути, став для него «материнской культурой». На развитие забайкальского культурного пространства оказывает влияние сложный комплекс межкультурных взаимодействий, включая влияние китайской и монгольской культуры, влияние субъектов регионального уровня, а также влияние глобализирующейся культуры¹. В совокупности все эти факторы составляют неповторимый комплекс, определяющий процессы воспроизводства личности, формирующейся в результате приспособления человека к природно-ландшафтным, этнически-национальным и социокультурным процессам, протекающих на территории Забайкалья. Действие указанных факторов благоприятно сказывается на процессе взаимодействия региональных культур, которое, благодаря регулирующему влиянию общероссийской культуры, происходит не в форме противостояния, а в форме

¹ Соловьева Н. А. Коммерциализация культуры национальных меньшинств КНР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37). Ч. II. С. 176.

межцивилизационного диалога, как необходимого условия для развития региональных культур в рамках общекультурного пространства Российской Федерации.

Вывод:

1. В течение XX в. культурное развитие Забайкалья определялось проводимой культурными центрами страны политикой унификации региональных культур. Это приводило к нарушениям в развитии региональных этнических культур, таких как казаки, семейские, эвенки, буряты и др. Эти культуры, подчиняясь унифицирующему давлению культурного центра, сокращали возможности влияния на личность, скрывая свой культуротворческий потенциал.

2. В постсоветский этап развития региональной культуры Забайкалья, который начался в 90-х гг. XX в., произошло резкое изменение структуры культурного пространства страны, что привело к трансформации модели формирования региональной личности. Мировоззренческие идеалы забайкальцев в этот период стали ориентироваться на идеалы этничности и региональной культуры, а также на ценности, привносимые в процессе межрегионального и приграничного культурного взаимодействия. Однако на протяжении первых десятилетий XXI в. направленность формирования личности в рамках забайкальского культурного пространства стало определяться усилением влияния культурной политики, направляющей свои усилия на организацию единого культурного пространства региона, понимаемого как неотъемлемая часть общероссийского культурного пространства.

3. В эпоху современности становление личности в рамках забайкальского культурного пространства оказывает влияние сложная система факторов, куда входят: объективные факторы, включая природно-географические, исторические, социально-экономические, этнические, религиозные характеристики; влияние соседней региональной, зарубежной, российской и глобализирующейся культуры. В то же на развитие личности в рамках забайкальского культурного пространства оказывает влияние субъективные факторы регионального уровня, связанные с

восприятием внешнего социального влияния личностью, формирующейся в результате приспособления человека к природно-ландшафтным, этнически-национальным и социокультурным процессам, протекающих на территории Забайкалья. В этих условиях наиболее значимым фактором развития современного культурного пространства станет взвешенная политика культурных центров, которая не только задает образец культурного взаимодействия, но и определяет диалог с субъектами региональных культурных пространств. Только диалог между культурами делает возможной реализацию усилий, направленных на обеспечение единства регионального культурного пространства с пространством общероссийской культуры и на разрешение межкультурных противоречий в рамках этого пространства, что в конечном итоге имеет целью обеспечение полноценного развития каждой личности.

Заключение ко II главе

1. Расположение России в регионе Евразии стало фактором, повлиявшим на содержание российского культурного пространства, рамках которого встретились люди, являющиеся представителями различных культур. С этим стремлением была связана тенденция, нацеленная на формирование личности, как представителя разнообразных региональных культурных пространств. Однако тенденция к формированию региональной личности на территории российского культурного пространства не была единственной, так как Россия противопоставила этой тенденции факторы, оказывающие интегрирующее воздействие на формирование и развитие личности, ориентированной на ценности общероссийского культурного пространства, так как православие, русский язык и общероссийскую культурную политику. Однако, несмотря на достижение внешнего единообразия культурного пространства, многие пространства региональных культур хранили историческую память о прошлом, которая связывала людей с региональной историей и противопоставляла региональную и столичную культуру. Поэтому, формирование личности в рамках российского культурного пространства зависело от преобладания интегративных, либо дезинтегративных тенденций его развития.

2. Становление забайкальского культурного пространства неразрывно связано с формированием общероссийского культурного пространства, в составе которого оно находится, начиная с XVII в. Начиная с этого времени в Забайкалье начинается процесс формирования региональной личности, которая осознает себя как продукт влияния региональной культуры, имеющей специфические характеристики, означавшие одновременную принадлежность региона к России и к зоне приграничных контактов с Монголией и Китаем. Формирующееся на этих территориях население к концу XIX в. приобретает черты целостности, которая превосходит этнические рамки, имеет свои антропологические, языковые, конфессиональные особенности и получает название «забайкальцы».

3. Советский и постсоветский период в развитии культурного пространства Забайкалья ознаменовался политикой унификации и модернизации региональной культуры. В эпоху современности становление личности здесь оказывает влияние сложная система, куда входят: объективные факторы, включая природно-географические, исторические, социально-экономические, этнические, религиозные характеристики; влияние соседней региональной, зарубежной, российской и глобализирующейся культуры. В то же время на развитие личности оказывают влияние субъективные факторы регионального уровня. Причина состоит в том, что в условиях внешнего культурного давления, каждое из региональных сообществ должно стремиться к выживанию и сохранению этнокультурной идентичности, основой чего является формирование региональной личности, ориентированной на ценности локальной культуры. В этих условиях значимым фактором развития современного культурного пространства является культурная политика общероссийского центра, которая нацеливается на диалог с субъектами региональных культурных пространств, который делает возможной реализацию усилий, направленных на обеспечение единства регионального культурного пространства с пространством общероссийской культуры, и на разрешение межкультурных противоречий в рамках этого пространства, что в конечном итоге имеет целью обеспечение полноценного развития каждой личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Представления о влиянии культуры на становление личности первоначально основывались на точке зрения, согласно которой приоритетное значение имело влияние мировой культуры, понимаемой как источник универсальных ценностей. Это точке зрения противоречило мнение, согласно которому на формирование личности оказывают влияние условия, характеризующие развитие окружающей человека региональной культуры, в состав которых входят особенности восприятия географического ареала, истории, а также ментальные, языковые, художественные, образовательные, политические, административные особенности региона. Современный синтез указанных точек зрения, привел к пониманию семантически двойственного: универсального и регионального характера влияния реальности культуры на аксиологический, этический, психологический аспекты человеческой личности.

2. Процесс осмысления закономерностей развития российского культурного пространства был инициирован благодаря проникновению в русскую философию просветительских концепций, которые переосмыслились в зависимости от российских условий и авторских представлений о том, какой должна быть Россия и каким должен быть русский человек. Преобладающее влияние имела точка зрения, отражающая мнение о том, что Россия представляет единое культурное пространство, где доминирует влияние общероссийской культуры, общинности и церковности. Этой точке зрения противостояла точка зрения, согласно которой российская культура состояла из ряда независимых регионов, определяющих региональное разнообразие российской культуры. Период современности характеризовался формированием точки зрения, пытающейся учитывать синтетическое понимание культурной действительности, в которой признается, что на личность влияние оказывают как глобальные, так и локальные параметры культуры, которые воспринимаются человеком исходя из его субъективных ценностных оснований.

3. Становление личности происходит под влиянием нормативных и ценностных представлений, прививаемых человеку посредством воздействия

окружающей его культуры, являющейся основой становления личности. Каждая культура, воспринимаемая человеком, обладает своим ценностным потенциалом, который сформирован историческими, природно-географическими условиями, регулирующими отношения человека, мира общества и природы. Кроме этого, в каждом региональном культурном пространстве идет процесс взаимодействия универсальных и региональных воздействий, среди которых выделяются внешние, глобализационные, государственные, зарубежные воздействия, стремящиеся к включению регионального культурного пространства в свои культурные ареалы. С другой стороны, региональная аксиосфера культуры противопоставляет этим воздействиям ценности, придающие ей единство и системность.

4. Расположение России в регионе Евразии стало фактором, повлиявшим на содержание российского культурного пространства, в рамках которого встретились люди, являющиеся представителями различных культурных пространств. С этим стремлением была связана тенденция, нацеленная на формирование личности, как представителя региональной культуры. Однако тенденция к формированию региональной личности на территории российского культурного пространства не была единственной, и Россия противопоставила ей факторы, оказывающие интегрирующее воздействие на формирование личности, ориентированной на ценности общероссийского культурного пространства, к которым относятся православие, русский язык и общероссийская культурная политика. Однако, несмотря на внешнее единообразие культурного пространства страны, многие пространства региональных культур сохранили историческую память о прошлом, которая противопоставляла региональную и столичную культуру. Поэтому, формирование личности в рамках российского культурного пространства зависело от преобладания интегративных, либо дезинтегративных тенденций его развития.

5. Становление забайкальского культурного пространства связано с формированием общероссийского культурного пространства, в составе которого оно находится, начиная с XVII в. С этого времени в Забайкалье начинается

процесс формирования региональной личности, которая осознает себя как продукт влияния региональной культуры, имеющей специфические географические и геополитические характеристики, означавшие одновременную принадлежность региона к России и к зоне приграничных контактов с Монголией и Китаем. Формирующееся на этих территориях население к концу XIX в. приобретает черты целостности, которая превосходит этнические рамки, и имеет свои антропологические, языковые, конфессиональные особенности, заключенные в понятии «забайкальцы».

6. Советский и постсоветский период в развитии культурного пространства Забайкалья ознаменовался политикой унификации и модернизации региональной культуры. В эпоху современности становление личности здесь оказывает влияние сложная система, куда входят: объективные факторы, включая природно-географические, исторические, социально-экономические, этнические, религиозные характеристики; влияние соседней региональной, зарубежной, российской и глобализирующейся культуры. В то же время на развитие личности оказывают влияние субъективные факторы регионального уровня, включающие этнические, религиозные, социальные системы ценностей разнообразных групп, входящих в состав забайкальского населения. В этих условиях значимым фактором развития современного культурного пространства является культурная политика центра, которая нацеливается на диалог с субъектами региональных культурных пространств, который делает возможной реализацию усилий, направленных на обеспечение единства регионального культурного пространства с пространством общероссийской культуры, и на разрешение межкультурных противоречий в рамках этого пространства, что в конечном итоге имеет целью обеспечение полноценного развития каждой личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова, Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие / Н. А. Абрамова. – Чита: ЧитГТУ, 1998. – 303 с.
2. Абаева, Л. Л. Этнокультурные истоки этнической идентификации монгольских народов: Сборник материалов «Власть» / Л. Л. Абаева. – Москва, 2009. – С. 94-96.
3. Аввакум. Житие протопопа Аввакума, написанное им самим / Аввакум. – Москва: Товарищество типолитографии И. М. Машистова, 1911. – 62 с.
4. Адлер, А. Понять природу человека: монография / А. Адлер. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1997. – 256 с.
5. Айзард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: монография / У. Айзард. – Москва : Прогресс, 1966. – 660 с.
6. Аксаков, И. С. Сочинения И. С. Аксакова / И. С. Аксаков / Санкт-Петербург: типография А. С. Суворина, 1891-1903. – 832 с.
7. Аксаков, К. С. О русском воззрении / К. С. Аксаков. – Русская беседа, Кн. 1. Смесь, 1856. – С. 84-86.
8. Андреев, А. Н. Культурология. Личность и культура: монография / А. Н. Андреев. – Минск: БГУ, 1998. – 60 с.
9. Анучин, Д. Н. О задачах русской этнографии: (Несколько справок и общих замечаний) : монография / Д. Н. Анучин. – Москва: «Русская» типо-лит., 1889. – 35 с.
10. Арнольдov, А. И. Человек и мир культуры: монография / А. И. Арнольдov. – Москва: Изд-во МГИК, 1992. – 237 с.
11. Астафьева, О. Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития / О. Н. Астафьева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 5 (73). – С. 32.
12. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях славян: монография / А. К. Байбурин. – Ленинград: Наука, 1983. – 188 с.

13. Баллер, Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие: монография / Э. А. Баллер. – Москва: Наука, 1987. – 158 с.
14. Баринов, И. А. Конструирование и воспроизводство образов ислама на конфессиональном поле Забайкальского края: дисс. канд. филос. н.: 09.00.14. Чита, 2013. – 136 с.
15. Басаева, К. Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят: монография / К. Д. Басаева. – Улан-Удэ: Вост. сиб. кн. изд-во, 1974. – 114 с.
16. Бахофен, И. Материнское право / И. Бахофен. – Москва: Канон+, 1996. – 496 с.
17. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества: монография / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1986. – 258 с.
18. Бек, У. Общества риска. На пути к другому модерну: монография / У. Бек. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
19. Белинский, В. Г. Избранные философские сочинения / В. Г. Белинский. – Москва: Госполитиздат, 1941. – 591 с.
20. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – Москва: Прогресс, 1986. – 342 с.
21. Белова, В. Л. Регионоведение. Регионообразующие факторы / В. Л. Белова // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. – С. 57.
22. Бенедикт, Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры : монография / Р. Бенедикт. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 256 с.
23. Бердяев, Н. А. Воля к жизни и воля к культуре / Антология культурологической мысли / Н. А. Бердяев. – Москва, 1996. – 198 с.
24. Бернюкевич, Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры / Т. В. Бернюкевич // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. – 2017. – № 3. – С. 55-59.
25. Беспалова, Ю. М. Региональная культура в социокультурном пространстве России / Ю. М. Беспалова // Словцовские чтения. – 1999. – № 2. – С. 237.
26. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы: монография / З. Бжезинский. – Москва : АСТ, 2013. – 703 с.

27. Библер, В. С. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век: монография / В. С. Библер. – Москва: Политиздат, 1991. – 413 с.
28. Билалов, М. И. Культура в условиях глобализации взгляд из России: монография / М. И. Билалов. – Москва: КНОРУС, 2017. – 372 с.
29. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка: монография / М. Блок. – Таллин: Ээстираамат, 1983. – 184 с.
30. Боас, Ф. Ум первобытного человека: монография / Ф. Боас. – Москва: Государственное издательство, 1926. – 154 с.
31. Болонев, Ф. Ф. Старообрядцы Заб. в XVIII–XX вв.: монография / Ф. Ф. Болонев. – Новосибирск: АОЗТ «Февраль», 1994. – 148 с.
32. Бороноев, А. О. Сибирская ментальность как фактор интеграции населения региона / А. О. Бороноев // Третьи Забайкальские социологические чтения. – Чита: ЧитГУ, 2006. – С. 60-65.
33. Борхес, Х. Л. История вечности: монография / Х. Л. Борхес. – Москва: АСТ, 2015. 320 с.
34. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч 1. Роль среды: монография / Ф. М. Бродель. – Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
35. Бубер, М. Изречённое слово / М. Бубер // Философия языка и семиотика: монография. – Иваново: ИвГУ, 1995. С. 203-213.
36. Букин, А. Г. Культурное пространство и пространства культур: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2006. – 22 с.
37. Бурдые, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдые // Поэтика и политика. – Москва: СПб., 1999. – 166 с.
38. Буряты / отв. ред. Л. А. Абаева, Н. Л. Жуковская. – Москва: Наука, 2004. – 633 с.
39. Буркхардт, Т. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы: монография / Т. Буркхардт. – Москва: Алетейа, 1999. – 216 с.

40. Василевич, Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.) / Г. М. Василевич. – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.
41. Васильев, А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций: монография / А. Г. Васильев. – Москва: НБ- Медиа, 2015. – С. 72-91.
42. Васильева, К. К., Мельницкая С. А. Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края: монография / К. К. Васильева, С. А. Мельницкая. – Чита: ЧитГУ, 2008. – 175 с.
43. Вебер, М. Избранное. Образ общества: монография / М. Вебер. – Москва: Юрист, 1994. – 704 с.
44. Вейнингер, О. Пол и характер. Принципиальное исследование: монография / О. Вейнингер. – Москва: Сфинкс, 1909. – 420 с.
45. Веблен, Т. Теория праздного класса: монография / Т. Веблен. – Москва: Прогресс, 1984. – 367 с.
46. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера: монография / В. И. Вернадский. – Москва: Айрис-пресс, 2012. – 576 с.
47. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций: монография / Дж. Вико. – Москва: REFL-book, ИСА, 1994. – 656 с.
48. Вольтер, Дидро, Руссо: Литература Французского Просвещения. Москва: Дрофа, 2008. – 768 с.
49. Габриелян, О. А. Русский мир: культурное пространство Крыма: монография / О. А. Габриелян. – Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. – 128 с.
50. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного: монография / Г.-Г. Гадамер. – Москва: Искусство, 1991. – 368 с.
51. Ганзей, С. С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-востока КНР : монография / С. С. Ганзей. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 230 с.
52. Гачев, Г. Национальные образы мира. Евразия - космос кочевника, земледельца и горца: монография / Г. Гачев. – Москва: Academia, 1998. – 430 с.
53. Гегель. Феноменология Духа. Философия истории: монография / Гегель. – Москва : Эксмо, 2007. – 880 с.

54. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества: монография / И. Г. Гердер. – Москва : Наука, 1977. – 704 с.
55. Гернего, Л. В. Духовно-нравственные основы жизнедеятельности забайкальского казачества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Улан-Удэ, 2000. 24 с.
56. Гидденс, Э. Последствия современности: монография / Э. Гидденс. – Москва: Праксис, 2011. – 352 с.
57. Гирц, К. Интерпретация культур: монография / К. Гирц. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
58. Гумбольдт, В. фон. О мышлении и речи / В. фон. Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.
59. Гумилев, Л. Н. Биосфера и импульсы сознания / Л. Н. Гумилев // Природа. – 1978. – № 12. – С. 97-105.
60. Герасимов, И. П. Предбайкалье и Забайкалье. Природные условия и естественные условия СССР: монография / И. П. Герасимов. – Москва: Наука, 1965. – 491 с.
61. Герцен, А. И. Былое и думы: роман / А. И. Герцен. – Минск: Народная рассвета, 1971. – 552 с.
62. Глаголев, В. С. Идентичность молодежи в пространстве современной немецкой культуры / В. С. Глаголев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 5. – С. 114-124.
63. Гомбоева, М. И. Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья: монография / М. И. Гомбоева. – Новосибирск: Наука, 2012. – 426 с.
64. Грановский, Т. Н. Сочинения / Т. Н. Грановский. – Москва: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1900. – 659 с.
65. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры : монография / А. Я. Гуревич. – Москва : Искусство, 1984. – 352 с.

65. Гуревич, П. С. Философия культуры: монография / П. С. Гуревич. – Москва: Nota Bene, 2001. – 352 с.
67. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество: монография / Дж. К. Гэлбрейт. – АСТ, 2004. – 608 с.
68. Гэсэр: бурятский героический эпос / Москва: Художественная литература, 1968. – 278 с.
69. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: монография / Н. Я. Данилевский. – Москва: Книга, 1991. – 576 с.
70. Дарнтон, Р. Великое кошацье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры: монография / Р. Дарнтон. – Москва: Новое литературное обозрение, 2002. – 384 с.
71. Джефферсон, Дж. Декларация независимости. Инаугурационные речи / Дж. Джефферсон. – Алматы: ВШП «Эділет», 1999. – 58 с.
72. Дробижева, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. / Л. М. Дробижева. – Москва, 2013. – 336 с.
73. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: монография / Э. Дюркгейм. – Москва: Наука, 1991. – 508-510.
74. Ерасов, Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки: монография / Б. С. Ерасов. – Москва: Наука, 1982. – 280 с.
75. Жданов, Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры: монография / Ю. А. Жданов, В. Е. Давидович. – Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005. – 428 с.
76. Жуков, А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: диссертация ... доктора философских наук 09.00.14. Чита, 2011. 372 с.
77. Жуковская, Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов: монография / Н. Л. Жуковская. – Москва: ГРВЛ, 1988. – 200 с.
78. Забияко, А. П., Кобызов Р. А., Понкротова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке: монография / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкротова. – Благовещенск: АмГУ, 2009. – 418 с.

79. Залкинд, Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. : монография / Е. М. Залкинд. – Москва: Наука, 1970. – 400 с.
80. Захарова, Л. Н. Объединяющая идея в региональной культуре / Л. Н. Захарова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – 3 (31) – С. 53
81. Зими́на, Н. С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации (на примере Забайкальского края): автореф. ... канд. филос. н: 09.00.11. Чита, 2012. 18 с.
82. Злобин, Н. С. Культура и общественный прогресс: монография / Н. С. Злобин. – Москва: Наука, 1980. – 303 с.
83. Иконникова, С. Н. Траектории динамики субкультур: монография / С. Н. Иконникова. – Москва: Институт социологии РАН, 2000. – 264 с.
84. История Бурят-Монгольской АССР / Г. Н. Румянцев. Улан-Удэ, Бур. -Монг. изд. 1951. Т. 1. 574 с.
85. Ильенков, Э. В. Философия и культура: монография / Э. В. Ильенков. – Москва: МПСИ, 2010. – 808 с.
86. Ильин, И. А. Кризис безбожия: монография / И. А. Ильин. – Москва: Дарь, 2005. – 495 с.
87. Кавелин, К. Д. Государство и община: монография / К. Д. Кавелин. – Москва: Институт русской цивилизации, 2013. – 1296 с.
88. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры: монография / М. С. Каган. – Санкт-Петербург: 1996. – 477 с.
89. Каганский, В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей / В. Каганский. – Москва: НЛЮ, 2001. – 576 с.
90. Кальмина, Л. В. Экономическая стратегия самодержавия в начале XX в. в геополитическом пространстве Забайкалья / Л. В. Кальмина // Власть. – 2010. – № 4. – С. 110-113.
91. Камедина, Л. В. Забайкальский текст в русской культуре / Л. В. Камедина // Гуманитарный вестник. – 2015. – С. 139-145.

92. Кант, И. Лекции по этике: монография / И. Кант. – Москва: Республика, 2000. – 431 с.
93. Кантор, В. В поисках личности: опыт русской классики: монография / В. Кантор. – Москва: МФФ, 1994. – 204 с.
92. Кардинер, А. Индивид и его общество. Психологические границы общества / А. Кардинер // Культурология, 2005. – 1 (32). – С. 40-92.
93. Кармин, А. С. Интуиция: философские концепции и научное исследование: монография / А. С. Кармин. – Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 18-19.
94. Карсавин, Л. П. Восток, запад и русская идея: монография / Л. П. Карсавин. – Петербург: Academia, 1922. – 80 с.
95. Келли, Дж. Теория личности (теория личных конструктов): монография / Дж. Келли. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 249 с.
96. Кертман, Л. Е. К методологии изучения культуры и критике её идеалистических концепций / Л. Е. Кертман // Новая и новейшая история. – 1973. – № 3. – С.32-47.
97. Киреевский, И. В. Духовные основы русской жизни : монография. / И. В. Киреевский. – Москва: Институт русской цивилизации, 2007. – 448.
98. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах / В. О. Ключевский. – Москва: «Мысль», 1987-1990. – 4142 с.
99. Кольридж, С. Т. Избранные труды: монография / С. Т. Кольридж. – Москва: Искусство, 1987. – 353 с.
100. Константинов, М. В. Забайкалье / М. В. Константинов [и др.] // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Новосибирск: Наука, 2003. – С. 357-358.
101. Константинова, Н. Н., Болонев Ф. Ф. Народы Забайкалья в XVII – XX вв. Этническая история и состав населения края / Н. Н. Константинова, Ф. Ф. Болонев // Энциклопедия Забайкалья (Читинская обл.). – Новосибирск, 2000. – С. 212.
103. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах / В. О. Ключевский. – Москва: Издательство «Мысль», 1987-1990. – 4142 с.

104. Коган, Л. Н. Человек и его судьба: монография / Л. Н. Коган. – Москва: Мысль, 1988. – 284 с.
105. Колотуша, В. В., Гуреева О. И. Культурно-цивилизационная идентичность в условиях становления полицентричного мира / В. В. Колотуша, О. И. Гуреева // Гуманитарный вектор. – том 15. – № 4. – С. 114-118.
106. Кон, И. С. Социология личности: монография / И. С. Кон. – Москва: Политиздат, 1967. – 383 с.
107. Кондаков, И. В. Ментальная доминанта российской цивилизации / И. В. Кондаков // Философские науки. – 2010. – № 3. – С. 23-32.
108. Костомаров, Н. И. Собрание сочинений Н.И. Костомарова. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. – 714 с.
109. Ламаизм в Бурятии XVIII начала XX века. Структура социальная роль культовой системы: монография / Г. Р. Галданова [и др.]. Новосибирск, 1983. – 235 с.
110. Лбова, Л. В. [и др] Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго – восточное Прибайкалье) : монография / Л. В. Лбова. – Улан-Удэ, БНЦ СО РАН, 2003. – 207с.
111. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого: монография / Ж. Ле Гофф. – Москва : Издательская группа «Прогресс», 2001. – 440 с.
112. Леви-Брюль, Л. Первобытный менталитет: монография / Л. Леви-Брюль, Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2002. – 400 с.
113. Леви-Стросс, К. Печальные тропики: монография / К. Леви-Стросс. – Москва: Мысль, 1984. – 441 с.
114. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01. Санкт-Петербург, 2002. – 52 с.
115. Ленин, В. И. «Социализм и религия» / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Москва: Издательство политической литературы. – 1967. – С. 142-147.

116. Леонтьев, К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России : монография / К. Н. Леонтьев. – Москва: Институт русской цивилизации, 2010. – 1232 с.
117. Леонтьева, Е.Ю. Национальное и этническое самосознание в контексте гендерных репрезентаций / Е.Ю. Леонтьева // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия 3. Общественные науки. – 2016. – Т. 31, вып. 1. - С. 90-95.
118. Лепехов, С. Ю. Формирование конфессиональной и этнической идентичности бурят в культурном и цивилизационном пространстве Байкальского региона / Лепехов, С. Ю // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии. Улан-Удэ: ФГБОУ ВО ВСГИК, 2017. С. 7-16.
119. Лисенкова, А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности / А. А. Лисенкова // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2 (54). – С. 55-68.
120. Лихачев, Д. Заметки о русском: монография / Д. Лихачев. – Москва: Советская Россия, 1981. – 69 с.
121. Лосев, А. Ф. Философия имени: монография / А. Ф. Лосев. – Москва: Изд. МГУ, 1990. – 269 с.
122. Лотман, Ю. М. Семиосфера: монография / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство СПб, 2010. – 703 с.
123. Любавский, М. К. Русская история от древности до конца XVIII в.: монография / М. К. Любавский. – Санкт-Петербург: Лань, 2002. – 576 с.
124. Мазин, А. И. Быт и хозяйство эвенков-орочонов: монография / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1992. – 207 с.
125. Маккиндер, Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Дж. Маккиндер // Полис. – 1995. – № 4. – С. 162-169.
126. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека, печатающего: монография / М. Маклюэн. – Москва: Академический Проект, Гаудеамус, 2013. – 496 с.
127. Малиновский, Б. К. Научная теория культуры: монография / Б. К. Малиновский. – Москва: ОГИ, 2005. – 576 с.

128. Маркарян, Э. С. Культура как способ социальной самоорганизации. Общая постановка проблемы и ее анализ применительно к НТР: монография / Э. С. Маркарян. – Пушкино: Научный центр биологических исследований, 1982. – 284 с.
129. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения: монография / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Госполитиздат, 1974. – 535 с.
130. Маркузе, Г. Одномерный человек: монография / Г. Маркузе. – Москва: Refl-book, 1994. – 368 с.
131. Масперо, Ж. Древняя история народов Востока : монография / Ж. Масперо. – Москва: Издание Солдатенкова. Тип. Волчанинова и бывш. Д.И. Иноземцева, 1895. – 715 с.
132. Межуев, В. М. Культура и история: монография / В. М. Межуев. – Москва: Политиздат, 1977. – 199 с.
133. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура : монография / Р. К. Мертон. – Москва : АСТ, 2006. – 873 с.
134. Мерцалов, В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1841-1895) / В. И. Мерцалов // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 3. – С. 26-33.
135. Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого : монография / П. Н. Милюков. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. – 736 с.
136. Михайлов, Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции: монография / Т. М. Михайлов. – Новосибирск: Наука, 1987. – 288 с.
137. Монтескье, Ш. Л. О духе законов: монография / Ш. Л. Монтескье. – Москва: Изд-во «Мысль», 1999. – 674 с.
138. Морган, Л. Г. Древнее общество: Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации: монография / Л. Морган. – СССР: Г. Л. Народов Севера ЦИК, 1934. – 352с.

139. Морозова, В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дисс. ... докт. филос. н.: 09.00.13. Чита, 2013. – С. 306-307.
140. Мосолова, Л. М. Мировое культурное наследие в контексте процессов глобализации // Культурогенез и культурное наследие: монография / Л. М. Мосолова. – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 562-575.
141. Мурзин, А. Э. «Уральская толерантность». Культура межнационального единства в регионе: монографический очерк / А. Э. Мурзин. – Екатеринбург: ООО «Веста», 2016. – 124 с.
142. Мурзина, И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: дис. ... докт. культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 2003. – 237 с.
143. Науманн, Ф. Срединная Европа: монография / Ф. Науманн. – Петроград: К-во Огни, 1918. – 136 с.
144. Неклюдов, С. Ю. Время и пространство в бытине / С. Ю. Неклюдов // Славянский фольклор. – Москва, 1972. – 46 с.
145. Нэбитт, Д., Эбурдин П. Десять новых направлений на 90-е годы: монография / Д. Нэбитт, П. Эбурдин. – Москва: Республика, 1992. – 415 с.
146. Окладников, А. П. Очерки из истории зап. бурят-монголов (17–18 вв.) / А. П. Окладников. – Москва: ОГИЗ, 1937. – 425 с.
147. Олпорт, Г. Становление личности: Избранные труды: монография / Г. Олпорт. – Москва: Смысл, 2002. – 462 с.
147. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры: монография / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва : Искусство, 1991. – 592 с.
149. Павленко, В. Б. Российская идентичность как продукт взаимодействия цивилизаций / В. Б. Павленко // Транснациональные процессы: XXI в. – Москва, 2004. – 103 с.
150. Патнем, Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии : монография / Р. Патнем. – Москва: AdMarginem, 1996. – 287 с.

151. Пелипенко, А. А. Постигание культуры: В 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл: монография / А. А. Пелипенко. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 607 с.
152. Перинов, В. В. Мусульманская община Верхнеудинска в конце XIX – начале XX века: социальный портрет / В. В. Перинов // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. – №7. – С. 4-9.
153. Петрова, Е. В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья: этносоциологический анализ / Е. В. Петрова. – Улан-Удэ, 1999 г. – 129 с.
154. Петровский, А. В. Личность. Деятельность. Коллектив : монография / Петровский, А. В. – Москва : Политиздат, 1982. – 255 с.
155. Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда: монография / Н. К. Пиксанов. – Москва-Ленинград: Госиздат, 1928. – 148 с.
156. Платон. Диалоги: монография / Платон. – Москва: Мысль, 1986. – 605 с.
157. Платонов, О. А. История русского народа в XX в.: монография / О. А. Платонов. – Москва: Алгоритм, 2009. – 1268 с.
158. Погодин, М. П. Избранные труды: монография / М. П. Погодин. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 776 с.
159. Погосбекова, Д. А. Региональная культура – ценностно-смысловой аспект / Д. А. Погосбекова // Вестник ИГПИ им. П.П. Ершова. – 2012. – № 1 (3). – С. 60-63.
160. Покровский, М. Н. Русская история с древнейших времен: монография / М. Н. Покровский. – Москва: Государственное Социально-Экономическое Издательство, 1934. – 448 с.
161. Полетаева, Л. Г. Культурное наследие декабристов в Забайкалье: дисс... канд. культурологии: 24.00.01 Чита, 2007. – 174 с.
162. Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки): монография / В. Н. Порус. – Москва: Канон+: Реабилитация, 2008. – 464 с.
163. Потанин, Г. Н. Областническая тенденция в Сибири: монография / Г. Н. Потанин. – Томск: Паровая типолитография Сибирского тов-ва печатного дела. – 1907. – 64 с.

164. Путинцева, Е. Ю. Аксиосфера библиотеки в контексте трансляции ценностей региональной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2015. – 24 с.
165. Пыляев, М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы: монография / М. И. Пыляев. – Москва: Азбука, 2017. – 512 с.
166. Ратцель, Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) / Ф. Ратцель // Геополитика. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – С. 15-36.
167. Рикёр, П. Человек как предмет философии / П. Рикёр // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 41-50.
168. Розанов, В. В. Народная душа и сила национальности : монография / В. В. Розанов. – Москва: Ин-т рус. Цивилизации, 2012. – 992 с.
169. Романова, Н. П., Жукова А. А. Буддийские идеи в народной религии русских Забайкалья в XVII-XIX вв. / Н. П. Романова, А. А. Жукова. – Вестник ЗабГУ. – 2012. – № 11 (90). – С. 122-129.
170. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание: монография / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург, Питер, 2017. – 288 с.
171. Рыжова, Н. П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье / Н. П. Рыжова // Вестник ВолГУ. – 2008. – № 1(13). – С. 107-114.
172. Рэдклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А. Р. Рэдклифф-Браун. Москва : Восточная литература РАН, 2001. – 304 с.
173. Самарин, Ю. Ф. По поводу толков о конституции: монография / Ю. Ф. Самарин. – Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – 352 с.
174. Самойлов, Н. А. Россия и Китай в XVII- начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия: дисс. ... докт. ист. н: 07.00.03. Санкт-Петербург, 2012. – 367 с.
175. Сараф, М. Я. Культурное пространство как предмет исследования / М. Я. Сараф // Пространство и время. – 2011. – № 4. – С. 15-19.

176. Силантьева, М. В. Идентичность как коммуникативный проект: «Новые мифологии» в пространстве современной культуры / М. В. Силантьева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2019. – № 1. – С. 19-25.
177. Смирнов, А. В. «Всечеловеческое vs. Общечеловеческое» / А. В. Смирнов. – Москва: ООО «Садра», Издательский дом ЯСК, 2019. – 216 с.
178. Смирнов, Н. Н. Забайкальское казачество / Н. Н. Смирнов. – Москва: Вече, 2008. – 544 с.
178. Соловьев, В. С. Русская идея : монография / В. С. Соловьев. – Москва: Путь, 1911. – 51 с.
179. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен: монография / С. М. Соловьев. – Петроград: Издательство П. П. Сойкина, 1903. – 192 с.
180. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество: монография / П. Сорокин. – Москва: Политиздат, 1992. – 542 с.
181. Спафарий, Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария. / Н. Спафарий. – Санкт-Петербург: тип. Киришбаума, 1882. – 215 с.
182. Спенсер, Г. Опыты научные, философские и политические : монография / Г. Спенсер. – Мн.: Современный литератор, 1999. – 1408 с.
183. Спиридонова, А. В. Проблема взаимодействия универсального и локального в региональной культуре Забайкалья / А. В. Спиридонова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 2. – С. 246-249.
184. Степин, В. С. Глобальная культура: многообразие опытов и универсальные ценности / В. С. Степин // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. – 2010. – № 1. – С. 71-92.
185. Столпянский, П. Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург: монография / П. Н. Столпянский. – Санкт-Петербург: Колос, 1918. – 404 с.

186. Сундуева, Д. Б. Забайкальское трансграничье как социолингвистический феномен // Языковая культура Восточного Забайкалья: монография / Л. М. Любимова, Н. А. Лиханова, Д. Б. Сундуева. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 85-139.
187. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура: монография / Э. Б. Тайлор. – Москва: Изд-во полит. культуры, 1989. – 573 с.
188. Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии: монография / Ф. Теннис. – Москва: Фонд Университет, 2002. – 450 с.
189. Терещенко, А. В. Быт русского народа: монография / А. В. Терещенко. – Москва: Русская книга, 1999. – 336 с.
190. Тертешникова, Н. Д., Жукова А. А. и др. Влияние региональной социально-политической культуры на личность в философских концепциях и литературных описаниях / Н. Д. Тертешникова, А. А. Жукова, И. В. Романова, Т. В. Бернюкевич // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – № 8. – С. 72-80
191. Тихонова, А. Ю. Региональная культура: опыт исследования: монография / А. Ю. Тихонова. – Ульяновск: УИПКПРО, 2007. – 176 с.
192. Тишков, В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания: монография / В. А. Тишков. – Москва: Наука, 2013. – 649 с.
192. Толстов, С. П. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии / С. П. Толстов // Советская этнография. – 1960. – № 6. – С. 10-23.
193. Тойнби, А. Постижение истории: монография / А. Тойнби. – Москва: Рольф, 2001. – 640 с.
194. Токарев, С. А. Ранние формы религии: монография / С. А. Токарев. – Москва: Политиздат, 1990. – 622 с.
195. Токарева, С. Б. Критическое мышление, логическая культура личности и модели возможного мира / С. Б. Токарева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология, социальные технологии. – № 4 (34). – 2016. – С. 45.

196. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: монография / В. Н. Топоров. – Москва: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.
197. Тоффлер, Э. Третьяволна : монография / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2010. – 784 с.
198. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир: монография // Э. Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
199. Трельч, Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории: монография / Э. Трельч. – Москва: Республика, 1995. – 647 с.
200. Трипузов, М. Г. Культурное пространство как объект культурологического исследования / М. Г. Трипузов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 17. – С. 64–70.
201. Трубецкой, Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока: монография. Берлин, Евраз. книгоизд-во, 1925. 60 с.
202. Туровский М. Б., Туровская С. В. Культурная сущность образования / М. Б. Туровский, С. В. Туровская // Культура. Традиции. Образование. – 1990. – Вып. 1. – 95 с.
203. Тюгашев, Е. А., Попков Ю. В. Теоретико-методологическое проблемное поле российского проекта цивилизационного развития / Е. А. Тюгашев, Ю. В. Попков // Проблемы цивилизационного развития. – 2020. – № 1. – С. 35–48
204. Файнбург, З. И. Методологические проблемы теории культуры: состояние и перспективы / З. И. Файнбург // Диалектика культуры: сборник статей. Куйбышев. – 1982. – №1 – С.17-21.
205. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – Санкт-Петербург: София, 1991. – С. 83-97.
206. Филиппова, Н. П. Символо-знаковые системы региональной культуры Забайкалья / Н. П. Филиппова // Вестник ЧитГУ. – 2009. – № 2. (53). – С. 21-27.
207. Фицджеральд, С. П. Китай. Краткая история культуры: монография / С. П. Фицджеральд. – Санкт-Петербург: Евразия, 1998. – 456 с.

208. Флиер, А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры: монография / А. Я. Флиер. – Москва: Согласие, 2015. – 528 с.
209. Флоровский, Г. В. Два завета / Г. В. Флоровский // Россия и латинство. Берлин, Евразийское книгоиздательство. – 1923. – №3. – 222 с.
210. Фомина, М. Н., Букин А. Г. Пространственные измерения культуры: методология исследований / М. Н. Фомина, А. Г. Букин // Вестник ЗабГУ. – 2012. – № 11 (90). – С. 130-135.
211. Фоминых, О. Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые Характеристики / О. Б. Фоминых // Время культуры в региональном пространстве. Курган. – 2010. – №2 – 158 с.
212. Фромм, Э. Иметь или быть: монография / Э. Фромм. – Москва: Прогресс, 1990. С. 44-47.
213. Фрэйзер, Дж. Золотая ветвь: монография / Дж. Фрэйзер. – Москва: Политиздат, 1983. – 703 с.
214. Фрейд, З. Психоаналитические этюды: монография / З. Фрейд. – Минск: Поппури, 2010. – 608 с.
215. Хабермас, Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 35-40.
216. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций: монография / С. Хантингтон. – Москва: АСТ, 2003. – 603 с.
217. Харрисон, Л., Хантингтон С. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: монография / Л. Харрисон, С. Хантингтон. – Москва: МШПИ, 2002. – 320 с.
218. Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий: монография / Й. Хейзинга. – Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
219. Хомяков, А. С. Всемирная задача России : монография / А. С. Хомяков. – Москва: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 784 с.
220. Храпова, В. А. Регионализм как форма проявления субъективности (феноменологический взгляд на герменевтические исследования М.Фуко) / В. А.

- Храпова // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2017. – № 1. – С. 110-115
221. Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности: монография / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 608 с.
222. Чаадаев, П. Философические письма: монография / П. Чаадаев. – Казань: Тип-я Д.М. Гран, 1906. – 75 с.
223. Челлен, Р. Государство как форма жизни: монография / Р. Челлен. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
24. Чернышевский Н. Г., Бобриков Г. И., Лебедев А. А., Анучин Д. Г., Вилламов Г. И., Анучин А. С., Вилламов Н. А. Русская старина. СПб., «Электро-типография Н. Я. Стойковой», 1912. Т. 150. Кн. 5. С. 233-444.
225. Швейцер, А. Культура и этика: монография / А. Швейцер. – Москва: Прогресс, 1973. – 343 с.
226. Шевченко, В. Н. Россия как государство – цивилизация: монография / В. Н. Шевченко. – Москва: РАН, 2016. – 122 с.
227. Шелер, М. Проблемы социологии знания: монография / М. Шелер. – Москва: Инс-т общегуманитарных исследований, 2011. – 320 с.
228. Шелехов, Д. О настоящем положении сельского хозяйства в России и причинах прошлогодних неурожаев: монография / Д. Шелехов. – Санкт-Петербург: Типография Э. Праца, 1842. – 16с.
229. Шеллинг, В. Ранние философские сочинения: монография / В. Шеллинг. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 484 с.
230. Шпенглер, О. Закат Европы: монография / О. Шпенглер. – Новосибирск: Наука, 1993. – 592 с.
231. Щапов, А. П. Этнографическая организация русского народонаселения / А. П. Щапов // Соч. А.П. Щапова. – Санкт-Петербург. – 1906. – С. 365-397.
232. Щеткина, И. А. Культуроцентризм в исследовании качества жизни / И. А. Щеткина // Гуманитарный вектор. – 2018. – № 2. С. 52-59.
233. Эйзенштадт, Ш. Новая парадигма модернизации / Ш. Эйзенштадт // Сравнительное изучение цивилизаций. – Москва: Аспект Пресс, 1998. – 556 с.

317. Элиас, Н. Общество индивидов: монография / Н. Элиас. – Москва: Алетейя, 2001. – 639 с.
234. Эльконин, Д. Б. Развитие устной и письменной речи: монография / Д. Б. Эльконин. – Москва: Интор, 1998. – 112 с.
235. Юнг, К. Г. Человек и его символы: монография / К. Г. Юнг. – Москва: Серебряные нити, 2017. – 352 с.
236. Ядринцев, Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: монография / Н. М. Ядринцев. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 336 с.
237. Ядов, В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35-52.
238. Яковенко, И. Г. Познание России: цивилизационный анализ: монография / И. Г. Яковенко. – Москва: Наука, 2008. – 168 с.
239. Яковлева, Е. Н. К определению понятия «региональная культура» / Е. Н. Яковлева // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 4 (28). – С. 2456-262.
240. Abiola, I Defence of Negritude: A Propos of Black Orpheus by Jean Paul Sartre / I. Abiola, J. Sartre // Transition – Oct., 1975 - Mar., 1976 – No. 50. – Pp. 39-41.
241. Alexander, J. C. The Civil Sphere: monograph. / J. C. Alexander. – N.Y.: Oxford University Press, 2006. – 816 p.
242. Almond, G., Verba S. Civic Culture: monograph / G. Almond, S. Verba – Princeton: Princeton university press, 1963. – 562 p.
243. Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations: monograph / Ph. Bagby. – N. Y.; L. University of California Press, 1958. – 256 p.
244. Barnard, A. History and Theory in Anthropology: monograph / A. Barnard – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 256 p.
245. Bastian, A. Die Völker des OstlichenAsien. Reisen in Siam imJahre 1863 von Dr. Adolf Bastian: monograph / A. Bastian. – Jena: HermanConstenoble. 1867. Bd. 3. – 540 s.

246. Billington, R. A. *America's frontier heritage: monograph* / R. A. Billington – N.Y.: Holt, 1966. – 310 p.
247. Blyden, E. W. *Christianity, Islam and the Negro Race: monograph* / E. W. Blyden. Baltimore, MD: Black Classic Press, 1994. – Xv. – 432 p
248. Campbell, J. *Mythic Black Fiction: A Transformation of History: monograph* / J. Campbell. – Knoxville, TN: The University of Tennessee Press, 1986. – Xviii. – 180 p.
249. Carreta, V. *Equiano, the African: Biography of Self-Made Man: monograph* / V. Carreta. – Athens, GA; L.: University of Georgia Press, 2005. – Xxviii. – 436 p.
250. Inglehart, R., Baker, W. *Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values* / R. Inglehart, W. Baker // *American Sociological Review*, February 2000. P. 19-51.
251. Feibleman, J. *The Theory of Human Culture: monograph* / J. Feibleman. – N.Y.: Humanitarian Press, 1968. – P. 125-150.
252. Fukuyama, F. *The End of History and the Last Man: monograph* / F. Fukuyama, – N. Y.: Free Press, 1992. – 901 p.
253. Grondona, M. *Typology of Progress-Prone and Progress-Resistant Culture: monograph* / M. Grondona, I. Chkonia, R. Inglehart, M. Marini, L. Harrison – N. Y: Oxford University Press. 2006. – 272 p.
254. Hoselitz, B. *Entrepreneurship and Economic Growth* / B. Hoselitz // *American Journal of Economics and Sociology*. 1952. – 12. – no.1. – Pp. 97-110.
255. Huntington, S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order: monograph* / S. P. Huntington. – N. Y.: Simon & Schuster, 1996. – 410 p.
256. Craven, A. *Turner's theory and the South* / A. Craven // *Journal of Southern history*, 1939. – Vol. 5. – №3. – P. 291- 314.
257. Graebner, R. F. *Kulturkreise und Kulturgeschichten in Ozeanien* / R. F. Graebner // *Zeitschrift Ethnologischerunde*, 1905. – Band 37. – S. 28-53.
258. Karigren, B. *The Authenticity of Ancient Chinese Texts* / B. Karigren // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 1929. – T.1. – Pp. 165–183.
259. Kohlberg, L. *Education, Moral Development and Faith* / L. Kohlberg // *Journal of Moral Education*, 1974. – 4 (1). – P. 5-16.

260. Kymlicka, W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights: monograph / W. Kymlicka. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 280 p.
261. Kroeber, A. L., Parsons T. The Concept of Culture and of Social System / A. L. Kroeber, T. Parsons // American Sociological Review. 1958. – V. 23. October – Pp. 582-583.
262. Levy, M. J. Modernization and the Structure of Societies: monograph / M. J. Levy. – Princeton, 1966. – 880 p.
263. Linton, R. The Cultural Background of Personality: monograph / R. Linton – NY. L., 1945. – 157 p.
264. Meadows, D. H., Randers J., Meadows D. L, Behrens W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind: monograph / D. H. Meadows, J. Randers, D. L. Meadows, W. Y. Behrens. – N.Y.: Universe Books, 1972. – 211 c.
265. Miller, D. I. Citizenship and National Identity: monograph / D. I. Miller. – Cambridge: Polity Press, 2000. – 224 p.
266. Risman, D. Lonely crowd. The study of american character: monograph / D. Risman, N. Glaser, R. Danney. – N.Y., 1950. – 352 p.
267. Redfield, R. Memorandum for the Study of Acculturation / R. Redfield, R. Linton, M. J. Herskovits // American Anthropologist, 1936. – Vol. 38. – No. 1. – P. 149-152.
268. Rostow, W.W. The Stages of Economic Growth / W.W. Rostow // The Economic History Review, New Series, 1959. – Vol.12. – N1. – P. 1-16.
269. Roemheld, L. Integral Federalism: Model for Europe – a way towards a personal group society. Historical development, Philosophy, State, Economy, Society: monograph. Frankfurt / L. Roemheld, M. Bern. – N. Y. Peter Lang, 1990. – 312 p.
270. Sahlins, M. Culturein Practice: Selected Essays: monograph / M. Sahlins, N. Y.: Zone Press, 2000. – 646 p.
271. Smith, H. N. Virgin land, the American west as Symbol and Myth: monograph / H. N. Smith. –Massachusetts: Harvard University Press, 1950. – 305 p.
272. Soja, E. Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory: monograph / E. Soja. – London: Verso, 1989. – 266 p.

273. Thompson, E. P. The Making of the English Working Class: monograph / E. P. Thompson – London, 1963. Thompson, E. P. – 950 p.
274. Turner, F. J. The frontier in American history: monograph /F. J. Turner. – N.Y.: Henry Holt and Company, 1931. – 375 p.
275. Weinstock, D. M. Is There a Moral Case for Nationalism / D. M. Weinstock // Journal of Applied Philosophy, 1996. – Vol 13.No-1. – Pp. 87-100.
276. White, L. The Evolution of Culture: monograph / L. White. – N. Y.: McGraw-Hill, 1959. – 378 p.
277. Wright, B. F. American democracy and the frontier / B. F. Wright // Yale review, 1930. – Vol. XX. – №4. – P. 349-365.

Электронные источники и документы:

1. Забайкальские казаки на фронтах Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/pamyatdaurii/zabaikalskie-kazaki-na-frontah-velikoi-otechestvennoi-5cc2e883c53c2900afb2c9b2>
2. Декабристы и другие ссыльные в Забайкалье [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://predistoria.org/forums/index.php?topic=69.75>
3. История и культура народов Забайкалья в XVII–XIX вв. Встреча народов и цивилизаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museums75.ru/zaletnology.htm>
4. Крылов Д. А. Идентичность и менталитет: Российское и Забайкальское измерения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sibcity.ru/index.php?news=369_8&line=5
5. Маслов О. Ю. Распад России в начале XXI века в высказываниях современников. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2009/05/11/disintegrationru/>
6. Подписан закон об образовании Забайкальского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/23/07/2007/5703c84e9a79470eaf7663a4>
7. Региональная идентичность: теоретическое содержание и методология изучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dvo.sut.ru/libr/history/i299mez2/2.htm>

8. Россия: схватка народов или гармония // Изборский клуб. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dynacon.ru/arh/2014_01_Book.pdf
9. Трансформация геополитической идентичности России в контексте национальной безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=630810&soch=1>
10. Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года, утвержденной постановлением Правительства Забайкальского края от 26 декабря 2013года №586 в среднесрочной перспективе политика Забайкальского края в области культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/412700488>
11. Туровский Р. Ф. Эпитафия российскому федерализму [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vuzlit.ru/890253/turovskiy_epitafiya_rossiyskomu_federalizmu